

ლიტერატურა

10.335 / 1
1966 / 2

გურჯინა

45
10.335

1
1966

16006750
2005000000

Празднуй, радуйся, пой, моя Родина!
Всею душою, всем сердцем любя,
в новогоднем преддверии с орденом
поздравляю и славлю тебя.

Пусть цветут и долины и степи,
здравствуй Грузия, песня моя!
Пусть без счета, как звезды в небе,
вырастают твои сыновья!

Алио Мирцхулава.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СИМОН ЧИКОВАНИ. На Сигнахской горе. Детский плач. Песнь ручья. Песня влюбленного рыбака. Стихи. Переводы с грузинского С. Куняева и В. Бокова	3
ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Фольга. Перевод с грузинского А. Джапаридзе	5
МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Рассвет. Весна знакомая... Дорога моя останется... Стихи. Перевод с грузинского В. Сосноры	11
ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. Обида Егора Грачева. Повесть	12
ШКОЕ ГАСАН. Моя родина. Люби меня. Стихи. Перевод с курдского В. Сосноры	30
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Бухенвальдский колокол	31
ЛИЛИ НУЦУБИДЗЕ. Храм Баграта. Солнце бусы в траве соберет... Домик Лермонтова. Стихи. Перевод с грузинского А. Флешина	43
СОМЕРСЕТ МОЭМ. Общественное мнение. Новелла. Перевод с английского В. Обухова и А. Берга	44
ДОРОГИ И ВСТРЕЧИ	
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Римский диалог	47
БЕСО ЖГЕНТИ. Десять дней во Франции	54

См. на обороте

1

Я Н В А Р Ь

1 9 6 6

КРИТИКА

НОДАР НАТАДЗЕ. Характер в современной литературе 68

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ

БОРИС ПАСТЕРНАК. Письма друзьям 75

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Накануне съезда писателей Грузии . . 92

Руставелевский год 93

ИСКУССТВО

ЭТЕРИ ДУМБАДЗЕ. Жемчужина грузинского балета . . 94

Хроника 42, 53

На 2-й стр. обложки — плакат работы
худ. Р. Кондахазова.

На 3-й стр. — Тбилиское метро. Стан-
ция «Площадь Руставели». Фото Э. Нада-
реишвили

Редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), **М. ЗЛАТКИН,**
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

СИМОН ЧИКОВАНИ

НА СИГНАХСКОЙ ГОРЕ

На качелях сначала туда
я взлетаю,— и тут же обратно.
А в лесу красота, пестрота,
липы, солнце, дрожащие пятна.

Я качаюсь, как спутник горы,
выполняя ее приказанье,
и смотрю, как природы дары
принимает внизу Алазани.

Я вкусил здесь от древа добра,
почерпнул вдохновение в ртвели,
и мне кажется эта страна
легендарной землей Руставели.

Лес в веснушках, а в небе орлы,
дым колышется над очагами,
и колышутся склоны горы,
и качели играют с тенями.

Кто же там, не жалея вина,
разливает его в полумраке?
Это гимн красоте? Тишина?
Бормотанье струящейся влаги?

Мне бы горы окликнуть, да так —
молодецки, чтоб эхо взлетело!
Кто тревожит листву на дубах
и осины дрожащее тело?

Жажда жизни со мной до сих пор,
туч не вижу я на небосклоне,
только слышу, как дышит простор —
а Кахетия как на ладони!

Да, орлы продолжают свой круг,
да, янтарь осыпается с ели...
И колышутся горы вокруг...
Или это всего лишь качели?

ДЕТСКИЙ ПЛАЧ

Деревню разбомбили самолеты,
облили землю ливнем из металла.
Я был в землянке, а неподалеку
со мною рядом девочка лежала.

Объятые землей, огнем и прахом,
мы замерли в землянке, как в могиле,
ее глаза, наполненные страхом,
«О, помогите мне!» — меня молили.

Снаряд ударил в реку, поднял брызги,
осколки с грязью по земле хлестнули,
и петушинный крик раздался близко
и тут же замер в грохоте и в гуле.

Ребенок плакал: «Помогите, дядя»,
он трепетал, как слабое растенье,
и в детские глаза-озера глядя,
я ниоткуда не видал спасенья.

Ребенок плакал: «Дядя, помогите!»,
а чем помочь, когда в землянке душной,
как погребенный заживо в могиле,
лежишь распластанный и безоружный?

И я подумал: расскажу ей сказку,
которая кончается счастливо,
но все забыл — начало и развязку,
когда снаряд обрушился на иву.

Вокруг стояли крики и стенанья,
а мы, полузарыты как в могиле...
О это неизбывное страданье
и детский шепот: «Дядя, помогите!».

Под ливнем пуль, под грохотом бомбежки
я был не в силах к сказке возвратиться...
Прошли года. Все стежки и дорожки
позаросли,
а этот плач все длится.

Где б ни был я — в горах или в долине,
брожу в полях, ромашки обрываю,
но этот плач в моих ушах поныне,
я этот плач нигде не забываю.

Фиалки расцветают на Мтацминде,
сползает снег с усталого нагорья.
А я все слышу: «Дядя, помогите!»
И раны открываются от горя.

Перевод с грузинского С. Куняева

ПЕСНЬ РУЧЬЯ

За самим собой в погоне,
Пел ручей на горном склоне,
Пылью радужною цвел,
Разговор открыто вел:

Не ищу я ложных истин.
Я — ручей. Я — бескорыстен.
Я затем хочу бежать,
Чтобы землю освежать.

Я бездомен. Я бродяга.
Вечный путь — моя отвага.
Вечный говор — мой девиз!
Пел и скатывался вниз.

И задумывался: — Небо,
Что-то дождь давненько не был,
Я твой сын, я твой гонец,
Силы мне прибавь, отец!

Я ручей и я ручаюсь,
Дашь дождя — я не отчаюсь,
Не иссохну, буду течь,
Прославлять родную речь.

Синеву закрыла туча,
Буркой землю нахлобуча,
Славный, добрый дождь упал.
—Я спасен! — ручей кричал.

ПЕСНЯ ВЛЮБЛЕННОГО РЫБОЛОВА

Тигрица моя, не игравшая с тигром,
Тростник мой, нетронутый и тонконогий,
Хотел я к тебе, но к непойманым рыбам,
Как волны, пошел голубою дорогой,

Решил я, что невода ставить не надо.
Что в рыбе? Холодная кровь с чешуею!
Мне снится сегодня другая отрада,
Хочу я попасть в этот невод с тобою!

Мне тень от ветвей и деревьев — ресницы
Твои! Все другие не стоят сравненья,
И даже лучи у луны белолицей
Не так хороши и достойны забвенья.

Мне только что чайная роза сказала,
Что ты над бутоном над чайным склонялась,
Мечтательно веточку чая качая,
Сама в этот миг чистотой наполнялась.

Взорлила душа моя и полетела
К прекрасной, наполненной жизнью, долине,
К пыланию чистого женского тела,
К судьбе неизбежной, к своей половине.

Наказывал я тебе с чайною розой,
Что сад мой, собранье зеленых наречий,
Отныне без нашей любви невозможен,
Он бредит, как я, ожидаемой встречей.

Неистово, яростно землю копытит,
Грызет удила и волнуется конь мой,
Сказать не дано ему, только он видит,
Какой рыболов красотою твоей пойман!

Перевод с грузинского В. Бокова

Ф о л ь г а

Перевод с грузинского А. Джапаридзе

Особенно скучно бывает Сулхану, когда дома нет внука. Старика одолевают тогда горькие мысли, он слоняется из угла в угол, не знает, куда себя деть и, наконец, наскоро перекусив, выходит из дому.

Домашние отлично знают, куда он направляется. И не только домашние. Парнишке, что торгует боржомом в ларьке на углу, и тому известно, куда спешит старик. Знает это и одноногий продавец газет, который сидит в киоске «Союзпечати», знает вся улица. Старый наборщик идет в типографию, хотя и не ждет его уже линотип, спешит на службу директор, хотя и не директор он больше.

Но разве можно назвать типографию его службой? Это была его семья, его очаг. Придет Сулхан, обойдет все цехи, и повсюду его встречают приветливой улыбкой. А особенно радуется его приходу Тенгиз, начальник переплетного цеха. Сулхан тоже улыбается своему молодому другу, и, видя его улыбку, Тенгиз догадывается—старика вспоминается одна давнишняя история.

* * *

Сулхан тогда был директором типографии.

В то утро, как только пришел он на работу, раздался звонок. Сулхана несколько озадачили слова незнакомой девушки: «Бросайте все и немедленно приезжайте. Вас вызывает к себе министр».

Минут через пятнадцать Сулхан был в приемной министра. При виде его девушка-секретарь положила телефонную трубку и сказала:

— А я опять звонила вам,— и, кивнув на дверь кабинета, добавила: — Пожалуйте, вас ждут.

«Что же случилось?» — мелькнуло в голове. В кабинете, кроме министра, Сулхан увидел еще двух знакомых профессоров. Министр пошел ему навстречу, пожал руку и, указав на кресло, вернулся на свое место. В раздумье провел рукой по полированной поверхности письменного стола.

— Прежде чем я расскажу о наших затруднениях, взгляните на это...

Сулхан увидел на столе объемистую рукопись и опытным взглядом старого наборщика определил в ней готовую к набору книгу. Но он не мог понять, о каком затруднении шла речь, и для чего этим двум уважаемым людям понадобилось беспокоить министра. Принесли бы рукопись в типографию, Сулхан принял бы заказ — и дело с концом.

Министр продолжал:

— Вы, конечно, знаете из газет, что в Стокгольме скоро состоится международный конгресс языковедов и одновременно откроется большая выставка образцов письменности народов всего мира.

Министр умолк, и тут один из профессоров возбужденно обратился к Сулхану:

— Вы понимаете, там будут представлены шумерская клинопись, персидский несталик, японская ка-

такана, арабская несхи, русская кириллица, еврейское квадратное письмо...

Он бы и продолжил перечисление, но, заметив улыбку на лице министра, понял, что сейчас это не к месту, и замолчал. Министр был человек, не лишенный юмора, и попытка профессора прочитать импровизированную лекцию развеселила его. Продолжая улыбаться, он спросил Сулхана:

— А нам как быть? Неужели мы не представим на выставку образцы грузинской письменности?

— Но почему вы спрашиваете меня? — удивился Сулхан.

— Я ведь сказал: мы в затруднительном положении. Все готово — и тексты докладов посланы, и аннотации, тезисы... Только вот эта книга... Буквально на днях было принято решение издать ее. А без нее не обойтись. Здесь, — министр положил руку на книгу, — десять авторских листов. Вы — опытный работник, назовите минимальный срок, в который можно сделать эту книгу. Минимальный, самый минимальный, — взволнованно повторил он. — Сколько надо вам времени?

Сулхан почему-то поднялся, взял рукопись, как бы взвешивая ее, перелистал первые страницы, затем посмотрел на министра и отчеканил:

— Двадцать четыре часа.

— Сколько? — переспросил изумленный министр.

— Я сказал: двадцать четыре часа.

— Дай бог вам здоровья! — воскликнул министр с таким облегчением, словно благодарил человека, вытащившего его из водоворота. Поднявшись, он крепко пожал руку Сулхану: — Я просто не знал, как быть. Завтра в два часа вылетает делегация.

— Я сам отвезу книги на аэродром.

— Говорят, поспешишь — людей насмешишь. Чтоб так не получилось, вы ведь понимаете, куда мы посылаем эту книгу и как она должна быть сделана.

— Все ясно. У меня в типографии огонь-ребята.

Сулхан поймал себя на том, что последние слова произнес громко, словно все еще был в кабинете министра...

В тот день в типографии творилось нечто невообразимое. Заперли все двери, был объявлен аврал. Ребята работали как одержимые. Ведь именно им, а не кому-либо другому, доверили такое почетное дело. Не могло быть и речи о том, чтобы терять время на правку корректуры. Просто надо набирать без ошибок. За лино типы уселись самые опытные мастера. Сам Сулхан, застучив рукава, сидел за первой машиной. Вдруг из переплетного цеха прибежал Тенгиз — молодой, ладно скроенный парень с открытым мужественным лицом.

— Дядя Сулхан, — еще с порога окликнул он директора.

— Чего тебе? — раздраженно бросил Сулхан.

— Я вот что подумал, дядя Сулхан. Зачем мне ждать, пока вы закончите набор и верстку книги?

— А как же иначе?

— А вот так: я заранее подготовлю обложку, не то не успеем переплести и осраимся. Макет я уже сделал.

Сулхан нахмурился:

— Смотри. Тенгиз, ошибешься, — зря пропадут и ледерин, и картон, и фольга. Придется выбросить весь тираж, понимаешь, какой будет убыток?

Тенгиз приосанился.

— Дядя Сулхан, неужели ты меня до сих пор не знаешь?

— Подумаешь, велика птица.

— Я — профессор своего дела, академик, и еще — как это говорят? — заслуженный артист республики. На миллиметр не ошибусь!

«Парень идет на риск, — подумал Сулхан, — а ведь он прав, другого выхода нет. Надо идти на риск».

— Давай, работай! — сказал директор, и парень стремглав выскочил из цеха.

На второй день, за час до вылета самолета, к аэродрому подъехала машина, груженная книгами.

* * *

К концу дня Сулхан спустился в переплетный цех. Измученный напряженной ночной работой, Тенгиз едва держался на ногах. Сулхан, усмехаясь, сказал:

— А ты словно с похмелья сегодня. — И помолчав немного, точно что-то решая про себя, добавил: — Знаешь, я кое-что придумал. Отбери-ка экземпляры получше и поднимайся ко мне. Пойдешь вместе со мной в министерство.

Министр долго крутил в руках книгу, тщательно ее разглядывал.

— Должен признаться, — сказал он наконец, — я не верил, что вы успеете сделать эту книгу, да еще так хорошо.

— Сказать правду, и я побаивался, но... — Сулхан запнулся.

— Говорите, Сулхан, что «но»?

— Не знаю, как и сказать, боюсь, за бахвальство сочтете.

— Не сочту.

— Тогда скажу. Еще в детстве слышал я на селе: как бы ни был тяжел груз, буйвол Никора дотянет его до конца. Только бы выдержало ярмо...

— Хорошо сказано!

— Не обо мне речь, вот взгляните на этого парня. Не будь его, может, и не успели бы.

Министр с любопытством посмотрел на Тенгиза.

— Так это он твой Никора? Молодец, парень! Чем же тебя вознаграждать? Может, нуждаешься в чем-нибудь?

— Нет, что вы!

Тут Сулхан сердито дернул Тенгиза за полу пиджака. Заметив это, министр вопросительно посмотрел на него, в чем, дескать, дело? Сулхан не стерпел:

— Поглядите на этого гордеца, мне он всю душу вымотал, а тут молчит! Квартиры у него нет, да разве он скажет!

Тенгиз смущенно опустил голову. Министр улыбнулся, что-то записал

на листе бумаги и обратился к Тенгизу:

— Семья у тебя есть?

— Невеста...

— Ну что ж, видно, ты везучий...

На днях мы приняли новый жилой дом на проспекте Важа Пшавела. Так и быть, одна квартира будет твоей, ты этого заслуживаешь! Может, еще чем-нибудь поможем?

— Нет, нет, очень вам благодарен!

— А мы благодарим тебя, дорогой Тенгиз. И будем знать, что в трудную минуту на тебя можно положиться.

Так Тенгиз помог Сулхану и всей типографии выполнить ответственное задание. Но вскоре отколол такое, что старому Сулхану вспоминать тошно. Как-то раз к директору типографии пришел знакомый писатель. Раскрыв свежотпечатанную книгу, он сделал в ней дарственную надпись и сказал:

— Замечательно сделано, не знаю, как вас благодарить. Вот примите в знак признательности мою книгу.

Сулхан посмотрел на обложку и обомлел. Его благодарят за книгу, которую он из-за отсутствия материала отказался закончить раньше, чем через три месяца! Материала действительно не было. Но ведь держит вот человек в руках именно эту книгу, отлично отпечатанную и переплетенную, в изящной обложке. Стараясь не выдать замешательства, Сулхан что-то пробормотал в ответ, и, едва писатель вышел, схватил со стола книгу и направился в переплетный цех.

В обеденный перерыв в цехе было пусто. Но в дальнем углу, у окна, Сулхан увидел старшего мастера. Тот тоже заметил Сулхана и пошел ему навстречу.

— Автор очень благодарит нас, — сказал Сулхан, — хорошо, говорит, сделали книгу... Да, чуть не забыл спросить тебя, Сосо: где вы раздобыли фольгу, ведь на складе у нас нет ни листа?

Сосо пожал плечами.

— А где я мог раздобыть? У Тен-

гиза Лапанидзе спросите, его фольга...

— У Тенгиза?

— Да. Вон, сложена за станком.

Директор заглянул за станок, приподнял лист бумаги и пощупал кипу фольги. Это был первосортный материал и притом всех цветов — белого, синего, фиолетового, золотистого... Директор так посмотрел на старшего мастера, что тому стало не по себе. И мастер начал оправдываться:

— Черт бы побрал этого парня! Ни в чем он меня не слушает. Слова ему не скажешь, так возгордился. Все здесь вверх дном поставил...

Сулхан молча слушал, а старший мастер продолжал изливаться душой:

— Вы тоже его избаловали, Сулхан Георгиевич! Он теперь и меня ни во что не ставит.

— Ладно, ладно! Как вернется Тенгиз, пришли ко мне.

И быстро зашагал из цеха.

Вскоре в кабинет директора вошел Тенгиз. Виновата улынувшись Сулхану, он остановился в дверях.

— Закрой дверь, подойди и сядь! — сказал Сулхан.

Парень явно был встревожен, но старался не выдать своего волнения. Видно, старший мастер рассказал ему о разговоре с директором.

— Уж не собираетесь ли вы бить меня, дядя Сулхан? — попытался пошутить Тенгиз.

— Садись, говорят тебе.

Тенгиз сел.

— А теперь скажи честно, где ты взял фольгу?

— Фольгу? — переспросил юноша с нарочитым удивлением, словно не ожидал этого вопроса. — Моя фольга, дядя Сулхан, клянусь матерью, все это знают. Я ведь ни от кого ее не прятал.

— Знаю, что не прятал, сам видел, где она у тебя сложена. Отвечай лучше, кто ее тебе дал?

— Не типографская она, Сулхан Георгиевич. Проверьте на складе, ведь у вас там все на учете, по листочку пересчитано. Чего же вы от меня хотите?

— Как это — чего хочу? Ведь фольгу, будь она неладна, не купишь в магазине, как отрез на костюм. Так где же ты взял ее, где?

— Дядя Сулхан, вы ведь лучше других знаете, откуда она у меня может быть. Знаете, что не ворованная. По миллиметру экономил, старался, чтобы совсем не было отходов. Ведь брак предусмотрен законом. А я...

— О законах начал со мной говорить? — прервал его Сулхан. — А когда это была у нас ростовская фольга?

Юноша опустил голову.

— Скажи честно, Тенгиз, где ты взял ростовскую фольгу?

— Привез из Баку.

— Здорово живешь, парень! Вон куда забрался. Наверное, по пути приобрел, на станции Акстафа, у крестьянок? — съязвил директор.

— Нет, дядя Сулхан, есть у меня в Баку друг. Помните, посылали вы меня в Москву на практику. Там мы с ним и подружились. С тех пор ездим друг к другу. Этой весной я был у него, повез ему бочонок киндзмараули. Обрадовался человек, взял да и подарил мне эту фольгу. И у него она не ворованная, он тоже, как я, по миллиметру экономил. Вот и подарил...

— Дурак, нашел чем одарить! Ведь там валяют отличные бурки, шьют папахи. Кто дарит фольгу, скажи на милость!

Парень был явно встревожен, но продолжал упрямыться:

— А вам-то что, дядя Сулхан! Производство никакого убытка не понесло. Фольга моя — хочу в воду выброшу, хочу — использую в деле.

— То есть как это — мне что? — Сулхан повысил голос. — Как мне что? Заладил: мое да мое! Не твое, а государственное. Также мне — нашелся владелец частной мастерской! Может, один с заказами не справляешься? Подсобить тебе рабочей силой? Ах ты, сопляк!

Юноша, насупившись, исподлобья глядел на директора. Сулхан взял папиросу, закурил и, поднявшись, подошел к окну. Внизу шумела ули-

ца, рекой текла толпа. Сулхан смотрел на все это невидящим взглядом.

Когда он обернулся, Тенгиз все сидел, опустив голову. Потом проговорил срывающимся голосом:

— Снимите меня с работы, дядя Сулхан!

— Это меня надо снять — за то, что сейчас же не звоню прокурору и не сообщаю о твоих делишках. Но вот матери мне твоей жалко, да и тебя не хочется губить.

И вдруг голос у директора дрогнул:

— Не стыдно тебе, Тенгиз? Золотые у тебя руки, а в голове — ветер. Когда ж ты образумишься, когда? — и потрепал юношу за чуб.

Тенгиз молчал, опустив голову.

— Ну ладно, на этот раз прощаю. Пусть я буду в ответе. Иди, сдай сейчас же фольгу заведующему складом под расписку.

Парень поднялся, но, казалось, шагу не мог ступить. Сердце переполняло какое-то неизъяснимое чувство. Хотелось сказать что-то очень теплое, очень ласковое этому человеку, и даже не за то, что он простил, а просто потому, что у него такое доброе сердце.

— Иди, иди, — нарочито суровым голосом сказал Сулхан.

«Чтобы об этом больше никто не обмолвился», — сказал тогда Сулхан. И действительно, случай этот был бы забыт, если б не то собрание...

Не думал Сулхан, что в его большой и дружной семье рабочих найдется кто-нибудь, недовольный им как директором. Поэтому то, что произошло на собрании, оказалось для него неожиданным.

Председатель фабкома прочел обычный для таких случаев доклад: план перевыполнен на столько-то процентов, выдано столько-то путевок в дома отдыха, коллективно посмотрели столько-то таких-то фильмов, побывали на экскурсии в Кинцвиси и Атени. И пошел, и пошел, и наконец сделал вывод, что, мол, все обстоит хорошо.

— Кто хочет выступить? — спросил председатель собрания.

И тут поднялся один бракер. Видно, кто-то подзадорил его. Вначале речь его была бессвязна, но потом он вошел в раж и чего только не наговорил. Сулхан удивленно слушал. Именно в его адрес сыпал упреками оратор: ведет, мол, себя как барин, любимчиков завел. И тут же подкреплял обвинения доводами: одних посылает в санатории Ялты и Махинджаури, а мне с трудом выдал путевку в боржомский дом отдыха. А ведь мы здесь все равны, и не должно быть любимчиков. Чем они лучше меня? Почему директор берет да выдает бесплатную путевку из фонда предприятия тому, кто ему милее?

— Что ты мелешь? Разве о дяде Сулхане можно болтать такую чушь! — воскликнул кто-то из передних рядов.

А это кто идет к трибуне? Ах, Тина, линотипистка.

— Тебя-то кто за язык тянет? — кричит ей парень, сидящий в первом ряду.

Но девушка, заметно волнуясь, начинает говорить, и постепенно голос ее крепчает:

— Меня очень удивило предыдущее выступление. Нет среди нас никаких любимчиков. А есть хорошие работники и лентяи. Продукцию одних в руки не возьмешь, — до того книга неряшлива, а других — хоть на международную выставку посылай. А книга сама обо всем расскажет — ничего не утаит! Зашла я вчера в цех. Взяла книгу, перелистала, и после шестнадцатой страницы — текст вверх тормашками, совсем как в сказке о ленивом неуче Гиго. Пришлось забраковать чуть не весь тираж. С ума сойдешь, как увидишь эту бракованную продукцию. Взяла другую книгу, смотрю — половина страницы отпечатанная, а половина — белая...

Поднялся смех.

Следующий оратор стал говорить путано, полунамеками.

— Здесь выступают некоторые... Сами не знают, что говорят. Боль-

шое дело, если попалась под руку бракованная книга! Ну и что же из этого? Мир, что ли, перевернется? Где работа, там и брак. А разговор здесь шел о том, чтобы не делалось различия между работниками. Брак здесь не при чем. Взять хотя бы Тенгиза. Разве плохой он работник? А вот директор чуть до самоубийства не довел человека. Я своими глазами видел, как парень вышел из его кабинета и плакал, словно дитя малое.

Изумленный Сулхан стал искать взглядом Тенгиза. Тот оказался где-то в средних рядах. Словно ужаленный, подскочил он и крикнул выступающему:

— Кто тебя просил быть моим адвокатом?

— Да кто же, кроме тебя, мог просить! Неблагодарный ты! — отозвалась пожилая уборщица Магдана, — вырастил тебя, отцом тебе был, а ты что?!..

— Тетя Магдана, что вы?.. — Тенгиз растерянно оглядел собравшихся, потом крикнул председателю: — Дайте мне слово, сейчас же дайте...

— Подожди, Тенгиз, вот запишу и...

— Дай, говорю, слово.

Тенгиз направился к трибуне и председатель вынужден был объявить его фамилию.

— Никому не приятно говорить о своих ошибках,— начал Тенгиз.— Вот и мне не хотелось. Но здесь такое нагородили... Если я сегодня чего-то стою, если я что-то умею, то лишь благодаря доброму сердцу дяди Сулхана. Здесь, среди вас я вырос, стал на ноги, здесь моя семья... Я плакал, говоришь?.. Да ведь я тогда впервые так ясно понял, что значит добро и тепло человеческое... Я поступил плохо, но дядя Сулхан простил мне это, помог, поддержал... Я... Я не знаю, как отплатить ему за все...

— Хороший ты парень, сынок! — воскликнула все та же уборщица Магдана, — молодец!

Тенгиз сошел с трибуны. Он был как в тумане и не слышал ничего вокруг.

А на собрании шел уже настоящий разговор.

Выступали и пожилые, и молодые. Много теплых, искренних слов услышал в тот вечер директор типографии.

РАССВЕТ

Рассветало лицо,
и глаза на лице рассветали.
Звезды
засыпали на деревьях, как птицы.
И рассвет во мне колебался,
как вода в ведре,
когда
поднимают
        ведро из колодца.
В упоенье
я поднимал землю
одною рукою.

Весна знакомая...
Так я увидел знакомую
на случайной улице.
Я обнимаю и напоминаю:
— Помнишь?
Не помнишь, или помнишь,
что весной минувшей,
        в эту минуту,
было все прекрасно,
утро сияло.
И деревья были
одеты налегке,
        как и я.
Хлынул дождь,

Дорога моя останется.
Дерево мое останется.
И человек
        с моим лицом
пройдет по дороге моими шагами,
подумает
о дереве моими мыслями,
когда я уйду
совсем по другой дороге,

а потом
другою рукою!
Все —
и брезжущие предрассветные звезды,
и влажное,
еще не розовое небо, —
все дышало
        моим дыханьем!
Рассветало!
Птицы
лётали и падали, как звезды.

и позеленело небо.
Помнишь?
Не помнишь или помнишь,
меня познакомил дождь
со случайной девушкой,
и полюбил я дождь,
        который не любил
ни вчера,
ни разу...
И сегодня уже не случайная весна,
у весны
        большое небо,
        большие растения,
        большие птицы...
Потому, что та девушка—
это ты.

когда я буду лежать
около мертвого дерева, мертвый...
Вот почему сегодня
я люблю и дорогу мою,
        и мое дерево,
и радуюсь! Не почему-то,
а радуюсь потому,
        что радуюсь.

Перевод с грузинского В. Сосноры

Эммануил ФЕЙГИН

Обида Егора Грачева

П О В Е С Т Ь

1

Принц и Чемберлен познакомились у пивной палатки. Произошло это однажды утром, а точнее сказать, в 6 часов 30 минут, ровно за полчаса до начала рабочего дня в нашем полукурортном, полутрудовом приморском городе.

По правилам, пивная палатка должна открываться в восемь. Но писанные правила, к сожалению, не всегда учитывают разнообразные интересы и вкусы людей. Одному утром подавай чай, другому — кофе или молоко, один удовлетворится стаканом чистой воды, а иному дозатрону необходим стакан водки. А вот некоторые клиенты продавщицы Клавдии Петровны любят, например, спозаранку освежаться пивом. Сама Клавдия Петровна к пиву равнодушна. Ну еще в жару, если полбокала для утоления жажды, то еще можно. Но чтобы утром, натошак! Фу! Даже бесплатно, и то не стала бы его пить. Мужики дуют его по утрам скорее всего по дурости. Они в таких делах смурные, наши мужики, до того разбалованные, чертяки, просто беда. Но пиво что — оно как будто не вредное, а то ведь всякую отраву глушат. В трудное время, бывало, даже политурой и денатуратом не брезговали. На этикетке череп и кости, а ему хоть бы хны, насосется, дурень, и счастлив.

Но такие мысли только про себя. И не дальше. Раз ты торговый работник, о своих личных вкусах забудь. Для тебя один закон — вкусы и желания потребителя. А как же иначе: ты продаешь, а он покупает. Покупатель любит пиво — пожалуйста! Покупатель желает пить его по утрам — ну что ж, пойдём ему навстречу. И Клавдия Петровна открывает свое заведение чуть свет. Конечно, можно нарваться на штраф. Могут даже с работы снять. Всякая неприятность может быть, поскольку ты нарушитель. Но возможность наказания не очень пугает Клавдию Петровну. И не потому, что она такая рискованная. Просто пораскинула как-то мозгами и сообразила, что риск не так уж велик. Улица эта — Синопская — глухая, окраинная, Клавина торговая «точка» самая отдаленная в городе, и начальники, то есть люди, имеющие право штрафовать и снимать с работы, сюда редко заглядывают. Да и то в положенное служебное время. Во всяком случае, не раньше девяти часов. Ну, а а в положенное время, пожалуйста, ревизуйте, ищите, все равно никаких нарушений не обнаружите. Клавдия Петровна себе и своим детям не враг. И вообще она женщина аккуратная, у нее всегда все тютелька в тютельку. Само собой разумеется, лучше бы торговать, не нарушая правил. Думаете, Клавдия Петровна этого не понимает? Понимает. Ну, а что ей делать? Войдите в Клавину положение — вдова, четверо мальчишек на руках, а это такие потребители... Им только давай и давай. А ради детишек и не на такой пустяшный риск пойдешь.

Впрочем, это личный мотив. Это тоже про себя. И не дальше. Неделовое это рассуждение — детишки, вдовство, житейские трудности. У кого их нет, этих житейских трудностей. А потому будем считать, что раз ты при деле, при торговом деле, то главное для тебя — интерес покупателя. А вот он и пожаловал, один из самых ранних покупателей — Егор Семенович Грачев. Самый постоянный покупатель. Можно на часы не смотреть — в шесть тридцать он явится. Минута в минуту. В любой день, кроме выходных.

Егор Семенович клиент уважительный, но и к себе требует уважения. Ну что ж, Клава его уважает, работа у нее такая, но в душе недолюбливает она почему-то Егора Грачева. Недолюбливает и побаивается. А чего его бояться, если подумать? Человек как человек. Солидный, не свистун какой-нибудь. При деле. Скорее всего нервы тут виноваты, бабья чувствительность. А ну их к бесу, все эти бабские штучки-мучки. Если в корень глядеть, то Клава вам не баба, а мужик в юбке, кормилец семейства. Вот так!

— С добрым утром, Егор Семенович, — приветливо улыбаясь, говорит Клавдия Петровна и подставляет тяжелую кружку под кран.

— Доброе утро, Клавдия Петровна, — тоже улыбаясь, отвечает Егор Семенович. Он снимает с лысой головы помятую капитанку с потемневшим «крабом» и кладет ее на стойку по левой руку. Он никогда не приступит к завтраку, не сняв фуражку. Может, другим это безразлично, а Клаве приятно. Хамов она на своем веку повидала. А этот мужчина воспитанный, не только к людям, но и к трудовому хлебу людей относится почтительно, с полным уважением.

Видать, все же недурной он человек, Егор Семенович Грачев. Должно быть, недурной.

2

Но прежде чем рассказать, какой он на самом деле человек — Егор Семенович, главное действующее лицо моей небольшой повести, я хочу представить вам другого ее «героя», правда, второстепенного, но чем-то очень мне симпатичного, доброго, веселого Принца. Вероятно, вы уже догадались, что это не настоящий принц. Сами посудите, откуда бы взялся настоящему принцу в нашем приморском советском городе. Заезжие принцы у нас, конечно, бывают, главным образом из дружественных нам стран Азии и Африки. А своих принцев у нас никогда не было, нет и не будет. Словом, принц — это прозвище, кличка. Принц — это собака. Еще не совсем взрослая собака, но уже не сосунок. Подросточек.

Принц родился пять месяцев назад на этой же Синопской улице, только на другом ее конце. Там, у крутого обрыва над морем, высокий забор из крепких, одна к одной досок, а поверх этих досок еще натянута колючая проволока (ох, эта колючая проволока! Мне за пятьдесят, но я всю свою жизнь то и дело натыкаюсь на нее. После первой мировой и гражданской в нашей местности, и в городе и в деревне, такой проволокой были обнесены почти все частные владения — сады, усадьбы, дворы и огороды. Те войны оставили в наследство этого добра столько, что его хватило надолго. Не успела ту колючую проволоку съесть ржавчина, как грянула новая война. Сгинула и эта война. Сломали мы ее. Век бы не видеть теперь мне колючую проволоку. Так нет. Нашлись людишки, которым она понадобилась, чтобы отгородиться ею от нас, от нашей жизни, от людей. И вот нет-нет, да и натыкаюсь я на заборы из колючей проволоки, и снова напоминает она мне о вой-

нах и других бедах. Проклятая! Ненавижу!). Так вот, за тем забором — любовно ухоженный фруктовый сад корней на сто, а в саду домик. Ну я вам скажу, это домик! Чудо! Домик-иностранец. Но какой-то неопределенной нации, так что вернее всего — космополит. Один мой приятель, увидев это сооружение, поразился и, заикаясь от удивления, едва выговорил трудное слово — коктейль. И верно — это какой-то коктейль из разных архитектурных стилей — намешано, наболтано, а что на что, что для чего, сам черт не разберет.

Я разглядывал дом за зеленым забором много раз, и до сих пор не пойму, для какой надобности водрузили на доме причудливую башенку, изукрашенную всякими завитушками и финтифлюшками. Труба не труба, дым из нее ни разу не шел, и для жилия она как будто не подходит — всего метра полтора в высоту и не более метра в ширину. На голубятник тоже не похожа, — голубей сразу увидишь, — голубь птица летающая, а потому заметная. Так, может, это кладовая для хранения запасов? Но говорят, что под домом есть бетонированный подвал, оборудованный по последнему слову техники, да еще на всякий случай приспособленный под бомбоубежище. Словом, гадал я, гадал, как вдруг возникло предположение, что башенка эта не что иное, как домашний карцер, в который за всякие семейные прегрешения муж и жена по очереди сажают друг друга. Суп пересолила — марш на два часа в карцер! В сердцах обозвал жену дурой — три часа стоячего ареста в этой самой башенке-карцере, где ни сесть ни лечь. Так они и воспитывают друг друга карцером — сегодня муж жену, а завтра — жена мужа. А больше им воспитывать некого — власти не дано, да и властвовать не над кем, потому что дом с башенкой населяют всего два человека: хозяин Базанов и хозяйка Базанова.

Впрочем, все это насчет карцера только предположение. И не очень серьезное. Более того — шуточное. Ну, а если говорить всерьез, то почему не предположить, что Базанов соорудил эту башенку для красоты. Сомневаетесь? Считаете, что башенка и некрасива и бесполезна? Ну что ж, дело ваше, можете думать, как вам угодно, только, ради бога, не говорите об этом Базанову. Он искренне возмутится и начнет глушить вас железными истинами. Вот такими, например: не суйся в воду, не зная броду. Не там ищите пользу, где ее следует искать. Не все красивое полезно, не все полезное — красиво. И так далее, и тому подобное. У Базанова запас таких опробованных формулировок неисчерпаем. А когда вы окончательно обалдеете от всей этой премудрости, он, иронически усмехаясь, задаст вам давно придуманные вопросы. Примерно, вот такие: откуда вы знаете, что красиво и что некрасиво? Каким точным электронным инструментом вы это установили? Молчите? То-то же. А какой, скажите, счетной электронной машиной подсчитан коэффициент полезного воздействия красоты на человека? Опять молчите? Нечего сказать? Значит, нечего и лезть с старорежимным аршином в такие тонкие дела. Ясно?

Ну, а если вы все же попытаетесь, едва ворочая языком, робко возразить Базанову, если проямлите ему что-нибудь о том, что человечество выработало для себя критерии красоты и пользы, он презрительно фыркнет и, уже не скрывая раздражения, скажет:

«Человечество! А я, по-вашему, из обезьянего племени? Я и есть человек. Примите это к сведению. И кроме того, учтите, я человек с характером, твердых убеждений. Что знаю, то знаю, и если верю, то уж верю. Режь меня, жги меня — не уступлю. Вы говорите — некрасиво, а я утверждаю — красиво. Потому что красоту эту я своими руками соз-

дал, на свои кровные денежки. Последние сбережения ухлопал. И никому не позволю на нее посягать. Никому! Ясно!»

Ясно, конечно.

Нет, не будем лучше спорить с Базановым. И тем более на этих страницах, потому что мое сочинение, слава аллаху, не полемический трактат по эстетике, а повесть — незатейливая, в меру забавная и в меру грустная история из обыденной жизни, к тому же рассказанная в полушутливом тоне, чтобы, упаси бог, кто-нибудь не вздумал придать ей чересчур серьезное значение. И поэтому давайте лучше двинемся дальше. А дальше, то есть рядом с домом супругов Базановых, в шагах десяти от него стоит такой же чудо-домик. Только размером поменьше. Не знаю, право, во сколько раз уменьшенный — не мерил. А так в остальном точная копия большого дома, базановского. Точнейшая копия, минус башенка. Должно быть, тут на башенку у строителей не хватило терпения. Или материала. Ну да черт с ней, и так здорово. В обыходе такое сооружение называется собачьей конурой, но язык не поворачивается назвать конурой такую неопишуемую красоту. Помилуй бог, какая же это конура? Это вилла, дворец, замок! Посмотришь на него — невольно позавидуешь: сам бы жил, да вот квадратура не позволяет. И еще, конечно, гордость. Нельзя все же человеку завидовать собачьей жизни и собачьему жилью. Даже такому роскошному. Недостойно.

Маленький роскошный дворец этот предназначен для Принца и его родительницы Альмы. Но Альме эта роскошь нужна, скажем, как пятая нога. Принц еще иногда пользуется жильем. Молодой, он не прочь понежиться на мягкой, чуть-чуть пахнущей дустом войлочной подстилке. На ней так сладко спится. Но родительнице Принца, Альме, нежиться некогда. И спать ей тоже некогда. Неизвестно, спит ли она вообще. Разве только прикурнет на несколько минут, придавленная к земле безмерной усталостью. Так какой же это сон — один глаз открыт — приглядывается, уши нервно подрагивают — прислушиваются. И чуть где что шелохнется или мелькнет, Альма уже на ногах. Какой же это сон! И так вот день и ночь, месяц за месяцем, год за годом, зимой и летом, весной и осенью, в мороз и в зной, в дождь и в снегопад. Неустанно. Неусыпно. Без выходных и отпусков. Потому что Альма сторожевая собака. Ее обязанность охранять базановское добро. А добра этого столько, что его ни в какой книге не опишешь — даже в бухгалтерской. Поэтому перечислим только главные объекты: дом с башенкой сверху до низу набитый всяким дорогим барахлом; сад на сто с лишним корней; ягодник — недоступная пока, как внесолнечная галактика, мечта всех мальчишек Синопской улицы; птичник, где в тесноте и в обиде живут куры, утки, гуси, цесарки и два петуха — обыкновенный и индейский; и гараж, в котором, бесполезно старея от скуки, стоит еще необъезженный, еще не познавший скорость двухцветный «Москвич».

Как видите, объектов много, а Альма одна. До отдыха ли ей, до сна ли? Где там! Не легко достается ей кусок хлеба, уверяю вас — не легко.

На ночь Базанов спускает Альму с цепи — ночь для сторожа самое ответственное время. А днем Альма, каторжно громыхая цепью, бегаёт по проволоке. Нет, Альма не канатоходец — этому искусству она не обучена, хотя, пожелай этого Базанов, она, конечно, и по проволоке научилась бы бегать. Она очень сообразительная, Альма, удивительно сообразительная собака. Но в данном случае «бегаёт по проволоке» — технический термин, а в действительности по протянутому через всю базановскую усадьбу тросу бегаёт небольшое колесико с желобом по окружности — простейший механизм, так называемый блок (по-англий-

ски block, по-французски bloc). Вот к этому колесу-блоку прикреплен карабином (простейший замок в виде крючка с пружинной запорной пластиной) цепь, а к той цепи, тоже карабином — Альма. Словом, несложная как будто техника, а придумай. Ее определено какой-то лобастый изобрел. Мозговитый. И скромный. Даже патента не взял на свое изобретение.

Блок всегда заботливо смазан, чтобы не скрипел. Базанов почему-то не терпит скрипа. Должно быть, нервный.

Технику эту и ее применение я, как видите, описал довольно толково. Сразу, даже непосвященному, ясно что к чему. Постиг, значит. Теперь бы мне Альму вот так же толково описать. Признаться, велик был соблазн подробно описать эту собаку-сторожа, нарисовать словами ее внешний облик, ее характер и повадки. Милейшее это дело — описывать собак и разных других животных и зверушек. Пиши себе что хочешь, что в голову пришло. Можно даже, как это делают авторы басен, приписать зверкам и животным несвойственные им, только людям присущие пороки. И никакой критики, никаких возражений с их стороны. Сочинение твое до них все равно не дойдет — читать наши младшие братья не умеют, а к тому же они бессловесные. Как в старину говорили — бессловесные твари (не в этом оскорбительном смысле твари, как иные понимают теперь: «ах ты, тварь этакая», а в том смысле, что — творения).

Но все это сказано опять-таки в шутку. А мне в самом деле очень хотелось описать Альму. Из побуждений вполне серьезных. И тем не менее я себя вовремя схватил за руку: нет, не стоит. Потому что нет в этом практической надобности.

Если вы не поленитесь и пройдете по Синопской к усадьбе Базанова, то сами увидите на запертой калитке замечательный портрет Альмы.

Убежден, что написал его весьма талантливый живописец: на небольшом куске жести двумя лишь красками — черной и белой он изобразил не только базановскую Альму, так сказать, во плоти и шерсти, но некую обобщенную звериную душу, тоже обросшую вздыбленной шерстью, мрачную, сатанински злобную, кровожадную, свирепую.

Смотришь на этот портрет, и жутко становится, словно тебя вдруг перебросили из цивилизованного XX века в доисторические джунгли. И невольно сжимается от страха твое еще беззащитное перед зверем человеческое сердце.

Да, сильный портрет. Ужасающий. И не удивительно, что живописец не вывел под ним трафаретную надпись: «Во дворе злая собака». Даже вовсе неграмотный, и то без спроса ни за какие сокровища не сунется на базановскую усадьбу. Разве тот, кому жизнь не дорога.

3

Жители Синопской не любят Альму и говорят о ней дурно: скаженная собака. Лютая. Хуже бешеного волка. И хотя не было еще случая, чтобы Альма кого-нибудь укусила, никто почему-то не сомневается, что она в два счета перегрызет глотку любому, кого заподозрит в посягательстве на базановское добро.

Жители недовольно морщились, услышав надсадный, хриплый лай Альмы — а он слышался в любом уголке Синопской. Денно и ночью. Может, прибрежная акустика тут виновата? Но жителям от этого не легче. Собирались не однажды жильцы соседних домов написать заметку в газету о том, что базановская цепная собака мешает

нормальному отдыху трудящихся. Но так и не написали. Народ на Синопской проживает не кляузный, отходчивый.

Альма лает и рычит на все чужое. Пройдет по улице за забором человек — она лает. Зашелестит тронутая ветерком листва в саду — лает. И на самый ветерок лает — чужой. И на плывущие высоко в небе, вовсе равнодушные к ней облака, и на тени их, бесшумно скользящие по земле, она тоже лает. Чужие. Враги. Но с особой, непримиримой ненавистью она лает на море, которое в тихую погоду миролюбиво плещется за усадьбой под обрывом, а в шторм наполняет все окрест грозным гулом и грохотом.

Ненависть Альмы к морю не имеет границ. Она рычит на него с такой осатанелой свирепостью, с такой оголтелой яростью и злобой, что и понять трудно, откуда у нее только силы берутся. Но еще более непонятно, чего ради она это делает, чего хочет добиться? Устрашить море? Заставить его умолкнуть? Нелепость какая! Разве можно чем-нибудь устроить море? Оно само кого хочешь заставит трепетать, если всерьез разгуляется.

Бывает, что Альма и на хозяина рычит. Сделает вид, что не признала его в темноте, и рычит. Но Базанов не сердится на нее за это. Наоборот, даже благодарит: молодец, службу знаешь! Давай, давай, показывая свою бдительность. Собака должна быть злой. Доброй собаке — грош цена.

Базанов даже сырым мясом прикармливает Альму, чтобы еще злее стала. А куда еще злее! Альму и так все считают самой злой собакой на свете. И только одному Принцу известно, какой она может быть доброй, нежной. Но малыша своего Альма ласкает украдкой. Так, чтоб даже луна и звезды не видели. Кто их знает, еще наслетничают хо-янку. Очень Альма дорожит своей репутацией. Только напрасно она за нее беспокоится. Хозяин простил бы ей такую невинную слабость. Альма, пожалуй, самая большая гордость хозяина. Очень он ее любит и ценит. И ничего для нее не жалеет. Видели ведь, какую конуру он для нее отгрохал. Да что конура! Будь у Базанова возможность, разве Альма у него на железной цепи бегала? Базанов и на золотую не поспешил бы. В крайнем случае из серебра отковал бы, самой высокой пробы, а на шейнике драгоценные камни — чтобы сверкал. И все это не из тщеславия, уверяю вас. Какое еще может быть тщеславие у шестидесятидвухлетнего, по всем статьям отставного пенсионера, с истинной челюстью, с хроническим катаром желудка и прогрессирующим склерозом. Не до тщеславия ему сейчас, сами понимаете. Тут совсем другое. Тут признание заслуг и благодарность. Искренняя благодарность. За верность. Ну где еще найдешь такого сторожа? Разве Альму человеком заменишь. Он тебе посторожит, человек. Правда, и среди людей встречаются честные и преданные, но что ни говори, любому человеку своя рубаха ближе к телу. А Альме — моя. Ясно? Моя рубаха. Молчите? То-то же! А ты давай, Альма, давай, рычи, давай, работай!

И верная, послушная Альма лает и рычит. На все живое и неживое. На все чужое и враждебное. На весь мир.

Принц, единственный наследник Альмы, тоже, конечно, лает. Это дар природы, и Принц им пользуется. Охотно пользуется, безмятежно радуясь своему звонкому, чистому голоску. Но лает Принц без всякой злобы. И больше всего на собственный хвост. И еще на индейский пуха. Очень нравится Принцу дразнить эту шумливую, обидчивую птицу.

Словом, лает Принц, когда ему хочется, играя, а не по обязанности,

потому что обязанностей у него пока никаких нет. Никаких. Пока он только иждивенец.

Само собой разумеется, он не всегда будет беззаботным иждивенцем. Разве что станет бродягой. Только вряд ли суждена ему беззаботная бродяжья жизнь. Видно, уготована ему иная судьба. Можно не сомневаться, что Базанов уже давно спланировал или, как писали раньше, предначертал будущее Принца. Иначе он не оставил бы Принца в живых, когда топил в кадке с дождевой водой трех его махоньких сестренок. Раз Базанов сохранил Принцу жизнь, значит имеет намерение полностью использовать ее для своего блага. Ну что ж, на то его воля — он хозяин, властелин. Хотя очень возможно, что не все в этом деле решалось лишь из практических соображений — возможно, тут сыграла роль, и, немалую, необыкновенная красота Принца. Он и сейчас удивительно красив — хотя подростки, как правило, несколько угловаты и временно, до созревания, теряют какие-то присущие им черты. Но когда Принц был маленьким, когда ему был месяц от роду, на него просто наглядеться нельзя было, такой это был прелестный щенок. Тогда он, кстати, и стал Принцем. Пришли как-то к Базановым гости: муж, жена и девочка лет шести. Девчужка попросила разрешения поиграть с маленькой собачкой. Погладила ее и сказала:

— У нее волосики золотистые и шелковые, как у принцессы из сказки.

— А это у нас не принцесса, а принц, — ухмыляясь, сказал хозяин. С той поры и пошло: Принц да Принц. А ему все равно. Он в таких делах пока не разбирается.

4

Вчера под вечер беззаботному, веселому Принцу впервые в жизни пришлось испытать огорчение. Серьезное огорчение.

Дело было так: хозяин сидел на крыльце в распахнутой нательной рубашке, в шлепанцах на босу ногу и, разгоняя табачным дымом мошкарку, скучал. Нудно, беспросветно и безнадежно скучал. Хуже нет, когда шестидесятидвухлетнего пенсионера одолевает вот такая липкая скука. А если еще добавить ко всему, что Базанов не спал прошлую ночь, то станет ясно, до какой степени он был не в духе.

Всю эту ночь тревожно лаяла Альма. Всю ночь шлялись по улице какие-то люди. Может, злоумышленники, а может, просто запоздалые прохожие. Кто их разберет. А тут еще Базанова вздумала жаловаться на Альму.

— Сил моих больше нет, Коленька. Хоть бы часок она помолчала.

— Ничего, пусть лает.

— Так спать же хочется.

— Ничего, на кладбище отоспишься, — обещал Базанов жене, а сам бросился к окну. Потому что остановились какие-то двое у самой калитки. Часа два топтались у калитки и шептались о чем-то те два неизвестных типа. А о чем они шепчутся? Ясно о чем. Раз громко боятся говорить, значит, замыслили что-то недоброе, значит, бандюги. И все два часа до самого рассвета простоял у окна Базанов. Тянулся на пыпочках к приоткрытой форточке, прислушивался, прижимался горячим лбом к стеклу, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Обдумывал, что будет делать, если бандиты начнут ломиться. Ружье, как всегда, на ночь заряжено крупной дробью. Но стрелять... Был бы другой какой-нибудь параграф УК о самообороне, тогда бы, не задумываясь, сразу из двух стволов. До последнего патрона. Пух

бы летел из проклятых ворог. А сейчас лучше с этим параграфом не связываться. Срежешь, не дай бог, бандюка, сам за решетку угодишь, как пить дать. Сейчас вся надежда на Альму.

Но сдательная Альма чуть было не подвела хозяина. Надорвалась. Потеряла голос. Базанов даже рассердиться на нее не успел, как вдруг в наступившей тишине отчетливо прозвучал поцелуй. Звонкий. Сочный. А затем еще один.

Базанов распахнул окно: — Эй вы, задрипанные влюбленные! Нашли место, где целоваться, сопляки паршивые!

Послышался смех, быстрые шаги. Драпанули, подлецы. Базанов вздохнул, побряхывая полез под одеяло, но заснуть уже не мог.

Растревожили его бессовестные люди. А днем какой сон. Раньше, до пенсии, случись такое, нашел бы на ком «выспаться». Одному протирка с песочком, другому — головомойка, третьему — «разнос на вынос». Вот и полная разрядка активным действием. А сейчас... Одним словом, и скучно, и мутрно, и мутрно, и башка трещит, и некому морду набить. Разве это жизнь? Прозябание.

Е такие моменты лучше не попадаться Базанову на глаза. А неопытный, не ведающий, что такое скука, Принц попался. Влип, бедняжка.

— Ко мне, Принц! — приказал Базанов.

Принц подошел, ткнулся мордой в колени хозяина.

— Эх тебя вымахало, братец, на даровых харчах, — удивился Базанов, будто не видел Принца целую вечность. Принц так и не понял, что это значит. Compliment? Порицание? На всякий случай заюлил, извиваясь всем телом и помахивая хвостиком. Не из подхалимства, конечно, а по природной своей вежливости.

— Растешь, как дурная трава, — строго продолжал Базанов. — Жрешь, пьешь, гадишь, а толку от тебя! Одним словом, тунеядец. На что это похоже, братец? На что похоже, спрашиваю? Безобразие и стыд — вот что это. Но ничего, скоро возьмем тебя в науку. В науку, говорю, возьмем. Ясно? Молчишь? То-то же!

Все это было сказано с явной угрозой. Но Принц пропустил ее мимо ушей. Может, он не знал, чем это ему в действительности угрожает? А может, знал. Мне это неизвестно. Одно скажу определенно: желания учиться у него не было. Для чего, скажите, ему еще учиться? Разве он и так не знает все, что ему нужно, все, что ему необходимо для жизни. Для простой, естественной, обыкновенной жизни.

— Так что не надейся, братец, — почему-то сказал Базанов. — Тунеядцем у меня не вырастешь. Этого я не допущу. А сейчас проверим, есть ли у тебя в наличии искорка божья или хоть какой талант.

Искорки божьей у Принца в наличии не оказалось. И таланта ни на столечко. Никакого. В этом Базанов сразу убедился. Он бросил на асфальтовую дорожку какую-то подвернувшуюся ему веточку и велел Принцу:

— Прилеси!

Принц побежал, схватил веточку зубами, погрыз немножко — невкусная, и бросил в траву.

— Ко мне, безмозглый!

Хозяин пошарил в карманах и бросил на дорожку коробок спичек. Принц помусолил коробок и тоже выбросил. Несъедобный, и пахнет противно. От домашней туфли, которую уже потерявший терпение Базанов бросил на дорожку, бедного Принца чуть не стошнило — так отпратительно и едко от нее разило хозяином. Принц потрепал ее для вида зубами и поспешно забросил подальше в растущую у за-

бора крапиву. Должно быть, решил, что хозяин сам хочет избавиться от этого неприятного, пропитанного его собственной вонью предмета.

Ошибся Принц, не докумекал.

— Ко мне! — заревел хозяин. И когда Принц повиновался, ударил его со всего размаху правой босой ногой пониже ребер.

— Гошел вон, кретин!

Принц взвизгнул от боли и от обиды. И опрометью — в конуру. Зализывая языком ушибленное место, он тоскливо и жалобно заскул. Ну и глупыш! На кого ты жалуешься, наивный Принц? И главное — кому? Разве ты не знаешь, что некому тебе жаловаться на твоего властелина, на вершителя твоей судьбы? Разве ты не слышал, как Базанов даже на Базанову нередко орет: «Я для тебя бог и царь. Я тебе суд и закон. Ясно? И не перечь».

Поскулил, поскулил Принц, наплакался вдоволь — и вдруг заснул. Сон всегда подкрадывается к молодым нечаянно, а потом хоп — и готово. А когда Принц проснулся утром, он уже ничего не помнил о вчерашней обиде. Начисто о ней забыл. Возможно, конечно, что не навсегда забыл, а до поры, до случая, но это уже другое дело.

Утро выдалось прекрасное — живи и радуйся, и похлебка, которую принесла Принцу Базанова, тоже была прекрасная, вкуснейшая похлебка — ешь и наслаждайся. Принц наелся досыта, наслаждался сполна и первым делом побежал дразнить индейского петуха. Но из этой обычно веселой затеи ничего веселого на этот раз не вышло. Только Принц подбежал к сетке, отделяющей птичник, только твякнул разок-другой, как индюк уже обиделся, нахохлился, напустился, надулся, распустил длинные красные сопля и повернулся к Принцу взъерошенным задом. Невежа, конечно. Но Принц не огорчился — не хочет играть, ну и не надо. Гоняться за жуками и бабочками куда приятнее. И он, звонко лая, подпрыгивая, словно резиновый мяч, погнался за пестрой и увертливой бабочкой. Принц за бабочкой — бабочка от него. Вот это игра! Бабочка юркнула в закоулочек между гаражом и забором — Принц за ней. Принц почему-то ни разу не заглядывал в этот закоулочек. А здесь было так интересно, что Принц мгновенно забыл о бабочке.

В закоулочке валялся всякий ненужный Базанову хлам: пересохшая краска в помятом ведре, битая посуда, какие-то ржавые железки, тряпье, а также сношенная, разбитая обувь, сморщенная, скроченная от старости. Почти все это источало запахи. Новые, еще неизвестные Принцу. Но сильнее всего здесь ощущался запах родительницы Принца — Альмы. В носу у Принца защекотало, он чихнул и осторожно продвинулся вперед. И тут он увидел под забором замаскированный рваным тряпьем лаз.

Разворошенная земля лаза тоже пахла Альмой, и шерстинки на досках были ее шерстинками. В этом Принц не мог ошибиться. Видимо, Альма пользовалась этим лазом, тайком покидая по ночам хозяйскую усадьбу. Для чего? Видно, была у нее надобность. Может, даже крайняя надобность. Очень возможно даже, что с этим лазом связана тайна появления на свет Принца. Но Принц, конечно, о тайне этой не знает. И знать не желает. Да и к чему она ему? Что она ему даст? Тайна появления на свет... А что это значит? Раз я появился когда-то, значит меня когда-то не было. Как бы не так! Раз я существую, раз я есть, значит я всегда был. Не мог не быть. Не был, говорите? Даже утверждаете? Смешно, право. Какая нелепая, из пальца высосанная, надуманная проблема. Людьми надуманная. Так пусть они и занимаются ею. И люди ею занимаются. Давно. С того времени, как научи-

12

лись мыслить. Правда, не все люди. Молодых она не волнует. Она горький удел зрелых, пожилых и старых. Это пожившему уже целому веку дано мучительно думать: не был, был, есть, буду, а больше всего, мучительнее всего над неотвратимым — не буду. А для Принца вся эта проблема трын-трава, она для него и вовсе не существует. Для него существует только «я есть», и у этого «я есть» нет ни начала, ни конца.

Словом, у Принца все обстояло в этом случае необыкновенно просто, как-то даже чересчур просто и обыденно: он увидел подкоп, сделанный Альмой, принялся, пофыркая, пофыркая, не задумываясь полез под забор и тотчас же очутился вне усадьбы, на широкой и длинной Синопской улице.

5

Синопская улица буквально оглушила ни разу еще не покидавшего усадьбу Принца своим простором. Принц на какое-то мгновение присел на задние лапы, но уже в следующий миг простор потянул его к себе. Словно простор был магнитом, а Принц крохотной железной песчинкой — так неодолимо потянул. И Принц, повизгивая от восторга, стремглав помчался по улице, не оглядываясь, не озираясь по сторонам. Потом, потом он все разглядит, потом не спеша познакомится с улицей, а сейчас вперед, только вперед, изо всех сил, что есть духу — вперед.

Кто знает, сколько бы он так пробежал, если бы на перекрестке, там, где стоит пивная палатка Клавдии Петровны, дорогу ему не преградил огромный, как гора, Чемберлен.

Принц остановился, поглядел на Чемберлена снизу вверх и сперва решил, что это собака, только очень большая. Великан. А так, в остальном, кроме гигантского роста, это несомненно собака, четыре ноги, хвост, оскаленные зубы и шерсть — местами короткая, местами длинная, длиннее даже, чем у лохматой Альмы. Встреча с такой огромной собакой не обещала Принцу ничего хорошего, и он опасно попятился, не спуская с Чемберлена округлившихся от страха глаз.

Но заблуждался Принц, к счастью, недолго. Сработал наконец правда, с некоторым опозданием, аппарат наследственной информации. Что-то вроде магнитофона. Вроде, да не совсем вроде. Ну как это вам попроще объяснить? Попробуем сказать для ясности так: Принц живое существо, а все живое имеет предков. Необозримо длинную цепь предков, уходящую в непостижимую даль прошлого. Нет сомнения, предки Принца знали, что такое лошадь. И вот природа позаботилась о том, чтобы эти их знания о лошади перешли к потомству, в данном случае к Принцу, в виде кодированной записи на одной из нуклеиновых кислот — ДНК, как ее назвала современная наука.

Неискушенному уму не постичь всю сложность механизма, производящего запись наследственной информации и дающего в нужный момент расшифровку специального наследственного кода. И я, неискушенный, даже не пытаюсь постичь непостижимое...

Впрочем, для нас важно сейчас лишь то обстоятельство, что механизм наследственной информации в клетках Принца сработал как нужно, и Принц в тот же миг узнал лошадь.

Можно предположить, что при необходимости Принц так же легко и просто узнал бы слона, льва, тигра и других заморских животных. А почему бы ему и не узнать их? Учтите — наш город портовый. У на-

ших причалов испокон веков швартуются корабли многих стран. И я не поручусь за то, что в жилах Принца нет ни капли завозной крови, что в клетках его не хранится завозная наследственность. Однако я этого не утверждаю. Как не утверждаю того, что сказал выше о ДНК и наследственном коде. Утверждать категорически и безапелляционно то, что сам плохо знаешь, что сам достоверно не изучил, — нечестно. Поэтому прошу великодушно простить меня, если я что-то напутал, что-то не так сказал, хотя заранее знаю, что не все мне это простиат. Чую, попадет мне на орехи от мужей науки за такой, мягко выражаясь, примитивизм. Одна надежда, что они лишь снисходительно усмехнутся. И только. А это уж не так страшно.

6

Похоже, что предки Принца знали о лошади только хорошее. И, зная теперь это хорошее, Принц уже не испытывал перед Чемберленом никакого страха. Принц безбоязненно приблизился к Чемберлену и в знак полного доверия к нему куснул его за ногу. Легонько куснул, считая, что это наилучший способ поближе познакомиться с лошадью. Но Чемберлену это не понравилось — он вздрогнул всем телом и тоже не сильно, учитывая малые размеры Принца, лягнул его. Принц отлетел шага на три, и хотя ему было больно, не заскулил, как обычно. У каждого своя манера знакомиться, рассудил Принц. Я его укусил, он меня лягнул. Наверное, в этом и заключается проявление лошадиной вежливости. И, конечно, это приглашение к игре. Согласие на игру.

Пожалуй, никогда еще и ни с кем так весело, так самозабвенно весело не играл Принц. Бегая вокруг лошади, он лаял на все лады — от грозного до нежного, то делая вид, что хочет напасть на нее, укусить, то изображая страх и готовность бежать без оглядки. А лошадь, нехотя ворочая тяжелой головой на длинной шее, смотрела на развеселого Принца такими грустными, такими печальными глазами, что даже непонятно, откуда у нее могла взяться этакая безнадежная грусть, этакая безысходная печаль. Ведь лошадь эта совсем не плохо живет, дай бог такую сытую, обеспеченную жизнь и другим лошадям, особенно в таком далеком уже не молодом возрасте.

Так чего же она так печалится? Может, собственное имя угнетает Чемберлена? А что оно для него значит? Ровным счетом ничего. Звук пустой. Оно и людям давно уже ничего не говорит, это имя. Но допустим даже, что оно не совсем удачное. Так чего же мучаться из-за него Чемберлену, раз нет тут его вины. Не сам же он дал себе такое имя. Оно досталось ему по наследству. Чемберленами были его отец, дед и прадед. Прадед был первым Чемберленом. Непонятно, правда, почему хозяин прадеда так его окрестил. Веяние той эпохи, вероятно, сказалось. Дать времени. В газетах той поры каждый день печатались карикатуры на чванливого, надменного, «твердолобого» английского лорда. Смешные, злые карикатуры — длинная, почти лошадиная морда с неизменным моноклом в глазу. Но живой жеребенок не карикатура. Невозможно представить себе жеребенка с моноклом в глазу. Да и не было в нем ничего от противной лордовой заносчивости и надменности — был тот прадед нашего Чемберлена простым крестьянским конем, не из захудалых, но и не из очень породистых. Словом, обыкновенная рабочая скотинка, которую в более поздние времена стали вежливо называть тяглом, а то и еще культурнее — тягловой силой. У него был спокойный, ровный характер. Безгранично терпеливый и неприхот-

ливый, он никогда не капризничал, как иные разбалованные, норовистые лошади, тяготы и лишения он переносил безропотно, и потому по зорную по тем временам кличку «Чемберлен» тоже пронес невозмутимо, покорно, как должное, как всякую другую поклажу, через всю свою безрадостную короткую жизнь. До обидного короткую жизнь, ибо пал он пяти лет от роду, в год великой бескормицы, доев последнюю соломинку из кровли полуобрушенной хозяйской хаты.

Нет, конечно, не станет правнук того первого Чемберлена печалиться из-за такого в сущности пустяка, как неудачное имя. Тут явно что-то не так, явно не по этой причине печалится Чемберлен четвертый. Так, может, работа ему не по нутру, может, тяготит она его? Только какая же это тягость! Вот походил бы он в борозде, или в военном обозе, или в артиллерийской упряжке, или под выюком. По бездорожью. В распутицу. Над пропастями и кручами. По таежным и горным тропам. По топким болотам и скользкому ледяному насту. Когда тянет изнуренный коняга, из последних сил тянет непомерный груз, а на него сыплются ругательства, ничем не заслуженные, а потому вдвойне обидные, а на его мокрую, взмыленную спину сыплются и сыплются удары кнута. Тяни, проклятая скотина, тяни, милая, тяни, сволочная, тяни, родимая, тяни, покуда не подкосятся в последний раз колени, покуда не полопаются жилы, покуда из ноздрей не захлещет черная, перегоревшая кровь! И даже не зареют его, когда бедолага протянет ноги, — оттащат подальше от дороги — и вся музыка.

Ничего этого не испытал четвертый в своем роду Чемберлен. Так откуда же ему знать, что такое по-настоящему тяжкая лошадиная доля?

Повезло четвертому Чемберлену, вот что я могу сказать. Здорово повезло! В доброе время он родился, в хорошие руки попал. Чемберлену первому такая работенка, такое теплое местечко и во сне не могли присниться. Куда уж там! Не снились в ту пору замордованной, измученной «тягловой силе» такие приятные, сказочные сны. Сено ей свежее снилось. Клевер пахучий. Сочная мешка из дерти и половы. Отборный овес в кормушке. И, как высшее благо, — бессрочный отдых на райских лугах, где зимой и летом трава по колено. А чтобы вот такой волшебный сон — ни-ни, поскольку сновидения, как ни крути, отражают не что иное, как реальность.

Кажется, я тут несколько сгустил краски? Ну да — с одной стороны, слишком много черной, а с другой — чересчур много светлой. Для контраста это выгодно, но неверно будет, если кто на основании этого решит, что Чемберлен четвертый какой-то бездельник, паразит, прихлебатель при хороших людях. Заверю вас — далеко не так обстоит дело, потому что Чемберлен, как и предки его, тоже трудяга, тоже тягло. Не думайте, что это очень легко — таскать телегу с железной клячкой. Будем справедливы — нелегко. И расстояния немалые, город большой, натопаешься так, что гудят и ноют натруженные уже не молодые ноги. Но ради той же справедливости скажем прямо — асфальтированные, нарядные улицы города никак не сравнишь с размытым дождем проселком. Какое тут может быть сравнение? В общем условия у Чемберлена что надо — мечта, а не условия. Во-первых, походил в упряжке сколько там положено часов — и шабаш. А чтобы не надорвался, не перетруился — суббота короткий день, воскресенье и праздники выходные. А раз в году на две недели полный покой, покуда Грачев в профсоюзном доме отдыха «забывает козла».

Короче говоря, когда положено работать, — пожалуйста в хомут,

положено отдыхать — пожалуйста на конюшню, к яслям. А в яслях корм — тоже сколько положено. По рациону, утвержденному начальником. Да еще Грачев от себя добавляет всякую вкусную всячину, чтобы не заскучал Чемберлен на однообразных казенных харчах. Что же касается ухода, так лучшего, наверное, не бывает. У Грачева в этом отношении полный порядок. Все вовремя. Все в свой срок. Стерлись подковы — незамедлительно поставит новенькие, аккуратные, точь-в-точь по копытам. Легко и приятно ходить на таких. Время купаться — искупает. И чистит каждое утро. Обязательно с ног до головы. Скребницей, щеткой и даже бархоткой. До блеска. И в самом деле, поглядеть на этого коня любо — всегда в теле, всегда чистый.

Кажется только авторитетные, придирчивые комиссии его ни проверяли — ни пылинки, ни перхотинки в шерсти. И потому актировалось каждый раз одно и то же: «Конь по кличке Чемберлен в отличном состоянии...»

Да, чуть не забыл, а это крайне важно в жизни любой лошади: нет кнута на Чемберлена. Понимаете — нет кнута. Потому что нет его у Грачева. Даже в инвентарной описи не числится за Грачевым кнут.

Как видите, жизнь у Чемберлена четвертого почти во всех отношениях беспечальная, но глаза у него тем не менее всегда грустные. Какой-то вечно скорбящий конь. Только что не рыдает вслух. Неужели его совесть настолько мучает? А за что? Какие грехи могут быть у лошади? Нелепейшее предположение.

Ну и загадка, черт побери, эти скорбящие глаза Чемберлена.

7

Вначале Чемберлен смотрел на Принца без особого интереса. Забавный, конечно, щенок. Но не до забав печальному Чемберлену. Назойливая все же собачка. И не надоело ей? Потявкала, поиграла — и хватит.

Но Принцу не надоело — он только-только входил в охотку. Он еще и не разошелся как следует. Что? Оставить в покое эту серьезную, хмурую лошадь? Вот еще! Сейчас она хмурая, потом развеселится. Я ее развеселю. Постараюсь как-нибудь.

Принц старался, а Чемберлен все больше хмурился. Никак не отстанет глупая собака. В грустных глазах Чемберлена появилось еще что-то — не то озабоченность, не то тревога. И Чемберлен впервые заглянул в глаза Принца. В веселые, озорные глаза. Будто хотел передать ему взглядом свою озабоченность, свою тревогу. Будто хотел предупредить о чем-то, предостеречь.

Не дошло до Принца. Никак не дошло. Чемберлен даже старческими отвислыми губами своими зашевелил. Беззвучно зашевелил, как немой, когда ему в отчаянии хочется выкрикнуть что-то до крайности важное.

И это не дошло до Принца.

Беда, когда в нужный момент лошади и собаки не понимают друг друга. Скверно, что нет у них хоть какого-нибудь общего языка. Хоть какого-нибудь, чтобы при нужде лошадь могла выразить, сообщить, а собака — понять, уразуметь.

Что-то в этом деле недосмотрела, что-то определенно напутала созидающая.

Так Чемберлену не удалось ничего сообщить Принцу. Так Принц и

не понял Чемберлена. А жаль. Только чем им поможешь? Тут и переводчик никакой не поможет. Даже кибернетический.

8

Между тем у пивной палатки за стойкой два человека — мужчина и женщина общались друг с другом на языке, понятном им с самого раннего детства. На родном языке. Но все же, к сожалению, они так и не поняли друг друга в полной мере, до конца. Вероятно, потому, что не погрудились понять. Для этого тоже нужно и терпение, и желание, и умение.

— Ну как спалось-отдыхалось, хозяйюшка? — дружелюбно осведомился Егор Семенович, принимая из рук Клавдии Петровны кружку с пивом.

— Какой у меня сон! — возразила Клавдия Петровна. — С моей командой посишь. Пока ее обстирала, пока ей обед приготовила, пока то да се, — светать начало. Подремала до вторых петухов — и сюда.

— Нехорошо.

— Хорошего, конечно, мало. Да как-нибудь до отпуска дотяну, а там отосплюсь. Две недели подряд спать буду.

— Хуже недосыпа ничего нет, — сочувственно покачал головой Егор Семенович и поставил на стойку наполовину опорожненную кружку, — слабеет от недосыпу человек.

— А я пока на слабость не жалуясь.

— Вам рано. Вы молодая, здоровая. А я вот про старуху свою сейчас подумал. Тоже колготная — спасу нет. Каждый раз до полночи на кухне громыхает. То постирушки, то собираюшки. Черт те что. Я ей говорю: пожалей себя, старая, рассыплешься, что тогда? Так разве она послушается?

— Зря она так тратится. Вас же только двое.

— Вот именно — двое. Ну когда Гриша, сын, при нас жил, другое дело. Он у нас аккуратист: по три раза в день сорочки меняет. И еще эти всякие футболки, тельняшки, плавки, носки, платки. Делов у матери — спасу нет. А мне лично что нужно: чтоб в хате мусорно не было. И все. Робу я себе при случае сам постираю.

— Видать, вы хороший муж.

— Да как сказать.

— Ей-богу, хороший, — подтвердила Клавдия Петровна и вдруг смутилась: с чего я это говорю. Хороший муж! А мне какое дело, что хороший. Еще подумает бог знает что. Еще вообразит, что я под него свои вдовьи клинья подбиваю. Нужен он мне...

— Вам еще налить? — спросила Клавдия Петровна, забыв от смущения, что Егор Семенович неизменно, при всех обстоятельствах выпивает по утрам две кружки. Норма у него такая.

— Как всегда, — спокойно сказал Грачев. Он не позволил себе удивиться, только чуть-чуть заметно изогнулась левая бровь.

— Извините, — спохватилась Клавдия Петровна. «Нехорошо. Кажется, обиделся». — Рассеянная что-то стала.

— Чт ж, бывает, — благодушно улыбаясь, разрешил ей быть рассеянной Грачев. — Смотрю я на вас, Клавдия Петровна, здорово заматалась вы. бедная.

— А я не бедная, — отрезала Клава. Опять не удержалась. Вот беда. Но Клавдия Петровна терпеть не может, когда ее жалеют. Особенно мужики. Знаем мы их жалость! Пожалел волк кобылу, все съел,

оставил хвост да гриву. Так-то оно так, только покупатель здесь не при чем. Нечего покупателю характер свой показывать.

— Поглядите, Егор Семенович, какая славная собачонка, — неестественно веселым голосом воскликнула Клавдия Петровна. И на тебе — еще больше смутилась. Снова сморозила. Господи, что же это я? Нашла кому говорить о собачонке. У-у, голова садовая! Некому тебя бить, некому учить, дурная баба, вот и распустилась.

Неужели Егор Семенович и сейчас ничего не понял? Думается, что понял, и если не все, но во всяком случае неприязнь Клавдии Петровны почувствовал. Не каменный ведь. Не чурбашка. Но разве можно обижаться на эту женщину? Тяжело ей — вот и фырчит. Бьется как рыба об лед, детишек тянет. Силенок мало — на одних нервах тянет. Уже, видать, вконец измочалилась, на последней ниточке держится. Грешно обижаться на такую.

Грачев чуть повернул голову и через плечо свое оглядел Принца. Небрежно оглядел, незаинтересованно.

— Да, ничего себе щенок. Мелкопородный, конечно, — сказал Егор Семенович и аккуратно, ровно на две половинки разделил большую, до черноты прожаренную котлету. Грачев всегда приносит с собой закуску к пиву — два ломтя хлеба и две холодные котлеты. Одну он уже съел, а другую вот поделил с Принцем.

— На!

Принц шарахнулся, когда Грачев бросил на мостовую это угощение. Будто не ему бросил, а в него. Будто камень.

— Бери! — миролюбиво пригласил Грачев. — Бери, не стесняйся.

Клавдия Петровна поморщилась, прикусила губу и отвернулась. А что ей не понравилось? Чего она кривится? Никогда не угодишь нервной женщине.

Принц тоже поморщил носик, обнюхал котлетку. Гадость, конечно, но съесть надо, а то еще обидится человек. Принц зажмурил глаза — «будь что будет» — и единым махом заглотал котлетку. До чего же противно — пересоленная, начесночная, наперченная. И как только люди едят такое! А теперь еще поблагодарить надо доброго человека. Принц подпрыгнул и лизнул руку Грачева. Поблагодарил.

— Ну, ну, давай без слюней, — сказал Грачев и отер руку о штанину.

— Может, желаете руки помыть, пожалуйста, — предложила Клавдия Петровна.

— Обойдется, щенок чистый, — сказал Егор Семенович.

Клавдия Петровна принялась мыть и без того чистую посуду. Молча. Ей не хотелось сейчас разговаривать с Грачевым. Обслуживать его она обязана, а разговаривать не обязательно. В конце концов она продавец, а не конференсье.

Грачев отхлебнул пиво.

— Ничего себе, — одобрил он. — Но еще денька два подержите, вкус потеряется. Потому что не стойкое. Похоже, что торговлишка ваша нешибко идет. А, Клавдия Петровна, нешибко, говорю, идет? Так и план свой, похоже, не вытянете. Беда. — Он покосился на Клавдию Петровну, но та, склонившись над мойкой, как будто и не слышала его сочувственных слов. «Ишь ты, гордая какая!» — Но вы, того, не унывайте, — сказал Егор Семенович. — Сегодня по радио обещали — жара будет. Обещали, недели три продержится. А в жару пиво бойчее пойдет. Нарасхват. Но главное, конечно, чтобы у народа денежки свободные водились. Не будет свободных денежек — прокиснет пиво. Факт, прокиснет. Экономика. Некоторые себе только в получку разре-

шают. А в будни никогда. Но я так думаю, Клавдия Петровна, — для таких пиво так себе, баловство. А для меня оно, например, основной продукт. И для организма, и для политико-морального состояния. Такие, как я, для вашей торговли, можно сказать, основники. Опора. Вы бы для нашего брата, основника, что-нибудь придумали, Клавдия Петровна. А? Премию, что ли. Как месяц прошел — получайте, основник товарищ Грачев, вашу порцию бесплатно. С закуской. Бутерброд с паюсной икрой, например. Вот здорово было бы. Шучу, конечно. Шучу, но факт.

Грачев улыбнулся Клавдии Петровне, а она вздохнула. Как славно улыбается ей этот приветливый человек. И сколько добрых слов он ей сказал. А она все молчит. Будто рот ей зашили. Скверно это, неловко. Смахивает на откровенную грубость. А она ведь не грубая. Резкая, вспыльчивая — это да. Но чтобы нагрубить зазря человеку — такого за ней не водится. Хоть бы из вежливости надо сейчас что-то сказать Егору Семеновичу. Нельзя же так.

Клавдия Петровна выпрямилась, вытерла фартучком покрасневшие от холодной воды руки.

— А у вас как с вашим планом, Егор Семенович?

Ах, будь она неладна, такая вежливость. Век бы не знала ничего о его планах. Определенно какой-то злой бес тянет ее сегодня за язык. Помолчала бы уж лучше, раз языку своему не хозяйка.

— А мне, Клавдия Петровна, твердого задания не дают, — охотно пояснил Егор Семенович. — Я же не торговлей занимаюсь. Мой план в основном на везении держится. Я ведь ловец, охотник.

— Ага, — только и нашла что сказать Клавдия Петровна. Лишь бы он не стал рассказывать про эту свою охоту. Не удержусь тогда — обязательно нагрублю. Еще хорошо, что Грачев жаловаться не любит. Есть такие, выпьют бокал пива — и давай ныть: и жена у него сварливая, и дети неслухи, и начальство придирчивое, и соседи интриганы... Всю свою душу вывернет наизнанку за двугривенный. Видно, пиво самый жалобный напиток. Но Грачев человек крепкий, бодрый. От пива не захмелеет. И жаловаться ни на что не будет. Наоборот, во всем у него всегда порядок, во всем удача, все как надо спорится, потому что твердо стоит на ногах человек.

Клавдия Петровна зла Грачеву не желает. Но слушать сейчас об удачах его тоже не хочет. Особенно об охотничьих его удачах. Противно. «Попробую переменить пластинку».

— Новость слышали, Егор Семенович? У фельдшера Смирнова третья внучка родилась.

— Да ну? Вот богатеет фельдшер.

— Вчера в Москву укатил. На самолете. Новорожденной подарки повез.

— Опоздал я, значит. Все собирался, и вот... Хотел я мазью у фельдшера разживиться. Говорят, средство это его от всех болезней лечит.

— А что у вас, Егор Семенович?

— У меня? Ничего. Я, Клавдия Петровна, сроду ничем не болел. Даже корью и scarлатиной. Это я для хозяйки своей. Что-то она на ревматизм стала жаловаться.

— Как же вы так! Надо было вовремя попросить. Попадет вам теперь, Егор Семенович, от супруги.

— Не. Она у меня смиренная. Слова громкого не скажет. Не то что у других.

— Тихони тоже умеют, — сказала Клавдия Петровна. — У нас

соседка тихоня. А мы ее буравчиком зовем. Негромко так — зы, зы, зы, и всю душу тебе насквозь.

— Буравчик? Это здорово — буравчик, — подивился Егор Семенович и рассмеялся.

Клавдия Петровна знала, что за этим последует. Сначала он так тихо, будто про себя и для себя, посмеется, вспоминая что-то смешное, а потом расскажет. Грачев почему-то считает своим долгом развлекать Клавдию Петровну — обязательно расскажет ей за кружкой пива какую-нибудь забавную историю, байку, анекдот. А Клавдия Петровна не против. В молодости она была ужасная хохотунья — только палец, бывало, ей покажи — зайдется смехом. Но и сейчас, в возрасте уже, она не прочь перекинуться шуткой, острым словцом с покупателем, если покупатель, конечно, веселый попадетсЯ, понимающий что такое смех и шутка в жизни человека. И смеется Клавдия Петровна не грустным, как бы принужденным вдовьим смехом (видела она и такое), а тем своим, прежним, девичьим, звонким, идущим от сердца. Все реже, правда, но смеется. Вдовство — вдовством, тяжка и горька вдовья доля, но живой-то ведь в мужнюю могилу не ляжешь. Жизнь не пустит, не позволит.

Егор Семенович отсмеялся для себя, отхлебнул пиво — промочил горло, сейчас он начнет смешить Клавдию Петровну.

— Байку я одну вспомнил. Врать не буду — сам того не видел. Человек один рассказал, а я за что купил, за то продаю... Едет, значит, по дороге колхозничек. Мажару сена везет. На волах. Тюп, тюп, цоб, цобе. Медленно, значит, едет, как во сне. Ну известно, при такой езде человеку в сознательности продержаться невозможно. Обязательно задремлет — нос книзу, голову на плечо. Так и едет. Вдруг остановились серые. Протер глаза наш колхозничек и видит: у дороги таборок цыганский, а посреде дороги цыган стоит. Удивился колхозничек: туды на луга ехал, ничего такого не было. Ну это известное дело — цыгане, они всегда как из-под земли вырастают. Поздоровался цыган с колхозничком и просит: «Подари немного сена, добрый человек». «Как же я тебе подарю, — отвечает добрый человек, — сено не мое, колхозное». «Тогда продай», — говорит цыган. «А как же я тебе продам? Сказано — не мое сено. Отчепись ты лучше от меня». Только цыган оказался настырным. Не отчепился. «Тогда давай, говорит, меняться. Ты мне сено, а я тебе — что пожелаешь. Хочешь — пилу дам?» «Пилу?» — спрашивает наш колхозничек и сам задумался. С одной стороны, значит, как-то неудобно, сено все же колхозное, а с другой стороны — пила вещь серьезная, нужная в хозяйстве. Очень даже. Позарез нужная.

«А сколько ты сена за свою пилу просишь?» — спрашивает он цыгана. «Да самую малость. Охапочку, не больше. Ну вот столечки, сколько кнутом захвачу». Посмотрел колхозник почему-то на свой собственный кнут, вместо того чтобы на цыганский поглядеть, и подумал: «Немного просит человек, не жадничает. Колхоз не обедняет, а пила на дороге не валяется».

«А хорошая у тебя пила?» — спрашивает он цыгана. Ну тот давай нахваливать свой товар: что хошь, мол, пила распилит. Хошь дерево, хошь железо. Бери, бери, добрый человек. Не пожалеешь. Всю жизнь меня вспоминать будешь...

«Ну что, по рукам?»

Не удержался наш колхозничек. Очень уж ему хотелось такую замечательную пилу занять. Поручкались. Развернул цыган свой кнут, и у нашего колхозничка сердце зашло. Ох, и длинный цыганский кнут оказался. Две сажени — не меньше. Но делать нечего: уговор дороже

денег. Зажмурил добрый человек глаза, чтобы не видеть, значит, как колхозное добро грабят. Потом спрашивает: «Готово?» «Готово», — отвечает цыган. — Вот только увяжу охачочку». И что же вы думаете? Считай, полмажары увязал в ту охачочку хитрый цыган. «А теперь, говорит, получай, добрый человек, пилу». И зовет, значит: «Галя, подь сюда, Галя». Выходит на его голос из шатра цыганка. «Вот, бер! не жалко! Мое слово — закон». «А на что мне твоя старая баба? — говорит колхозник. — Ты мне пилу давай». «А что я тебе даю, — говорит цыган, — я тебе самую настоящую пилу даю... Моя Галя, добрый человек, самая острая пила на свете. Что хошь распилит».

— Не смешно, — жестко отрезала Клавдия Петровна. — Вы бы лучше...

Грачев не дал ей договорить. Опять рассмеялся. Опять тихо, почти беззвучно. Значит, снова вспомнил что-то смешное. В его понимании смешное. Клавдии Петровне сегодня что-то не до смеха.

— А это уж смехота такая. Нет, не байка. Истинная правда. Самый что ни на есть доподлинный случай. Работал я тогда, в году, значит, двадцать восьмом, на Херсонщине, кучером в райотделе милиции. Возил самого начальника товарища Гришко. Сильный был мужчина, вечная ему память, строгий, в моих делах разбирался до тонкостей, потому что сам в гражданскую был у товарища Буденного ездовым на пулеметной тачанке. От меня лично что требовалось при таком начальнике? Главное, чтобы выезд был на большой палец, чтобы каждый видел — едет на нем не кто-нибудь, не пешедрал какой, а человек кавалерийского звания. Ну а я, понятно, старался. И для хорошего человека. И для собственной приятности. Молодой был, любил пофорсить. Ну так вот. Везу я как-то товарища Гришко в одно дальнее село, в глубинку. Едем мы, значит, по степи, лето в полном соку, простор, вольность, воздух пахучий, дорожка накатанная, кони лихие, тачанка легкая. Летим! Красота! Вдруг вижу, справа от дороги табор цыганский...

Окончание следует

Шкоє ГАСАН

МОЯ РОДИНА

Ты, Родина, моя судьба,
Улыбка, небо, молотба,
Надежда, нежность, Первомай,
В зеленом поле красный мак,
Дыханье дня, дыханье сна...
Ты — саза древяня струна.

Ты, Родина, — моя судьба.
И если будет без тебя,
То будет — снег и ураган,
Самум, пустыня и туман,
Садовник, проклявший сады,
Большая рыба без воды,
Пастух, оставивший стада,

С небес упавшая звезда,
Без ароматных роз весна,
Без лиры — бедная струна.

Блуждая по морям земли,
По странам сумрачной зимы,
Я, чужестранец, тосковал,
В блокноте маки рисовал,
Отчаявшись в минуты бед,
Я рисовал твой красный цвет.

Звучала ты в душе моей,
Как величавый соловей!

ЛЮБИ МЕНЯ

Люби меня, моя газель,
Счастливица и певца,
Целуй меня, моя газель,
Не отстраняй лица.

Волос сияющий ручей
Опаснее грозы...
Я на кокетливом плече
Сто тридцать три косы
Тебе на память заплету
И уведу в сады,
Поймаю звезды на лету, —
Сто тридцать три звезды, —

И ожерелье, говорю,
Из звезд я подарю.

Ты — океан. А я плыву,
Певец прекрасных стран,
Я на соломинке плыву,
Безумец, в океан.
Тонули многие — плыву,
Я счастлив наяву.

Целуй меня, моя газель,
Не отстраняй лица,
Люби меня, моя газель,
Счастливица и певца.

Перевод с курдского В. Сосноры

Бухенвальдский колокол

1

Шофер такси, уже немолодой, чрезмерно худой человек, с седеющими жесткими волосами, был подстрижен по-мальчишески коротко, что придавало его сухому лицу какое-то неестественное выражение. Всю дорогу от площади Революции до Шереметьевского аэродрома он непрестанно кашлял. Бедняга был сильно простужен и все-таки держался молодцом: мол, не думайте, уважаемые пассажиры, что я человек нелюдимый.

Путешествующие по земле — многолики. Одним и в лютый мороз жарко, у других в знойный августовский день зуб на зуб не попадет, и этот по-стариковски нахохлившийся таксист с мальчишеским ежиком на голове обязан по прихоти любого пассажира то включать, то выключать печь, то поднимать, то опускать стекла. Но стоит только выключить печь, особенно при открытых окнах, как машина тотчас же охлаждается, а шофер, который с утра до вечера крутит баранку, порой даже не имея времени перекусить, должен быть поистине железным — не бояться ни сквозняков, ни резких смен тепла и холода.

Я и моя подруга, сидевшая рядом со мной в такси, должны были этой ночью отправиться на самолете германской авиакомпании в Берлин.

В чужие страны лучше всего ехать в гости поездом. В начале так и было решено, однако оформление нужных документов затянулось, мы отстали от делегации и следовало торопиться, чтобы примкнуть к ней в Берлине.

Печь в машине была включена, нам стало невыносимо жарко и я опустил правое стекло.

Шофер, покашливая, посмотрел на меня и натянуто улыбнулся. Но так ничего и не сказал.

— Подними, жалко человека, — догадалась подруга и потянулась к ручке.

В зеркальце над ветровым стеклом, отражающим неоновые огни проспекта, я увидел благодарное лицо шофера. Он достал платок и вытер слезящиеся от надсадного кашля глаза.

Уже все реже и реже встречались дома, все меньше становилось огней, и наконец, когда машина проехала железный мост и миновала Химки — мы оказались в полутемном сосновом лесу.

В похожем на аквариум зале ожидания было множество людей. Шофер внес наши чемоданы и поставил их у обитых коленкором кресел. За стеклянной стеной угадывался сокрытый ночной тьмой аэродром, откуда время от времени доносился приглушенный гул мощных авиационных моторов.

Промозглый сырой воздух еще больше сгущал ночную темень, и мы как-то начали даже сомневаться, что нас вовремя отправят отсюда.

Невидимый репродуктор то и дело давал новые и новые справки. Несколько минут назад приземлился самолет Британской авиакомпании и, мигая красными и зелеными огоньками, автотрап бесшумно пя-

тился, уступая дорогу благополучно прибывшему из Лондона лайнеру, чтобы некоторое время спустя прильнуть к его люку и принять пассажиров.

Кишевший людьми зал ожидания наполнился влажной лесной прохладой, непонятными нам отрывистыми возгласами, непривычным нашему слуху говором.

Прилетевший издалека голубой лайнер, видимо, где-то в пути был застигнут ливнем, и на его крыльях и фюзеляже поблескивали крохотные дождевые капли.

Из зала ожидания мы видели, как поползли к нему медлительные, словно жуки, автотягачи и отвели то ли на заправку, то ли на разгрузку. К дверям теперь хлынула из глубины зала изнуренная ожиданием людская волна. Молоденькие девушки, перебивая друг друга, щебетали на иностранном языке и вертелись вокруг вновь приобретенных друзей.

В дверях стояла стюардесса в щеголеватом синем кителе и отчетливо, по слогам, явно на русский лад, выкликивала мудреные чужеземные фамилии.

Объявили посадку на самолет, следующий в Пхеньян, с остановками в Новосибирске и Улан-Уде. Стюардесса открыла дверь, вышла на мокрый перрон и за ней потянулась цепочка пассажиров.

Здесь, на Шереметьевском аэродроме, чувствуется пульс всей планеты — он невидимыми нитями связан со всеми уголками земного шара. Отсюда идут и сюда торопятся пущенные в эфир радиоволны. За тысячи километров отсюда, над океанами и горными хребтами, летят наполненные мирно дремлющими пассажирами самолеты и каждый сантиметр, который они проходят по небу, оставляет след здесь — на шкалах, бесшумно работающих где-то рядом с нами электронных машин и радиолокаторов.

Думы об этом как-то необыкновенно возвышают, и ты начинаешь чувствовать себя неотъемлемой частицей бесконечной Вселенной. Слово не будь тебя, что-то нарушится в мироздании, потому что и те, кто управляет радиоволнами, кто ведет в бескрайнем пространстве, сквозь непроглядную ночь, воздушные лайнеры, так же неповторимы, как и ты.

Пхеньянский самолет включил реактивные двигатели и, направляясь к взлетной дорожке, заполнил все окрест оглушительным ревом.

Радио еще долго называло какие-то города и страны, приглашало пассажиров пройти в соседний флигель для проверки паспортов и заполнения таможенных деклараций.

Я прошел к киоску и, чтобы убить время, стал просматривать напечатанные на глянцевой бумаге брошюры. Некоторые брошюры восхваляли Крымское побережье и его достопримечательности, другие — архитектурные памятники Самарканда и Бухары. На картинках в этих брошюрах были изображены синее море, парусные яхты и опаленные жарким южным солнцем отдыхающие на золотистых пляжах.

— Вы что-нибудь в этом поняли? — эти несколько слов, произнесенные по-русски с нерусским акцентом, заставили меня обернуться. У другого конца журнального прилавка стоял чернявый, ладно скроенный молодой человек лет двадцати пяти и с готовностью сделать что-нибудь приятное, посматривал любопытными большими глазами то на меня, то на какую-то развернутую брошюру, на которой был изображен ярко раскрашенный циферблат часов. Многочисленные стрелки лучами расходились по всему кругу, и каждая упиралась острием в тонко начертанные числа и буквы, показывая время в любом уголке земли, когда в Москве одиннадцать часов утра.

Я мельком взглянул на циферблат, затем на молодого человека и,

18
ЭТИХ
ЭПОХИ
ПРОШЛОГО

прочитав в его глазах желание посвятить меня в хитросплетения этих часовых стрелок, дружелюбно подумал: «Ну, что ж, валяй».

Молодой человек не стал дожидаться, пока я скажу это вслух, и с прилежанием недавнего школяра стал объяснять мне, что тут к чему. Наконец, кончив свои объяснения, он уже без всякой робости посмотрел мне в глаза и по-домашнему непринужденно, как это свойственно кавказцам, когда они знакомятся друг с другом, спросил, куда я держу путь.

Мыслями парень был далеко, и ему самому хотелось выговориться. И верно: стоило мне только замолчать, как он тут же стал рассказывать о себе.

Он рассказывал о своей жизни и все время поглядывал на темнеющий за стеной мокрый бетон аэродрома.

Года три или четыре назад он еще был студентом Бакинского политехнического института. В прошлом году остался позади и курс аспирантуры. А осенью он обзавелся семьей. Он назвал мне даже имя своей маленькой дочери, оставленной дома, но я его не запомнил.

Когда он рассказывал мне об этом, лицо его сияло, глаза восторженно блестели, словно в эти минуты он не только передо мной, а перед всем миром рисовал неповторимые картины своей жизни.

Он направлялся в Центральную Африку на два-три года строить железнодорожные мосты. А из дому выехал без пальто, в Африке все равно жарко.

И он рассмеялся, обнажив крепкие, тесно посаженные зубы. Он был явно доволен тем, что выговорился и приобрел в самом начале дальней дороги нового друга.

Он мог показаться мечтателем, парящим в облаках, и все же трудно было заметить, что парень этот крепко, обеими ногами стоит на земле. Я и сейчас глубоко верю, что он непременно совершит много добрых дел в Центральной Африке — перекинет через полноводные бурные реки длинные прочные мосты и, когда никого из нас уже не будет на свете и в жизнь придут новые и новые поколения, по этим мостам будут гроыхать тяжелые товарные и пассажирские поезда.

2

В самолете нам достались места у самого крыла. В иллюминаторе мерцали далекие огоньки взлетной дорожки. Совсем рядом, за толстым стеклом, простиралась широкая и длинная алюминиевая плоскость крыла и закрывала от меня все поле.

Как только мы вошли в тускло освещенный салон, сразу же оборвалась привычная речь и в самом сердце русского леса мы вдруг очутились среди чужих людей и нас захлестнул иноземный говор.

Три воздушные фрейлейн обошли салон и унесли в гардеробную наши уже надетые на вешалки пальто.

Все три стюардессы были блондинками, с голубыми глазами, у всех трех на губах были спокойные улыбки уверенных в своей обаятельности молодых девушек. Коротко постриженные и словно нарочито расгребанные светлые волосы на один и тот же манер выбивались из-под украшенных эмблемами синих пилотов, которые эти воздушные фрейлейн носили с каким-то особым щегольством.

За бортом самолета непроглядная тьма. Четырехмоторный лайнер упрямо прошибал пространство. В иллюминаторах лишь изредка возникали светлые точки или целая группа таких светлячков — это мы пролетали над каким-нибудь селением или маленьким городком.

Два или три раза промелькнули зеленые и красные движущиеся точки. Они двигались совсем близко от упавшей в ночном мраке

земли. Можно было лишь догадаться, что зеленые и красные точки — это самолеты, которые, как и мы, куда-то летели, не замечая даже мчащегося под ними в стратосфере корабля.

В салоне раздали газеты. Они были только немецкие. Когда высокая светловолосая фрейлейн почтительно положила на колени моему соседу «Берлинер цайтунг», я жестом спросил ее: «А мне?» — «Какую желаете?» — наверно, спросила она.

— Лезен, — сказал я и покраснел, так как больше не знал по-немецки.

— Русский? Дойч? — спросила она. И, покачивая гибким молодым телом, обтянутым узким платьем, вышла из салона. Вскоре она принесла московскую «Вечёрку».

— Сегодняшняя, свежая, только что принесли, — сказала она, смешивая русские и немецкие слова.

В иллюминаторы глядела все та же темень. Разбросанные на дне ночного омота Витебск или Вильнюс остались позади, их поглотила тьма. В салоне стало совсем тихо. Утомленные предтолетной суетой, пассажиры откинули спинки кресел и безмятежно спали. Не показывались и воздушные фрейлейн, словно лесные птички, они скрылись в своих гнездах. Только нам двоим не спалось. То и дело мы поглядывали на часы и пытались разглядеть что-нибудь там, на земле.

А там внизу была Польша. Где-то плавно извивалась Висла.

Я протер стекло носовым платком и прижался к нему лбом. Внизу мелькали одинокие огоньки. Потом сотни таких светлых точек выстроились в ряд — это, вероятно, аэродром или ведущая в большой город автострада.

Крапленая огненными точками земля вдруг исчезла. Самолет вновь прокладывал себе путь над толщей облаков. Изредка в просветах между облаками мелькали исчерченные пунктиром огней долины и тут же их накрывала многослойная гора облаков.

Молодой парень из Баку, едущий в Центральную Африку строить мосты, наверно, тоже сейчас в воздухе. В набитом спящими людьми салоне лайнера он, так же как и мы, не спит. Да и как ему заснуть? Может, он прошлую ночь не спал и позапрошлую... сердцем он был еще дома, он ощущал дыхание маленькой дочурки, щеки его еще горели от жгучих слез молодой жены. Далеко, очень далеко была Африка. Кто знает, какая она, полная незнакомых красок и голосов...

Самолет прошел над стогом облаков, затем врезался в него и постепенно стал снижаться. Где-то открылась дверь, в салон впорхнули все три стюардессы.

Лайнер шел на снижение едва ощутимыми толчками.

В противоположном иллюминаторе я увидел, как опрокинулась выгнанная узором огней земля. Самолет неторопливо выравнивался. Сейчас земля была где-то наверху и мы снизу приближались к ней. Натужно ревели реактивные двигатели. Слившиеся в один сплошной костер огни были уже совсем близко. Сквозь синеву ночи уже можно было различить под крыльями снижающегося самолета прямые, широкие улицы огромного города и, словно провалы, затемненные площади.

Перед выходом из самолета я заранее приколол к груди купленную в Москве красную розу. По этой розе меня должен был узнать представитель бюро путешествий Германской Демократической Республики, ожидающий нас в зале аэровокзала.

Гомонящий поток людей увлек нас к зданию, похожему на сколоченный в спешке навес. Вокруг был плотный туман. Идущие впереди входили в этот туман и, словно надев шапку-невидимку, исчезали в нем.

Зал ожидания был переполнен людьми. Мы с подружкой то и дело озирались — где же представитель бюро путешествий? И несколько встревоженные, жадно прислушивались к каждому русскому слову. По-русски здесь говорили либо военные, либо дипломаты. Некоторых из них я заметил еще на Шереметьевском аэродроме, другие же пришли их встречать, и сейчас все они столпились у маленького окошка паспортного стола, за которым пожилой очкастый полицейский проверял документы.

В тот момент, когда я уже собирался разыскивать телефон-автомат, к нам подошел низкорослый худощавый мужчина и, устало улыбнувшись, назвал свое имя. Этот худой, длиннолицый блондин лет сорока — Герберт Шайбей оказался именно тем, кого мы с таким нетерпением ждали.

Шайбей говорил по-русски сносно, но с тем жестким акцентом, который свойственен немцам, жившим в русской провинции. И действительно — в довоенные годы Шайбей жил на берегах Волги. Там и научился говорить по-русски. А сейчас часто ловит себя на том, что понемногу забывает язык.

Он извинился за опоздание — оказывается, испортилась машина.

По дороге нас несколько раз останавливали ночные патрули. При свете карманных фонарей они проверяли паспорта, а потом освещали и лица, сверяя с фотографиями.

Герберт Шайбей и за это извинился, жестко выговаривая русские слова. Не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не заслали из Западного Берлина. Вот и приходится беспокоить всех гостей лишними формальностями.

Темная и туманная ночь обманула наши ожидания — за десять-пятнадцать шагов ничего нельзя было разглядеть. Шофер то и дело тормозил машину, боясь на что-нибудь наехать в темноте. Время от времени, будто из самых недр земли до нас доходил приглушенный грохот — это где-то рядом пробегал электропоезд.

Вдоль мощенной узкими плитами широкой улицы, по которой ехала машина, пролегла городская железная дорога. Позади осталось несколько ее станций, и мы въехали в более освещенную часть города. В этот поздний час машины и трамваи уже не ходили и только пустые поезда грохотали над уснувшим городом. Трудно представить себе, как могут горожане спать в таком адском шуме. Днем, при солнце, еще, наверно, ничего, но ночью... в ночное время шум удесятывается, вбирая в себя и звон оконных стекол и непрерывную дрожь земли.

3

Портье гостиницы разбудил нас очень рано.

— Шайбей уже здесь и ждет вас в холле.

Я без особой охоты потянулся к одежде. Когда он успел побывать дома и вернуться обратно?

Было раннее утро. На улицах, кроме омытой морозящим дождем мостовой и проглядывающих сквозь туман витрин, опять ничего не было видно. Шофер осторожно вел машину. Город еще только просыпался, и на темных, незатоптанных тротуарах можно было видеть лишь редких прохожих.

Только на Остбанхофской площади бурлила жизнь. Здесь взад и вперед со скрипом сновали груженные чемоданами тележки носильщиков.

Мокрый автобус вез хмурых от непогоды пассажиров. Люди топились к пригородным поездам.

В вестибюле вокзала наше внимание привлекла какая-то необычная суета. У лестницы стояла телекамера. Собравшихся в зале людей то и дело ярко освещали укрытые в высоких нишах юпитеры.

Герберт Шайбей на минутку остановил нас и вскоре явился с новостью. Оказывается, люди собрались в огромном зале ожидания, чтобы проводить Юрия Гагарина. После десятидневного путешествия по городам Германии герой-космонавт возвращался домой.

Герберт Шайбей, удивительно внимательный, сердечный человек, усадил нас в вагон, устроил поудобнее и не ушел из купе, пока не был дан сигнал к отправлению. Мы ехали в Лейпциг. Шайбей договорился с Лейпцигским отделением Бюро путешествий.

На станции нас должен был встретить их представитель и отвезти в ту гостиницу, где остановилась прибывшая из Москвы делегация.

Поезд уже тронулся, когда едва успевший сойти Шайбей вновь вбежал в вагон. Оказывается, забывчивость — этот ужасный недуг, свойственен даже немцам.

— Право не знаю, как это случилось, я увлекся разговором и захватил ваши билеты.

Я проводил его до дверей вагона. Поезд тихо и плавно покидал многолюдный перрон, и нашему милому хозяину нетрудно было спрыгнуть. Он еще некоторое время шел рядом с нашим окном, махал рукой и улыбался, хотя улыбка не очень шла к его замкнутому лицу.

Мы проехали почти полпути, но ни один новый пассажир в вагоне не появился. Поезд лишь на две-три минуты останавливался на маленьких станциях и вновь, не торопясь, двигался сквозь сырой туман. Из окна мы едва различали узкую полосу леса, бегущую за поездом. За пестрым осенним лесом угадывались поля с зелеными островками свеклы или редиса. Пока мы любовались этими знакомыми картинами, наступило время завтрака. Пассажиры раскрыли саквояжи, растелили на коленях салфетки и спокойно, даже равнодушно, будто каждый из них был один-одинешенек в этом вагоне, принялись за еду. Поев, они аккуратно собрали остатки завтрака и, словно это были огородные семена, ссыпали в пакетики, тщательно перевязывали их и только после этого, успокоенные, сытые, предавались сну.

Не завтракал лишь один пассажир с преждевременными морщинами на лице. Он сидел напротив нас и все время с откровенным любопытством поглядывал то на меня, то на мою подругу. Сначала мне такая бесцеремонность нашего попутчика не понравилась, даже показалась оскорбительной, но потом я заметил, что этот человек, который, несмотря на свой европейский костюм, удивительно был похож на лезгиндудильщиков, бродивших в прежние времена по нашим имеретинским селам, не придавал особого значения выражению своего лица.

За пожелтевшим от паровозного дыма окном туман постепенно рассеивался. Прижатое к земле небо оторвалось, наконец, от зеленых полей, солнце проглянуло сквозь разорванные тучи, и глазам открылась прекрасная картина.

Сквозь по-осеннему оголенную лесную полосу виднелись ветви черешни с желтыми, пожухлыми листьями. Желтизна вкралась и в дубняк. Плакучие ивы, припав к земле, стали похожи на зеленые кусты. Неопрятная ольха и стройная белая осина шелестели над ними. А чуть подальше за лесом начинались застланные зеленым ковром поля сахарной свеклы. А еще дальше двигались полускрытые туманом комбайны.

Местами на плантациях возвышались холмы уже вырытой из земли сахарной свеклы — рядом с ними хлопотали крестьяне в красно-жел-

22

тых костюмах и крестьянки в длинных платьях. Они наполняли мешки свеклой и грузили их на стоящие тут же автомашины. Крестьяне почти не обращали внимания на идущий из столицы пассажирский поезд.

По обочинам дороги застыли лужи с мутной водой—значит, и здесь прошел дождь, напоивший живительной влагой труженицу-землю.

— Я очень извиняюсь, — это вдруг заговорил на исковерканном в азиатских пустынях русском языке наш любопытствующий попутчик. Вежливо улыбаясь, он заглянул мне в глаза.

— Если вам не трудно, то ответьте, на каком языке вы говорите между собой. Этот язык я слышал в молодости. Кажется, это — аджарский, если я не ошибаюсь.

Я с таким удивлением посмотрел на него, словно встретил на далекой чужбине близкого соседа. И тут же объяснил, что не аджарский, а грузинский. Аджария лишь уголок Грузии, и населяют ее такие же груны, как и мы.

Он покачал головой, на мгновение отвел глаза, видимо, хотел возразить мне, но не доверился своим познаниям. Его одутловатое, поросшее вчерашней щетиной, болезненное лицо лоснилось. В медовых, задумчивых глазах было столько тепла и грусти, что всякий невольно проникся бы сочувствием и симпатией к нему.

Мог ли я себе представить, что этот тихий господин, которому грузинская речь ласкала слух, напомнив давно минувшую юность, был иранцем и некогда руководил в своей стране политической партией. Работая в подполье, он вынужден был затем бежать в Европу и уже долгие годы оторван от родной земли и близких.

Он не стал стесняться сидевших в купе равнодушных европейцев. С некогда кровными врагами — грузинами — он встретился сейчас как с родными и со слезами на глазах поведал нам печальную повесть о своей многострадальной жизни. Он стучался в двери всех стран Западной Европы, но изгнаннику нигде не нашлось места. Под конец он обосновался в Восточном Берлине. Здесь нашел работу. А в Лейпциге он снимает комнатку, там учится его младшая дочь, она на шестом курсе медицинского института. И вот он едет сейчас повидать ее.

Он считал себя иранским подданным, но про себя твердо решил — пока там на шахском троне Моххамед Реза Пехлеви, он и на пушечный выстрел не приблизится к этой стране. Нет, он не настолько наивен, чтобы после долгих скитаний на чужбине возвратиться домой в такое время. Его ждала там жестокая расправа — шах тут же схватил бы своего старого политического противника, своего непримиримого врага...

Вдруг я заметил: купе опустело. Пассажиры столпились в узком коридоре. Иранский эмигрант достал белый платочек и делал вид, будто вытирает с лица пот. Почти умоляя, пригласил он посетить его бедную семью. Заверял, что не станет долго задерживать и не сможет удивить угощением. Но, видит бог, от всего сердца...

Я чуть было не согласился. Да и почему я должен был отказать в такой человеческой просьбе этому истосковавшемуся по родине скитальцу. Он скучал по своей далекой отчизне и, как говорится, из любви к винограду целовал плетень.

Поезд вскоре остановился. Как только я спустился со ступенек, тут же невольно поднял вверх глаза; огромное пространство, заключенное в трех высоченных стенах, было перекрыто гигантской аркой. Прозрачный главный свод арки покоился на железных конструкциях и создавал такое впечатление, словно вся вселенная втиснута под эту крышу.

Пыхтят пробежавшие большие расстояния локомотивы, на черных тендерах измазанные сажей кочегары, как и сто лет тому назад, забрасывают железной лопатой уголь в ненасытные чрева паровозов.

По истоптанному, стертому каменным плитам перрона шныряли самоходные тележки. Хотя уже приближался полдень, во всю глотку орал продавец утренних газет.

Мощные подъемники с терзающим ухо скрежетом укладывали на открытые платформы какой-то тяжелый груз. На путях стояло с десяток вновь прибывших поездов, и пассажиры с них, будто поток, прорвавший плотину, торопливо, не оглядываясь назад, хлынули к выходу. А впереди все новые и новые арки, колонны из железа и массивного гранита, огромные, в человеческий рост, надписи, широченные коридоры, лестницы, двери...

4

В час дня все мы собрались в холле гостиницы «Баваришес Хауз». Здесь и познакомились с говорливой северянкой, бывшей актрисой Новосибирского театра. Сейчас она драматург, ее пьесы идут в некоторых театрах восточной Германии. Познакомились мы и с двумя почтенными женщинами — одна из них профессор медицины, другая — археолог, по происхождению армянка, однако коренная жительница Нахичевани на Дону, а также с группой молодых инженеров и тремя московскими врачами. Среди инженеров был высокий, плечистый парень — Василий — Васек, как мы его стали звать, подвижной и совершенно неутомимый. Он заметно косил и, видно, мучался этим, но на людях держался молодцом и все обращал в шутку. Васек не разлучался с киноаппаратом, всегда держал его наготове и длинными очередями снимал все, что попадало на пути. Он всегда куда-то торопился, всегда старался опередить других, но как правило в последние минуты обязательно опаздывал. Попутчики уже успели полюбить этого сильного, немного угловатого парня. На каждой остановке, перед тем, как наш огромный, с вагон, красный автобус трогался дальше, все обыкновенно спрашивали: — Васек тут? Ох, чертяка, опять опаздывает.

В холл вошел гид — литовец, житель Берлина, тщательно выбритый и поразительно смуглый для человека, родившегося на севере. Копна густых черных волос была похожа на лохматую шапку горца. Аккуратно подстриженная челка падала на изборожденный морщинами низкий лоб.

С гидом Леонасом Степанаускасом пришел шофер автобуса, чрезвычайно тучный, но удивительно подвижный и энергичный мужчина лет сорока. На его крутых, породистых, несколько полноватых плечах, словно башня крепости, сидела подпираемая короткой шеей, крупная голова. В губах его была зажата английская сигара. Когда к нему обращались. Хорст, так звали шофера, резко поворачивал голову на толстой шее, отрывисто отвечал на вопросы и еще крепче сжимал губами сигару, будто боялся, что ее унесет ветер.

Красный автобус еле-еле втиснулся в узкую средневековую улицу и, обогнув торчащее перед гостиницей четырехэтажное здание, через несколько минут оказался на привокзальной площади. Отсюда хорошо был виден угловой дом с высокой остроконечной башней, с трехцветными флагами между колоннами — городская ратуша и место встречи деловых людей, прибывших на Международную ярмарку.

В этом вместительном желтом здании, которое на первый взгляд кажется не таким уж большим, заключаются крупные торговые сделки.

Ведь Лейпциг стоит на скрещении путей с Запада на Восток, с Севера на Юг.

Некогда караваны, направлявшиеся из Парижа в бескрайние русские степи, должны были разбивать палатки во Франкфурте-на-Майне, а затем в Лейпциге, а человек, идущий с Севера, с Балтийского побережья в Италию, не мог миновать Магденбург, Лейпциг и Нюрнберг — только так ему удалось бы достичь далекой Италии.

На этом всемирном перекрестке вначале стояло лишь маленькое местечко со множеством чадных трактиров, кузниц, шорных и седельных мастерских, с улочками, пропитанными запахом конского навоза. Говорящих на многих наречиях люди собирались у трактиров, чтобы почесать языки и выгодно сбыть свой товар...

Возникшие восемь с половиной веков назад международные ярмарки проводятся с тех пор дважды в год — весной и осенью. В ярмарках участвуют фирмы более пятидесяти стран, здесь можно купить все что угодно, все — кроме птичьего молока, — начиная с драгоценных ковров, хрусталя, фарфора и кончая дорогостоящими полиграфическими машинами и с чудесным мастерством отпечатанными книгами.

На весенних ярмарках торгуют главным образом товарами широкого потребления, осенние же посвящены полностью машинам и аппаратуре.

Если человек пожелает дотошно осмотреть все павильоны ярмарки, то ему придется пройти более ста километров.

Красный автобус миновал мощный цветными плитами Маркт-плац — базарную площадь и лишь на минуту остановился у вонзившегося в небо храма — Томас кирхе. В этом храме каждое воскресенье и в праздничные дни выступает знаменитая детская капелла «Томанер хор». Три столетия назад капеллой этой дирижировал Иоганн Себастьян Бах. В церкви можно увидеть хорошо сохранившуюся бронзовую плиту, под которой покоится великий композитор.

На тихих улицах города уже проглядывали осенние краски — желтые листья устилали плиты мостовой. За изгородями жарко пылали увядающей листвой вишневые, инжировые и сливовые деревья.

Вскоре появилась и цель нашей поездки: на лысом плоскогорье возвышался огромный красный обелиск. Он стоял на пьедестале, к которому вела широкая лестница.

Только с близкого расстояния можно было убедиться, что это не обычный обелиск — арочная дверь, похожая на алтарь богато украшенного храма была в самом центре фасада. Еще три таких двери оказались на каждой стороне обелиска. По искусно вделанным в стену ступеням вы поднимаетесь на верхний этаж, в комнатах которого расположены музейные экспонаты, а в самом большом и высоком зале, названном «Залом славы», каждый год 18 октября выступает ансамбль «Томанер хор».

Восемнадцатого октября...

В этот день у Лейпцига был окончательно разбит отступавший из дремучих лесов России Наполеон. Опозоренный в пылающей Москве гордый Бонапарт был пойман союзными армиями в ловушку между плоскогорьями. Поля и доли окрасились кровью захватчика...

Император стоял на том самом холме, где сто лет спустя, в знак его поражения, был воздвигнут этот величественный обелиск, и смотрел на поле боя. На этой возвышенности и вокруг нее сновали изнуренные дальним походом адъютанты и офицеры императорского генерального штаба. День был ветреный. К Наполеону шли вести — одна хуже другой. Ветер сорвал с императора треуголку. Стоявший неподалеку

проворный корнет, словно коршун, бросился за шляпой, настиг ее и протянул Бонапарту. Император не замечал корнета — он стоял под покрытой головой, не отрывая глаз смотрел на разбитые, развороченные французские редуты, и его редкие волосы бесцеремонно трепал октябрьский ветер.

До того, как мы поднялись на этот исторический холм, в левом окне автобуса промелькнула белая церковь с куполом, покрытым сусальным золотом. Промелькнула и осталась позади. Такая белая церковь с золотистым, похожим на луковицу куполом до сих пор нам в Германии не попадалась. Здешние католические соборы и маленькие зеленые кирхи выглядят совершенно иначе. С возвышенности эта белая церковь с золоченым куполом хорошо видна. Можно было подумать, что какой-то великан поднял ее и перенес на руках сюда из Новгородского Кремля. Церковь одновременно с обелиском воздвигли в память двадцати двух тысяч русских воинов, погибших в Битве Народов.

Жаль, что мы не приехали сюда раньше. Всего четыре дня назад, восемнадцатого октября, здесь собрались десятки тысяч людей на празднование триумфа союзных войск и поражения узурпатора. Торжества, начавшиеся в полдень, длились до поздней ночи. Величественное здание, в главном зале которого пела Лейпцигская капелла мальчиков, было освещено огнями фейерверка. В это время его можно было видеть даже из отдаленных уголков Саксонии. Все окрест было заполнено наряженным в красную и желтую национальную одежду народом.

5

В сумерках раннего вечера автобус остановился у лестницы Дворца с круглыми колоннами, и Хорст, по заведенному им правилу, первым выскочил из машины, чтобы подать руку новосибирской певице и двум другим пожилым женщинам.

Широкая гранитная лестница привела нас к дубовой двери, украшенной резьбой старых мастеров. В вестибюле, как под сводами безлюдного храма, в котором слабо мерцают всего несколько свечек, было холодно. Этот холодный, пустой и странно притихший дворец действительно напоминал безлюдную церковь. Казалось даже, что здесь пахнет ладаном.

Высокий серый свод, к которому взлетали мраморные лестницы, был в нескольких местах потрескан. Кое-где даже отвалилась штукатурка. Стены с глубокими нишами были в потеках грязной воды — видимо, когда-то, а может, и сейчас протекала крыша.

Некогда этот знаменитый на весь мир, внушающий страх и почтение Дворец Правосудия кишел истцами и ответчиками, судьями и присяжными заседателями — ныне же он был почти пуст и обслуживали его всего-навсего давно не стриженный юноша и три скрюченные от старости и холода женщины.

Последнее судебное заседание состоялось в большом зале Дворца Правосудия тридцать один год назад. Судили Георгия Димитрова по обвинению в поджоге рейхстага. Государственным обвинителем выступал имперский генеральный прокурор.

Большой зал с разрисованными стенами на втором этаже. Половину зала, приподнятую, как театральные подмости, занимал длинный циклоидный стол. К столу приставлены стулья с высокими спинками, клейменными фашистской эмблемой. На трех стульях с самыми высокими спинками восседали судьи. На блестящем столе стояли графины с водой и шесть чашек из восточного фарфора. Слева от возвышен-

ности — простая скамья для обвиняемых, отделенная от всего зала барьером. Позади скамьи становился вооруженный конвой. Напротив скамьи подсудимых, у выходящего на улицу окна кафедра государственного обвинителя, а посередине между ними стоит еще длинный стол для адвокатов. И здесь выстроились графины для воды и фарфоровые чашки, но уже не такие дорогие.

Все здесь выглядит так, словно только что имперский верховный суд прервал заседание и удалился в соседнюю комнату для составления приговора.

Сотрудница музея включила магнитофон. Гробовую тишину зала сначала нарушило шелестенье магнитофонной пленки, потом послышался хриплый истерически-крикливый мужской голос.

По телу пробежала дрожь — будто я увидел, как из густых колючих зарослей выползает, извиваясь и шипя, ядовитая змея.

Это был голос Геринга.

Приглашенный в этот зал для изобличения ни в чем неповинного Димитрова, он стоял на кафедре для свидетелей и давал показания трепещущим перед ним судьям.

Болгарин Димитров, оторванный от родных мест, был не силен в немецком языке. Пока имперская служба безопасности вела следствие по сострепанному ею же делу о поджоге рейхстага, Димитров сидел в одиночной камере тюрьмы для особо опасных преступников и упорно изучал немецкий язык по словарям и учебникам грамматики. Узник фашистского застенка, Димитров принял смелое решение: на процессе, разыгранном по нотам оказавшихся во главе государства людоедов, выступить без переводчика и свое обвинительное слово против самих судей произнести на немецком языке.

Этот мужественный, стойкий человек ценой бессонных ночей добился своего. В течение ста дней, которые понадобились для предварительного следствия, Димитров блестяще изучил немецкий и подробно ознакомился с составленным на этом же языке многотомным делом.

Разъяренный его неожиданными едкими репликами, Герман Геринг орал на весь зал, как резанный бык, тщетно звонил в серебряный колокольчик судья, тщетно кричал он в угоду всесильному имперскому министру на обвиняемого, пытаясь заткнуть ему рот. А что он мог еще сделать! Не выгонишь же подсудимого из зала.

Схватившиеся не на жизнь, а на смерть противники — один, обладающий могущественной властью министр, другой — опирающийся на силу трезвого разума, но попавший в когти кровожадного врага искатель правды, — иногда на какое-то время умолкали, словно тигр и рысь перед новыми схватками. И тогда мы отчетливо слышали, как гудела собравшаяся в этом зале тридцать лет назад публика, как прерывисто, тяжело дышали любители острых ощущений и сотни людей, скорбящих о растоптанной ногами правде. Кто-то кашлянул, кто-то не выдержав такого нервного напряжения, приглушенно всхлипывал, вдруг звякнуло стекло и через тридцать лет мы услышали, как булькает вода — это судья, у которого пересохло горло, наполнял чашку.

Потом вновь самоуверенный голос имперского министра загремел под сводами зала.

Никто из простых смертных, казалось, не мог сомневаться, что все и сейчас и впредь будет решаться по воле, по прихоти этого опьяненного присвоенной властью и правом человека.

Прошло всего тридцать с немногим лет. Тридцать лет — какое короткое расстояние для истории. И что же осталось? Запечатленные на

пленку звуки... Ничтожество мнимого могущества цинично сохранила эта чертова машина.

Счеты сведены. Страсти улеглись. Сегодня даже удивляешься неужели человек, достигнувший поста первого министра огромной империи, был настолько тупым, что посмел, в сущности, голыми руками, обладая только лишь узаконенным правом насилия, вступить в схватку с вечностью?

Вечность — это вечность. Ее не убить, не обескровить.

Продолжение следует

Хроника

«МЫ СОЛИДАРНЫ С ГЕРОИЧЕСКИМ ВЬЕТНАМОМ»

Писатели Грузии выразили свою солидарность с борющимся вьетнамским народом, собравшись на митинге в клубе Союза писателей. В своих взволнованных выступлениях председатель Союза писателей Грузии Ираклий Абашидзе, писатель-академик Константин Гамсахурдиа, поэты Иосиф Нонешвили, Марика Бараташвили, Отар Шаламберидзе, писатели Отар Чиджавадзе, Симон Цверава клеймили позором разбой и жестокость американской военщины.

Гневно звучал голос грузинских писателей в защиту свободлюбивого вьетнамского народа, против американских империалистов. В резолюции, единодушно принятой всеми участниками митинга, сказано:

«Грузинские писатели вместе со всем прогрессивным человечеством требуют немедленного прекращения агрессии США против вьетнамского народа.

Писатели требуют вывести американские войска с территории Вьетнама и предоставить возможность вьетнамцам самим решить свою судьбу».

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ ВО ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ

Клуб юных литераторов Дворца пионеров и школьников имени Б. Дзвездзе пригласил к себе на встречу за круглым столом коллектив редакции журнала «Литературная Грузия».

Члены клуба поделились своими впечатлениями о журнале, который они любят и за каждым номером которого ревниво следят, разобрали некоторые произведения, опубликованные на страницах «Литературной Грузии», остановили свое внимание на отдельных номерах журнала.

Член редколлегии журнала «Литературная Грузия» В. Г. Мачавариани, заместитель редактора Э. В. Елигулашвили, ответственный секретарь Б. Л. Гасс, заведующие отделами К. Н. Коринтели и Л. Т. Добродеева рассказали о планах журнала на 1966 год, о произведениях, которые находятся сейчас в портфеле редакции, об основных тенденциях развития современной грузинской литературы.

Беседа получилась интересной, содержательной и вызвала единодушное решение как у юных литераторов Дворца пионеров, так и у коллектива редакции «Литературной Грузии» сделать такие встречи доброй традицией.

ХРАМ БАГРАТА

Этот храм, эта крепость древняя
Всех заставит любви причаститься.
Я дала тебе тень под деревьями,
Но самой от огня мне не скрыться.

И уходит душа смятенная
В тишину изумрудных просторов,
Не видна тебе боль затаенная,
Хоть открыт твоим взорам весь город.

Вот звучат голоса дрожащие,
И возносятся ввысь песнопения.
Завтра вспомнишь ли ты вчерашнее?
Знаю, мне не забыть те мгновенья.

Я застыла в немом волнении
И очулась, наверно, не скоро.
Что тебе принесло примирение,
Для меня — лишь начало спора.

* * *

Солнце бусы в траве соберет,
В них лучи, словно нити проденет.
Пальма душной раскинет свод.
Кипарисы в прохладу вод
Окунут раскаленные тени.

ДОМИК ЛЕРМОНТОВА

Маленький дом в Пятигорске
Полон народу всегда.
Но тот, кто оставил здесь песню,
За ней не вернется сюда.

Дождь, что обрушился бурно,
Выпит ущельем глухим,
Как жизнь, что была бездумно
Оборвана здесь, над ним.

Трель соловьиная смолкла.
Сад задремал в тишине.
Глазами слепца пустыми
Кажутся окна мне.

Маленький дом в Пятигорске
Полон народу всегда.
Но тот, кто оставил здесь песню,
Уже не вернется сюда.

Перевод с грузинского А. Флешина

16 декабря 1965 года в одной из больниц Южной Франции на 91-м году жизни скончался знаменитый английский писатель Сомерсет Моэм.

Литературное наследие Моэма очень велико — перу его принадлежат множество романов, рассказов, новелл, которые переводятся почти на все языки мира. Пьесы Моэма пользуются неизменным успехом у зрителя.

Грузинский читатель хорошо знаком с творчеством Сомерсета Моэма по сборнику его рассказов «Безумие одной ночи», который вышел на грузинском языке в издательстве «Литერатура და ხელოვნება».

Предлагаемая нами новелла Моэма впервые публикуется на русском языке.

Сомерсет МОЭМ

Общественное мнение

Н О В Е Л Л А

Перевод с английского В. Обухова и А. Берга

Я не люблю, когда о визитах договариваются задолго до намеченного дня. Разве можно с уверенностью сказать, что через три или четыре недели вы захотите с кем-то пообедать? За это время может все измениться, так что это приглашение доставит вам уйму неприятностей. Но что поделаешь? День назначен заранее, и нужно правдоподобное объяснение, чтобы ваш отказ не обидел хозяев. Вы принимаете приглашение, и оно висит над вами, как какая-то мрачная угроза, оно вмешивается в вашу жизнь, оно путает все ваши планы. Единственная возможность выйти из этого положения — это под благовидным предлогом отказаться в последний момент. Но у меня никогда не хватает на это мужества.

Именно с этим чувством досады я покинул свой дом на Грин Стрит, чтобы навестить Макдональдов. Их общество нравилось мне. Много лет тому назад я решил не обедать у людей, которые мне неприятны. Поэтому у меня было не так уж много знакомых, которых я навещал. Макдональды очень милые люди, но их вечера всегда невыносимо скучны. Им казалось, что если пригласить шесть человек, у которых нет ничего общего, то вечер не удастся; если же увеличить это количество в три раза и пригласить восемнадцать — вечер пройдет успешно.

Я немного опоздал, что неизбежно случается с людьми, которые живут рядом с домом, куда их приглашают. Комната уже была полна гостей. Я почти

никого не знал, и у меня упало сердце, когда я понял, что придется вести банальные беседы с незнакомыми людьми. Однако мне повезло. Увидев в глубине зала Томаса и Мэри Уортон, я вздохнул с облегчением. Тем более приятно было оказаться рядом с Мэри за столом.

Томас Уортон, художник-портретист, в свое время пользовался успехом. Однако он не оправдал возлагаемых на него в юности надежд и не поднялся выше обычного ремесленника без оригинальности и воображения. Критики не принимали всерьез его работы, и в выставочном зале Королевской Академии никто не задерживался перед портретами помещиков, охотников на лисиц и преуспевающих торговцев, которые он посылал туда каждый год. Несмотря на это, каждому хотелось сказать приятное о его картинах, потому что сам Уортон был человек любезный и дружелюбный. Если человек искренне радуется любому вашему успеху, то вы не можете не ответить ему тем же. Но это не всегда легко, и единственная похвала, на которую я мог решиться, это сказать, что написанные им портреты очень схожи с оригиналом.

Мэри Уортон была когда-то камерной певицей, и у нее до сих пор сохранился приятный голос. Должно быть, в молодости она была очень красива. Теперь, в пятьдесят три года, у нее был довольно блеклый вид. Черты лица огрубели, и морщины собирались в уголках глаз, когда она смеялась. Но в ее густых темных волосах не было и следа седины, а живые глаза светились умом. Она одевалась скорее пестро, чем по моде. Ее слабостью были бусы и крупные серьги. Острый язык, неистощимый юмор делали ее приятной собеседницей. Но именно за это многие женщины не любили ее. Однако никто не мог отрицать, что миссис Уортон умна. Она не только хорошо играла на фортепьяно, но и была вдумчивым читателем и ценителем живописи. У нее было какое-то особое чутье в искусстве. Ей нравились современные вещи, но не из-за того, что они были модны. Она часто покупала картины неизвестных художников, которые впоследствии оценивались в десятки тысяч фунтов. Ее вкус был почти безошибочным, суждения весомы, а энтузиазм искренним.

Томас Уортон боготворил жену. Он влюбился в нее, когда она была еще певицей, и бесконечно преследовал ее своими предложениями. Мэри отказывала ему, наверное, десяток раз, и мне говорили, что она приняла его предложение с некоторыми колебаниями. Томас очень ценил мнение жены и хотел бы скорее услышать хотя бы одно слово от нее, чем панегирики во всех лондонских газетах. Но Мэри была очень

честна, чтобы льстить ему. Это ранило его, и хотя он пытался превращать все в шутку, чувствовалось, что в душе он переживал. Их знакомые знали, что супруги не ладят друг с другом — у Уортонов была отвратительная привычка ссориться при посторонних. Хотя Мэри признавала доброту Томаса, его бескорыстие, благородство, но с некоторыми чертами его характера не могла смириться даже за двадцать пять лет совместной жизни. Он был ограниченным, слишком логичным и самонадеянным. Томас не был настоящим художником, а для Мэри Уортон настоящее искусство было все. Она постоянно ранила его своими замечаниями, а ведь нет ничего худшего в мире, чем презрение человека, мнение которого для вас самое важное в жизни. Если у вас сложилось впечатление, что Мэри Уортон — вечно недовольная, немного надоедливая женщина с непомерными претензиями, то я был несправедлив к ней. Она всегда была преданным другом и приятной собеседницей. С ней можно было говорить на любые темы, ее замечания были всегда остроумны и значительны.

Сейчас Мэри сидела слева от хозяйки дома. Беседа была общей. Я был занят со своим соседом, но по смеху, который был вызван замечаниями Мэри, догадался, что она в отличном настроении. Когда она бывала в плохом настроении, никто не смел к ней приблизиться.

— Вы сегодня великолепны, — наконец удалось вставить мне среди общего шума.

— Это что, просто комплимент?

— Совсе нет. Не удивительно, что люди ссорятся друг с другом, пытаются заполучить вас к себе в гости. У вас неоценимая способность задавать тон вечеру.

— Я стараюсь, чтобы оправдать свой обед.

— Между прочим, как дела у Мэнсона? Кто-то сказал мне недавно, что он лег на операцию.

Мэри на секунду смолкла, все еще улыбаясь.

— Разве вы не видели сегодняшних вечерних газет? — спросила она.

— Нет, я играл в гольф, а когда вернулся домой, мне едва хватило времени принять ванну и переодеться.

— Мэнсон умер сегодня в 2 часа дня.

Я собрался изобразить на лице ужас, но Мэри взглядом остановила меня.

— Будьте осторожны. Том наблюдает за мной как рысь, подстерегающая добычу. Они все наблюдают за мной. Они знают, что я преклонялась перед Жераром, но никто из них не знает наверняка, была ли я его любовницей. Их интересует, как я восприму его смерть. Попытайтесь сделать вид, что вы говорите о русском балете.

В этот момент кто-то обратился к ней с противоположной стороны стола. Слегка откинув голову, что было ее привычкой, она так резко повернулась к спросившему, что все рассмеялись. Беседа снова стала общей, а я остался наедине со своими мыслями. Я знал, что уже около двадцати лет Мэри и Жерар Мэнсон любили друг друга. Их связь продолжалась так долго, что даже те их знакомые, которые считали соблюдение внешних приличий неукоснительным законом, смирились. Иногда их видели в уединенных уголках ресторанов или гуляющими в Зоологическом саду. Они были уже не молоды: Мэнсону было шестьдесят, а Мэри немногим меньше, и, по моему мнению, они уже могли позволить себе не скрывать своих отношений. Но нельзя было забывать о Томасе. Он бешено ревновал Мэри, бесконечно устраивал сцены и в конце концов принудил ее дать обещание никогда больше не встречаться с Мэнсоном. Конечно, она нарушала свое обещание и старалась это скрыть.

— С Томом я чувствую себя заключенной в душной комнате, полной пыльных безделушек, — делалась она со мной. — С Жераром я дышу чистым воздухом горных вершин.

«Возможно ли для женщины влюбиться в мужчину только за его ум?» — не раз спрашивал я себя.

Наверное, Мэри видела в Мэнсоне особую привлекательность и достоинства, которых остальные не замечали. Жерар Мэнсон, маленький человек с бледным лицом интеллигента и вылинявшими голубыми глазами за толстыми стеклами очков, большой круглой лысиной, обрамленной остатками седых волос, не был похож на традиционного романтического любовника. В литературных кругах его считали тонким критиком и способным очеркистом. Его стиль был изысканным, а знания обширны. Что касается меня, то мне не нравилось его общество. Он был неразговорчив, а его редкие реплики звучали пророчески. Перспектива провести с ним вечер наедине наполняла меня страхом. Мне всегда было непонятно, как этот маленький скучный человек мог писать свои статьи с таким мастерством и блеском. Особенно удивляло меня то, что такая жизнерадостная подвижная женщина, как Мэри Уортон, могла найти в нем что-то необычное. Очевидно, в этом молчаливом, даже угрюмом человеке было что-то, привлекавшее женщин. Жена боготворила его. Она клялась, что убьет себя, если Жерар оставит ее. А так как она отличалась крайней неуравновешенностью, нельзя было быть уверенным, что она не выполнит своей угрозы.

Однажды я заметил, что Мэри чем-то расстроена. Когда я спросил ее, в чем

дело, она расплакалась. До этого она завтракала с Мэнсоном и нашла его в подавленном состоянии после безобразной сцены с женой.

— Так больше не может продолжаться, — всхлипывала Мэри. — Она разрушает его жизнь.

— Почему вы не сделаете решительный шаг? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Вы любите друг друга много лет. Вы стареете, и жить осталось не так уж много. Разве сейчас Том и миссис Мэнсон счастливы? Почему вы не покончите с этим и не уедете куда-нибудь?

— Мы обсуждаем этот вопрос вот уже около двадцати лет. Это невозможно. Раньше Жерар не мог оставить своих дочерей. Может быть, миссис Мэнсон и неплохая мать, но она не могла должным образом воспитывать своих детей. А сейчас, когда они вышли замуж, Жерар слишком стар, чтобы тронуться с места. Я не могу вырвать его из привычной среды. Он слишком стар, чтобы начинать все с начала. Кроме того, существует Томас. Он любит меня, и когда дело доходит до решительного шага, я просто не могу его сделать. Без меня Том погибнет.

— Тогда ситуация безвыходна...

Я взглянул на Мэри, и она, чувствуя на себе мой взгляд, тоже повернулась. На ее губах играла легкая усмешка.

— Почему вы пришли сегодня сюда? — спросил я.

— Что я могла сделать. Я прочитала об этом в газете, когда одевалась к вечеру. Я должна была прийти. Еще месяц назад мы получили приглашение на этот вечер. Какую причину отказа я могла бы придумать? Вы, наверное, не знаете, что мы с Жераром писали друг другу каждый день в течение 20-ти лет.

Ее нижняя губа слегка дрожала, и она закусила ее. Лицо исказила странная гримаса, но затем она взяла себя в руки.

— Он был единственным близким человеком для меня. Но разве я могла не пойти на вечер? Жерар всегда говорил, что нужно уважать общественное мнение.

— К счастью, я думаю, вечер быстро закончится, и вы сможете пойти домой.

— Я не хочу домой. Я не хочу быть одна. Я не имею права плакать, потому что мои глаза покраснеют и распухнут, а на завтра мы пригласили гостей на ленч. Между прочим, вы придете? Я должна хорошо выглядеть. Том хочет показать гостям свою новую картину.

— Вы великолепно владеете собой!

— Вы так думаете? Жерару бы тоже хотелось, чтобы я не выдала себя. Ведь он всегда считал, что нужно соблюдать внешние приличия.

Дороги и встречи

Ираклий АБАШИДЗЕ

Римский диалог

На Конгрессе писателей Европы

В октябре прошлого года в Риме собрался IV Конгресс Европейского сообщества писателей — КОМЭС. В его работе приняли участие писатели из 26 государств Европы и в том числе представительная делегация Советского Союза. В составе советской делегации находился и я. Некоторыми своими мыслями о ходе работы Конгресса и о существе вопроса, ставшего центром обсуждения и вызвавшего оживленную дискуссию, мне и хочется поделиться с читателями.

Прежде всего отмечу общее и главное впечатление: Римский конгресс существенно отличался по своему характеру от предшествовавшего ему Конгресса этой писательской организации, который проходил в Турине. Это отличие заключалось в том, что работа последнего Конгресса в гораздо большей мере определялась чисто писательскими, литературными интересами, в то время как Туринская встреча европейских писателей во многом носила скорее политический характер, благодаря тому, что проходила под знаком столетнего юбилея движения Итальянского объединения «Рисорджименто», и некоторые участники встречи, воспользовавшись этим обстоятельством, попытались превратить трибуну Конгресса в ристалище борьбы вокруг идей политической и экономической интеграции стран «Малой Европы».

Поэтому обращение Римского конгресса к проблемам, имеющим актуальное значение для литературы наших дней, не могло не вызвать чувство удовлетворения.

Различие целей и задач двух конгрессов КОМЭС определило по существу несхожесть их облика и, я бы даже сказал, совершенно разное содержание. Туринская сессия прошла неинтересно — этого не могли отрицать даже сами устроители. Римский же конгресс

не просто оказался в высшей степени содержательным и поучительным, но и стал заметной вехой в жизни европейских литератур наших дней. Успеху Римского конгресса содействовало и то обстоятельство, что в его работе принимали активное участие ведущие современные мастера художественного слова, взволнованно и заинтересованно обсуждавшие основной вопрос повестки дня. В Турине же даже итальянская литература была представлена отнюдь не всеми ведущими писателями.

Факт все возрастающей заинтересованности крупнейших литераторов деятельностью Европейского сообщества писателей помимо всего прочего свидетельствует о том, что КОМЭС постепенно набирает силы, становится авторитетным в литературной жизни наших дней. Об этом с законным удовлетворением говорили многие участники Римского конгресса.

Нашей встрече в столице Италии предшествовало несколько весьма примечательных встреч, бесед «за круглым столом» и дискуссий, на которых рассматривались различные аспекты положения литературы и искусства в современном мире и их завтрашних перспектив.

В ходе этих безусловно полезных и конструктивных контактов окончательно определились и четко размежевались эстетические воззрения литераторов Западной и Восточной Европы на наиболее сложные и спорные вопросы. Каждая такая встреча превращалась по сути дела в откровенный и взаимно заинтересованный диалог мастеров художественного слова, представивших две эстетики, два мировоззрения, две системы, два мира. Но при всех расхождениях, основным оставалось стремление понять друг друга, объяснить и защитить свои аргументы, в деловых, дружеских беседах отстоять и растолковать

вать свои позиции. Собственно говоря, только тогда диалог и возможен, когда каждый прислушивается к словам другого. Именно поэтому мы так и называли наши встречи, определяя их спокойным и дружелюбным словом «диалог» и меняя только географические координаты: Туринский диалог, Будапештский диалог, Ленинградский диалог, и вот теперь — Римский диалог, о котором мне и хочется рассказать.

Следует сразу же подчеркнуть, что по сравнению с атмосферой других писательских встреч, на Римском конгрессе царил дух еще более полного взаимного внимания и дружелюбия, откровенности при обмене мнениями и стремления понять позицию даже самых крайних своих оппонентов. Все это, разумеется, принесло свои плоды: Римский диалог, писательская дискуссия проходили в деловой атмосфере, в обстановке, желательной для всех участников.

Что и говорить, эта атмосфера не создалась сама по себе, а была подготовлена кропотливой и целеустремленной работой, проведенной писателями, и прежде всего руководителями КОМЭС в ходе предшествовавших международных встреч, которые проводились в Будапеште и Ленинграде. Будапештский диалог был подготовлен и проведен «ПЕН-клубом» и рассматривал такой злободневный и спорный вопрос, как традиции и новаторство в литературе современной эпохи. Ленинградский диалог, организованный уже непосредственно КОМЭС, был посвящен проблеме «нового романа».

Нужно ли говорить, какой интерес вызвали оба эти мероприятия у писателей Европы? да, пожалуй, и всего мира. Ибо нет литературы где бы не стояли в повестке дня оба этих вопроса, где бы о них не спорили. Естественно, что не мог пройти мимо них и конгресс КОМЭС, проходивший в Риме. Проблема традиционализма, отношения к традициям, их приятия или отрицания, уважительного или нигилистического отношения к ним звучала в выступлениях многих участников Римского диалога. К подробному разговору об этих выступлениях и о взглядах, высказанных участниками дискуссии в Риме, мне хочется вернуться несколько позже. Здесь же приведу свидетельство участника Будапештской встречи писателей, известного украинского критика и литературоведа Л. Новиченко о том, что позицию большинства участников этой встречи можно сформулировать в общих чертах так: между современностью и прошлым, между новаторством и традиционализмом несомненно существует диалектическая взаимосвязь; традиции и новации неразлучны и не-

разъединимы как сямские близнецы и, отдавая должную дань уважения лучшим, прогрессивным традициям прошлого, не следует забывать об их постоянном обновлении, развитии и продолжении; не существует и не может существовать современности вне традиций так же, как нет и не может быть традиции вне современности; грань между новаторством и традициями не является непреодолимой, более того — эта грань лишь условная, призрачная межа, и современность в литературе и искусстве имеет право на существование исключительно в тесном и нерасторжимом единстве с лучшими традициями прошлого.

Как же было с тем крикливым и претенциозным трюкачеством, которое не имеет ничего общего с подлинным новаторством, с естественным и закономерным процессом развития, обновления литературы и искусства? Голоса решительного протеста против подобного псевдоноваторства раздавались еще в ходе Будапештского диалога, и очень характерно, что они принадлежали отнюдь не только писателям, представлявшим социалистические страны, но и наиболее значительным и авторитетным литераторам Запада, стоящим к тому же на различных идеологических и эстетических позициях.

Вот, например, как образно и зло выразил свое отношение к псевдоноваторству один из участников встречи:

— Употребляя слова «эксперимент», «новаторство», мы обычно уважительно снимаем шляпы. Но у меня порою создается впечатление, что вместе со шляпами мы при этом снимаем и голову с плеч... Я борюсь с подобным безголовым подходом к вопросам новаторства, к эксперименту.

На Римском конгрессе громко и решительно звучал голос возмущения кривляньем и пустотой псевдоноваторства, псевдоэкспериментаторства в искусстве и литературе. Бесплодные потуги апологетов всевозможных «новейших» школ и групп особенно много вреда принесли поэзии и киноискусству. Вспомним, например, практику последних лет, даже целого десятилетия, господствовавшую в западногерманской поэзии. Из стиха последовательно изгонялась всякая мысль, всякое осмысленное содержание подвергалось нападкам и осмеянию. Если же в ту или иную стихотворную строку, поэтический образ проникало (порой даже против воли авторов подобных поэтических созданий) какое-либо подобие мысли, содержания, идеи, то все произведение немедленно объявлялось традиционным, отжившим, схематичным и несовременным. Слово оказалось полностью

разгруженным, «освобожденным» от смысла. Кто-то из участников Римского конгресса остроумно заметил, что в результате подобной эстетической установки на бессмысленность, алогизм — «в слове оказалось потерянным... слово».

Как известно, так же стоял вопрос в основной своей части и на Ленинградском диалоге, где основным в дискуссии был вопрос о положении романа в ряду современных литературных жанров. Разговор здесь по существу шел не о проблеме взаимоотношения старого и нового романа, или даже взаимоотношения традиции и новаторства, а свелся к противопоставлению романа в обычном понимании и антиромана, или, точнее, «перомана». В наши дни даже многие представители западноевропейских и вообще западных литератур вынуждены с опасением приглядываться к засилию чисто внешнего, поверхностного «новаторства», отвечающего из всех требований жизни только на капризы моды и требования рекламы. Справедливы поэтому утверждения, что в наши дни кризис переживает не роман как таковой, не жанр романа вообще, а надуманные и противоестественные формалистические методы его «обновления».

Деловой и конструктивный характер писательского диалога на Римском конгрессе был подготовлен, однако, не только международными встречами литераторов. Конгрессу предшествовало широкое обсуждение проблем литературы и искусства в западной прессе, — и отнюдь не только специальной литературной и искусствovedческой.

Я не беру на себя ответственность дать подробный анализ всех выступлений в ходе этого обсуждения на страницах западноевропейской прессы — читателю, конечно, ясно, что и по количеству и по идейно-эстетическим позициям авторов, и попросту по своему литературному уровню материал поистине необъятен. Но все же некоторые наиболее интересные и характерные, на мой взгляд, выступления кажутся достойными того, чтобы хотя бы коротко рассказать здесь о них.

Прежде всего напомним, что тема диалога Римского конгресса Европейского объединения писателей была сформулирована так: «Литературный авангард вчера и сегодня».

Всякий разговор надо начинать с определения. Что же именно подразумевается под этими понятиями: авангард, авангардизм, неоавангардизм?

Авангардизм не представляет собой какого-либо нового литературного направления или новой литературной школы, наподобие, скажем, сюрреализма или неореализма (напоминаю о них,

чтобы не забираться слишком далеко в дебри истории литературных школ и направлений). Скорее его можно определить как целое движение в современной европейской литературе и искусстве, — впрочем, на Западе об авангардизме предпочитают говорить как о «новом климате» в литературе и искусстве нашей эпохи.

Лучшие представители авангарда, стоявшие у истоков этого движения, по всей вероятности, руководствовались добрыми намерениями и благородными целями. Их вдохновляло и побуждало к действию не одно только голое стремление к разрушительству, отрицанию и ниспроверганию, но и желание искать и найти новые пути, новые идеи для развития и дальнейшего прогресса искусства и литературы, желание утверждать, созидать что-то новое.

На Римском конгрессе говорилось, что лучшие представители современного авангарда в числе своих предшественников и вдохновителей считали таких корифеев мировой литературной классики, как Флюбер, Ибсен, Бодлер, Пушкин, Достоевский, Толстой, Маяковский, — то есть всех тех, кто рушил и ниспровергал существовавшие в их времена стандарты и штампы литературы и прокладывал пути новому искусству.

Таковы были теоретические предпосылки нового движения, его, так сказать, генеалогия, как она виделась самим авангардистам.

Что же произошло с ним в действительности? Каковы те достижения, которые может предъявить в доказательство своей прогрессивности и жизнеспособности это движение? Какова творческая практика авангарда?

Сегодня, как выяснилось, сами буржуазные критики на основании анализа положения в современном авангарде приходят к такому выводу: формалистическое, авангардистское искусство неприемлемо для большинства читателей, и причина этого вовсе не в том, что оно подвергается критике со стороны марксистов. Одной из главных причин непопулярности и неудач авангардистов критики считают то очевидное для всех обстоятельство, что на испытательном полигоне их экспериментов рядом с немногими одиночками, которым нельзя отказать в искренности и таланте, подвизаются толпы бездарностей.

Я нарочно привел здесь это высказывание в адрес авангарда именно из западной критики. Мне кажется, что это должно напомнить нам литературный климат сорока и пятидесятилетней давности, господствовавший в России 20-х годов, когда на арене писательской жиз-

ни кипели бури вокруг творчества футуристов.

На Римском конгрессе стало очевидно, что лидеры и теоретики современного европейского авангарда открыто признают и даже более того — подчеркивают свою преемственную связь с русскими футуристами, которые наряду с Маринетти считаются их предшественниками и родоначальниками.

Хочу отметить здесь одно любопытное, на мой взгляд, обстоятельство: выясняется, что англичане вообще считают авангардизм, распространившийся за последнее время на их острове, чужеродным явлением, «пересаженным растением», вторгшимся с континента и не имеющим под собой твердой почвы в Великобритании. Английские критики особо подчеркивают несовместимость всеобщего, универсального схематизма, характерного для авангардистской литературы, с национальными традициями, которыми извечно питались и без которых не могут существовать ни подлинное искусство, ни подлинная литература.

Именно поэтому и мы сочли необходимым дать бой проникшим не так давно в нашу страну абстракционистским тенденциям, которые представляют собою не что иное, как рецидив именно этого западного движения. Абстракционизм не только обнаружил свое полное бессилие продолжить развитие литературы и искусства по пути подлинного новаторства, но и решительно отвернулся от национальных традиций, национального духа в художественных произведениях. Такая эстетика не только нежизнеспособна, она не имеет и права на жизнь.

Но в то же время мы, советские писатели, художники, музыканты, никогда не отказывались от здорового эксперимента, от истинного новаторства, от поиска в нашей работе, не забывали о необходимости оказывать самую решительную поддержку всему новому. Именно поэтому в нашей стране ведется последовательная борьба с догматическим псевдотрадиционализмом, с упрощенческим подходом к литературе, с примитивизмом и вульгаризаторством, когда исчезает грань между литературой и нелитературой, искусством и неискусством. Именно поэтому у нас всегда велась и ведется последовательная борьба с национальной ограниченностью в литературе и искусстве, с ложным патриотизмом и провинциальностью, которые свидетельствуют лишь о творческой ограниченности и отсталости авторов подобных произведений.

Читателю нашему, разумеется, нет необходимости напоминать, что советская литературная критика и литературове-

дение решительно и без колебаний отвергли псевдоэкспериментаторское, формотворчество и идеалистическую эстетику западных неоавангардистов. В нашей периодической печати — и не только специально литературной, в многочисленных научных статьях и монографиях была убедительно и аргументированно раскрыта реакционная сущность авангардизма. Пожалуй, здесь нет необходимости вновь напоминать обо всех доводах и положениях этих выступлений в защиту реалистического искусства и эстетики, достаточно лишь перечислить названия некоторых работ такого рода, чтобы сделать картину ясной: «Авангард или арьергард», «Разрушители прекрасного», «Без прошлого и без будущего», «Путь от героя к ничтожеству», «Вне времени и пространства», «Против современного абстракционизма и формализма» и т. д.

Римская сессия Европейского объединения писателей ставила целью прояснить положение вещей и внести хотя бы некоторую определенность в сложные и запутанные вопросы современного авангардистского движения. Четыре дня продолжалась ожесточенная полемика на трибунах и в кулуарах Конгресса, но после окончания дискуссии, пожалуй, у всех участников диалога осталось одно впечатление: необходимо время, необходимо еще более глубокое осмысление происходящих явлений, чтобы в сложнейшем переплетении противоположных и взаимоисключающих суждений и позиций определить грядущие пути и перспективы современной литературы и искусства. Обмен мнениями по этому злободневному и актуальному вопросу отныне вновь должен был перейти на страницы прессы.

«Авангард вчера и сегодня» — так была сформулирована повестка дня Римского конгресса. Но эта тема, по существу, переросла в дискуссию о традиционализме и модернизме вообще. Начало подобному расширению темы положил уже сам основной докладчик на конгрессе — Морис Надо. Он первый ополчился против так называемого традиционализма и встал на защиту авангардизма, противопоставив друг другу в качестве характерных проявлений того и другого движения творчество Андре Моруа и Франсуа Мориака с одной стороны, и Франца Кафки, Джеймса Джойса и Эжена Ионеско — с другой. По его утверждению, авангард провидит перспективы развития литературы и искусства на десятки лет вперед, и даже более того — сам создает эти перспективы, в то время как арьергард, традиционализм не в состоянии создать ничего качественно нового, бездумно следуя в русле традиций и преграждая путь появлению нового, неизведанного. Док-

ладчик напомнил Конгрессу опыт некоторых классиков девятнадцатого столетия, которые, благодаря своему творчеству, по его словам, заслужили право быть причисленными к авангардистам. Они не добивались популярности и признания у своих современников, не ждали их одобрения, создавая новую литературу, новое искусство и адресуясь к нам, людям двадцатого века, и даже к последующим эпохам и поколениям. В докладе особо была отмечена заслуга в прокладывании новых путей для поэзии нашего великого соотечественника — Владимира Маяковского, а из наших современников — Поля Элюара и Луи Арагона.

— Европейских авангардистов часто упрекают в том, что разрушая, они ничего не создают взамен, не предлагают положительной программы, — заявил Морис Надо с трибуны Конгресса. — Но ведь именно это и является программой авангарда; его цель и единственная задача отобразить в художественном творчестве процесс разрушения, ломки старого мира. Возможно, картина, рисуемая в авангардистских произведениях, не вполне приятна и призывательна, но зато она правдива. — В доказательство своего утверждения докладчик назвал имя Франца Кафки.

Основные принципы и положения доклада Мориса Надо вызвали оживленную дискуссию. Многие выступавшие поддерживали докладчика, не только подтверждая главный пафос его доклада, но и нередко дополняя и развивая его. Совершенно ясно, что выступления этой группы участников Конгресса были направлены своим острием против реалистического искусства и литературы, главным образом — против идейно-эстетических принципов социалистического реализма. Разумеется, тот факт, что с трибуны Римского конгресса прозвучали и подобные голоса, не могло быть для нас неожиданностью, ибо встречи европейских писателей, как я уже говорил, проходят с участием литераторов, представляющих два противостоящих один другому социальных, идеологических и эстетических лагеря.

На Конгрессе вновь резко прозвучали обвинения против конформизма литературы и искусства. Многократно говорилось о том, что бескрылый конформизм означает склероз творчества, что он иссушает не только умы, но и души, толкает искусство и литературу на путь деградации и уничтожения. Подобные выпады настолько навязли у всех на зубах, что даже и не вызвали какой-либо серьезной полемики.

С удовольствием могу отметить, что общий тон выступлений на Конгрессе был спокойным и конструктивным, голос разума звучал громко и внушитель-

но. Делегаты, стоявшие на деловых позициях, составляли абсолютное большинство, и в первых их рядах, по общему признанию, находились посланцы литературы Советского Союза и братских социалистических стран. Выступления членов нашей делегации — Александра Твардовского, Виктора Шкловского, Василия Аксенова и Бориса Сучкова произвели на всех участников Конгресса глубокое впечатление, и не только своим содержанием, но и искренним стремлением найти общий язык со всеми честными силами европейской литературы, принципиальностью и убежденностью в правоте своих позиций. Мне хочется хотя бы в самых общих чертах познакомиться читателю с основными положениями выступлений советских писателей (не имея точных текстов, привожу смысл их речей по памяти).

Вот что сказал наш замечательный поэт Александр Трофимович Твардовский:

— Я не сторонник того, чтобы переименовывать пятницу в воскресенье, сколь ни были бы приятными и желанными для нас воскресные дни. Пока что авангардисты выступают лишь с теоретическими манифестами, заявлениями, пожеланиями, но мы до сих пор не видим их произведений, художественных полотен, которые являлись бы практическим осуществлением их идей и которые можно было бы отнести к творческим достижениям. То же, что нам предоставляется, отнюдь не может сильно способствовать интересам авангарда.

Выступление А. Твардовского содержало ответ на утверждения некоторых участников Римского диалога, которые в своих речах пытались доказать, что авангардизм — это прежде всего поиск, эксперимент, который нуждается в опеке и защите от филистерских нападок защитников традиций. Советский писатель, имея в виду именно эти взгляды, заявил:

— Я всегда думал и продолжаю думать по сей день, что равнодушное отношение писателя к форме своего произведения порождает, как неизбежное следствие, и равнодушное отношение читателя к нему, к его идее и содержанию, сколь бы высокими и благородными ни были эти последние. Но я убежден, что эта связь справедлива и в обратной последовательности: равнодушие, невниманье писателя к содержанию не может не вызвать равнодушия, невнимания читателя к форме, даже самой изощренной и мастерски сработанной.

По существу выступление другого советского делегата, видного критика и литературоведа Б. Сучкова представляло собой подтверждение и развитие этой же мысли.

— Мы, марксисты, не являемся про-

тивниками авангарда как такового, — сказал он, — но никогда и нигде литература и искусство не могут, не лишая себя сознательно своей самой важной функции, отказаться от задачи служить связью, коммуникацией между людьми и между народами.

Два оратора, представлявших два поколения советской литературы, — Виктор Шкловский и Василий Аксенов, — говорили в своих выступлениях с трибуны Римского конгресса о «авангарде» в русской литературе, о его прошлом и настоящем.

С большим интересом был выслушан участниками Конгресса интересный рассказ В. Шкловского о выдающихся личностях в истории России, русской культуры, которые в свое время прокладывали пути в неизведанное, открывали новые перспективы в науке и искусстве, и тем самым заслужили право называться подлинными авангардистами в самом высоком понимании этого слова. Оратор назвал имена Циолковского, Федорова и других, привел факты, неизвестные для многих иностранных участников Конгресса. Рассказал он также о своих друзьях и соратниках по литературным боям 20-х годов, которым суждено было создать эпоху в русской литературе.

Василий Аксенов подробно охарактеризовал новое поколение советской литературы, которому некоторые зарубежные литераторы присваивают наименование «советского авангарда», и его творчество после XX съезда нашей Коммунистической партии.

— Нет такого художника, такого писателя в нашей стране, — разумеется, если только это подлинный художник и писатель, — который не мечтал бы о том, чтобы находиться в авангарде великих дел и свершений нашей эпохи, — заявил молодой советский писатель.

Можно с уверенностью сказать, что характер выступлений советских писателей в Риме, помимо всего прочего, был в немалой степени обусловлен теми событиями и процессами, которые имеют место у нас в стране в настоящее время. Впрочем, не следует забывать и того многозначительного факта, что советский народ в полный голос высказал свое отношение к настоящему авангардизму и новаторству еще тогда, когда в столице нашей Родины, на одной из центральных площадей был воздвигнут памятник Владимиру Маяковскому.

Во всем мире известно, что мы, работники литературы и искусства Советского Союза и братских социалистических стран, являемся последовательными защитниками и ценителями лучших передовых традиций, богатого наследия, оставленного нам предшественниками. Мы считаем это своим почетным долгом и обязанностью. Но я не знаю, где, в

какой социалистической стране (мир велик!) можно найти марксистов, которые бы слепо, догматически отстаивали все и всякие традиции, не глядя вперед, не стремясь к победе нового, здорового, жизнеспособного. Между тем именно это вменялось нам в вину некоторыми ораторами, выступавшими на трибуне Конгресса, да и в предшествовавший ему период порою раздавались подобные голоса.

Если такие явления и могли иметь место в прошлом, то теперь это можно с полным правом считать преодоленным недостатком.

Как бы глубоко и всесторонне ни обсуждались вопросы авангардизма, формализма, традиционализма, стоявшие на Римском конгрессе, они, повторяю, так и остались дискуссионными. Разумеется, делу не могло помочь разъяснение Жан Поля Сартра о том, что настоящих авангардистов надо искать в Африке; писатели сегодняшней освобожденной Африки только сейчас, в наши дни, создают литературу и искусство своих стран и часто даже свой алфавит и письменность. Сартр согласился с тем сообщением, что любой авангард, так же как и любое движение, оценивается исключительно по тому, что ему удалось создать, а не по тому, что оно отвергло или разрушило. Кажется, именно Сартру принадлежала мысль, что всякий авангард, восставший против традиций и стандартов, всякое литературное движение и направление, в конечном счете, очищается, отфильтровывается от всего наносного, и от них остаются только одиночки, отдельные таланты. И достойно особого внимания то, что эти таланты, завоевав всеобщее признание, приходят к реализму (как это случилось, например, с Вл. Маяковским). История, заявил Сартр, развивается, отталкиваясь от отрицательных прецедентов и, возможно, что в литературе и искусстве происходит тот же процесс самоочищения в развитии.

Четвертый, Римский конгресс Европейского сообщества писателей был по единодушной оценке всей прессы значительным явлением в духовной жизни Европы и достопримечательной вехой в деле сближения и укрепления взаимопонимания писателей, представлявших два мира.

Диалог между мастерами художественного слова Востока и Запада продолжается. И это является верным залогом того, что столь важное дело, как сближение деятелей культуры, стоящих по обе стороны социального барьера, будет продолжаться и впредь.

Организация писателей Европы — КОМЭС — приобретает все больший авторитет среди западной интеллигенции, ее слово звучит все весомее в общественной

жизни Запада. Она защищает и отстаивает интересы писателей. Примером и доказательством этого может служить факт решительного протеста, заявленного Конгрессом реакционным правительствам Испании и Португалии по поводу преследования и арестов прогрессивных писателей. Конгресс потребовал от правительства этих стран немедленного освобождения томящихся в застенках мужественных деятелей литературы и искусства, выступающих против фашистских режимов.

Наша советская делегация внесла на

рассмотрение Конгресса предложение провести очередную сессию Европейского сообщества писателей в Советском Союзе, в столице Грузии — Тбилиси, и приурочить ее к празднованию 800-летия великого грузинского поэта Шота Руставели в первых числах октября 1966 года. Конгресс единодушно поддержал это предложение. И теперь в числе пунктов, где будут проходить ближайшие встречи и собеседования европейских писателей, рядом со Стокгольмом, Парижем, Варшавой, Дублином, по праву находится и наш Тбилиси.

Хроника

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГ И РУКОПИСЕЙ

В ходе подготовки к очередному съезду писателей Грузии заметно активизировали свою работу секции нашей писательской организации. Так последнее заседание русской секции было посвящено обсуждению произведений русских писателей, живущих в Грузии. Речь шла как о книгах, уже вышедших, так и о тех, которые готовятся к выпуску. Подробному разбору подверглись рассказ П. Сытина, повести Э. Фейгина, романы А. Кузьмичева, книги В. Татишвили, И. Дубинского, И. Ениколопова, М. Заверина, рассказы А. Зурабова, М. Гельви, стихи Г. Онаняна, В. Панова, С. Стаценко, Л. Магистровой, А. Цыбулевского.

Большой, принципиальный, по большому счету разговор вступительным словом открыл председательствовавший на заседании секции секретарь Союза писателей Грузии Б. Жгенти.

В обсуждении наряду с членами нашей писательской организации активное участие приняла группа московских писателей, возглавляемая А. Турковым. На заседании секции выступили А. Гладили, С. Куняев, Е. Евтушенко, И. Томашевский, А. Турков.

БУДЕТ ИЗДАНА ГРУЗИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В течение 1967 — 1972 годов будет осуществлено издание многотомной грузинской энциклопедии.

Для ее составления и издания при Президиуме Академии наук Грузинской ССР создана специальная научная редакция, утверждена главная редакционная коллегия. Научно-методическое руководство по изданию энциклопедии будет осуществлено Академией наук Грузинской ССР.

Десять дней во Франции

ПАРИЖСКИЕ КОНТРАСТЫ

Путешествовавшие весной прошлого года по Франции поэты Карло Каладзе и Иосиф Нонешвили, литературоведы Шота Дзидзигури и Гиви Гачечиладзе, искусствоведы Гульнара Джaparидзе и Этери Гугушвили, автор этих строк, а также Ирина Гачечиладзе, Русудан Дзидзигури и Медия Нонешвили входили в состав специализированной туристической группы, организованной Союзом писателей СССР с целью ознакомления с всемирно известными достопримечательностями Франции, ее историческими памятниками, музеями и дворцами, с ее сегодняшней экономической, политической, общественной и культурной жизнью.

Говорить о том, насколько все это было для нас интересно, как расширило и обогатило наши познания и представления, наш духовный мир, я думаю, излишне. Это и так ясно.

В течение нескольких дней мы осматривали Париж — один из замечательнейших и красивейших городов мира, и перед нами, как в калейдоскопе, мелькали свидетели крупнейших исторических событий — улицы, площади, бульвары и кварталы великого города, Вандомская колонна и Триумфальная арка, Эйфелева башня и Дом инвалидов, Елисейские поля и Булонский лес, Парижский пантеон и кладбище Пер-Лашез, Лувр и Версаль, музей импрессионистов и выставка нового искусства, бульвар и площадь Монмартр, Монпарнас и Сен-Жермен, Ротонда и известные парижские кафе, в которых когда-то собирались, спорили и работали блестящие представители великой французской литературы, общественные деятели, мыслители, философы, люди искусства.

К сожалению, в пределах одной статьи невозможно описать или хотя бы перечислить все достопримечательности, свидетельствующие о больших патриотических и революционных традициях Франции, о ее истории и культуре, обо всем том, что прошло перед нами за те несколько дней, которые мы провели в Париже.

И как бы мы ни были хорошо знакомы со всем этим по романам великодушных французских писателей, по работам историков, репродуцирующим памятников искусства и записям мемуаристов, все виденное нами

здесь оставило настолько неизгладимое и глубокое впечатление, что для описания его не хватило бы и нескольких томов.

Шесть суток путешествовали мы по Южной Франции, по городам — Авиньон, Арли, Лебо, Ницца, Марсель, Монако, Монте-Карло, по расположенным вдоль Лазурного берега всемирно известным курортам.

И все эти города, курорты и деревни не только вообще привлекательны и интересны, а связаны с именами великих представителей французской литературы и искусства, с большими событиями в истории человечества.. Вот здесь, например, родился Проспер Мериме... Жителями этого города были Мирабо, Сезанн, Эмиль Золя... Тут жил Альфонс Додэ; а вот и его знаменитая «мельница»... Морской вокзал разрисован Пикассо; здесь творили Шагал и Матисс... А вот тот самый замок «Иф», который описал А. Дюма в «Графе Монте-Кристо»... И так на каждом шагу.

Я не вел дневников путешествия. Пусть память сохранит только то, что оставило незабываемое, неизгладимое впечатление, что и без записей навсегда остается в духовном мире очевидца. А мы видели, слышали и пережили многое такое, что никогда не померкнет в нашем сознании.

Может быть, когда-нибудь я и смогу поделиться с читателями всем богатством этих впечатлений и пережитого в те дни. На сей же раз мне хочется кратко остановиться лишь на одной стороне этого путешествия по Франции — на встречах с нашими парижскими соотечественниками, друзьями, которые живут в Париже.

Но прежде чем рассказать о них, в нескольких словах напомним о некоторых эпизодах, которые, по-моему, наглядно характеризуют социальную жизнь современной Франции, сущность ее социального и духовного развития.

Конечно, нет никакой возможности за каких-нибудь десять дней изучить жизнь такой большой страны, как Франция, настолько глубоко и всесторонне, чтобы сделать какие-либо открытия и собственные, оригинальные выводы, иметь право на обобщенные суждения.

Вот всего несколько штрихов, дающих, на мой взгляд, довольно ясное представление о тех жестоких контрастах и кричащих

противоречиях, которые характерны для современного капиталистического мира и, в частности, для Франции.

Страна эта стоит сейчас на пути экономического подъема, и общий жизненный уровень ее населения довольно высок. Но даже при беглом взгляде нельзя не заметить, что это обилие и богатство доступны не всем.

В маленькой гостинице «Бребань» на бульваре Монмартр, где мы разместились, наше внимание сразу же привлек мальчик лет 12-13, который перетаскивал наши чемоданы в предоставленные для нас комнаты. Очень вежливый и воспитанный, этот подросток с на редкость симпатичным лицом, попросил у нас советские значки и так приветливо заговорил с нами, будто был старым знакомым. На вопрос, почему он не учится, мальчик ответил, что не имеет этой возможности, так как вынужден физическим трудом добывать средства к существованию.

Уже эта первая короткая встреча дала нам почувствовать всю жестокость и порочность того социального строя, который — как знать, — какому множеству подобных молодых людей уготовливает горькую участь темной, тяжелой, безрадостной жизни.

А какое отталкивающее зрелище наблюдали мы на центральном рынке Парижа, известном под названием «Чрево Парижа», где владельцы ресторанов, кафе и гастрономических магазинов еще до зари оптом закупали продукты.

Ранним утром, после окончания торга, толпа бродяг и голодных бросается на остатки и объедки; безжалостно обездоленные и исковерканные превратностями общественного строя, эти люди с поразительной жадностью подбирают на еще неподметенной площади вываленные в пыли и грязи листья зелени, очистки фруктов, крохи хлеба и тут же съедают их...

Несмотря на то, что с юношеских лет мы читали и слышали о несправедливости и превратностях капиталистического мира, увиденное нами зрелище, свидетельствовавшее о трагедии людей, придавленных нищетой до такой степени, что они потеряли человеческий облик, потрясло нас до глубины души.

И это происходит в Париже, ослепительно сверкающем своими непомерно богатыми витринами, комфортабельными дворцами, ресторанами, кафе, кабаре...

Видели мы также живое воплощение социального прогресса и борющейся за демократию Франции. Был воскресный день. Мы осматривали кладбище Пер-Лашез. Много памятников здесь напоминают о больших революционных и патриотических традициях французского народа. Живым продолжением этих традиций явился многочисленный митинг, посвященный торжествен-

ному открытию памятника жертвам Бухенвальда.

Мы стали свидетелями того, как взволнованно выражали ораторы на этом митинге непримиримый гнев и протест народа против поджигателей новой войны, призывали к миру и борьбе за сотрудничество народов.

Полиция оказалась бессильной смирить воинственный пафос демонстрации, удерживать новые и новые людские потоки, идущие с боевыми знаменами, плакатами, лозунгами, революционными песнями и призывами.

Эта картина была как бы живым подтверждением высказанного в беседе с нами мнения руководителей газеты «Юманите» о том, что самую актуальную задачу политической жизни современной Франции составляет борьба против диктаторских устремлений де Голля, борьба за демократизацию государственного строя.

На встрече, устроенной в редакции газеты «Юманите», мы выразили сердечную благодарность ее руководителям за то большое внимание, которое они проявили к современной грузинской литературе.

В продолжение длительного времени, печатая иллюстрации, подготовленные для французского издания романа Константина Гамсахурдиа «Десница великого мастера», газета пробуждала интерес своих многочисленных читателей к национальным культурам советских народов, в частности — к грузинской литературе.

Наши беседы в редакции «Юманите» касались главным образом вопросов современной литературы и искусства, а также той борьбы, которую прогрессивные мастера французской культуры ведут против современных разновидностей декадентского искусства. И это были не отвлеченные теоретические рассуждения. Мы поделились с нашими французскими коллегами тем впечатлением, которое произвели на нас образцы абстрактной живописи на выставке современного французского искусства. Странные комбинации раскрашенных кусков металла и картона, какие-то бездушные механические изделия, представленные здесь с претензией на последнее достижение искусства, поражают своей бессмысленностью, бессодержательностью, аморфностью. Это впечатление усугублялось тем обстоятельством, что знакомству с «творчеством» абстракционистов предшествовал осмотр собраний в Лувре шедевров мирового искусства и неувядаемых творений французских импрессионистов.

Эти контрасты ощущались так же резко, как и бросавшиеся в глаза глубокие противоречия в социальной жизни страны, о которых упоминалось выше.

Нам, советским людям, хорошо известно, что в буржуазном обществе все, даже талант, творчество, искусство, подвластно магии золота, превращено в предмет ничем

неприкрытой торговли. И все же, несмотря на то, что это не было для нас неожиданностью, мы были потрясены, когда увидели на площади Монмартр несколько десятков художников, которые с утра до ночи ждут и завлекают покупателей, чтобы сбыть свои работы или тут же за гроши сделать портрет прохожего.

Поистине отвратительное впечатление производит «искусство» актрис ночных кабаре и варьете. Ценность их «работы» определяется тем, насколько обнаженными предстанут эти «актрисы» перед подвыпившими клиентами, чтобы возбудить сексуальные инстинкты отупевших и извращенных богатством дельцов.

В Париже много привлекательного, много такого, что неизменно приводит в восторг, но столько же отгаличивающего, вызывающего глубокое возмущение.

Ходишь по этому великому, прекраснейшему в мире городу и тебя неотступно преследуют замечательные стихи выдающихся поэтов нашей революции Владимира Маяковского и Галактиона Табидзе, в которых с гениальной прозорливостью и глубиной отразилось восприятие двух Парижей: города славных революционных и патристических традиций, неуявляемых памятников искусства, бессмертных писателей и мастеров искусства, самоотверженных борцов за высокие человеческие идеалы и в то же время города бездельников, пустых франтов и туеядцев, грабителей и эксплуататоров, погрязших в болоте аморализма.

Но все это — тема долгой и пространный беседы. Здесь же речь пойдет, как уже говорилось, о более узком и конкретном предмете: о встречах с грузинами — жителями Парижа.

ВСТРЕЧИ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

В Париже живет приблизительно тысяча грузин. Эту цифру назвал нам председатель грузинской парижской общины Леван Зурабишвили. Он сын писателя Ивана Зурабишвили, скончавшегося в Париже в 1940 году, и внук Нико Николадзе. По образованию Леван — горный инженер, работает инженером на одном из крупных автомобильных заводов Парижа. Он производит впечатление образованного, умного человека; так как Л. Зурабишвили не принадлежит ни к одной из политических партий, соотечественники сочли самой подходящей его кандидатуру на пост председателя грузинской общины.

Определенную часть грузин, живущих в Париже, составляют политические эмигранты, которые после победы Советской власти в Грузии последовали за перекочевавшим за границу меньшевистским правительством и в течение ряда лет активно боролись против нашей страны.

Они не приняли французского гражданства и не позаботились о приобретении ка-

кой-либо специальности, так как надеялись вскоре вернуться на родину. Поэтому они не на какую важную государственную службу не принимают, и они вынуждены работать водителями такси, изготовлять и продавать мадони или служить в мелких лавках и магазинах. Их материальное положение незавидно. Но особенно остро и болезненно они переживают оторванность от родины, разлуку с близкими и родственниками, свое так на долго затянувшееся неопределенное и бесперспективное положение.

Среди проживающих в Париже грузин есть и такие, которые эмигрировали за границу в разное время и при различных обстоятельствах. Некоторые и вовсе без обстоятельной причины. Так, Аристо Гвелесиани из села Ргани Чиатурского района, которого мы повстречали в Авиньоне, увлеченный в детстве приключениями, последовал примеру одного своего одноклассника, сбежал от родителей и так попал во Францию. Сейчас у Аристо маленькое производство мадони в Авиньоне, собственный дом и несколько автомашин, но все это он с большой радостью и без сожаления готов отдать за одну встречу с родиной, с оставшимися здесь близкими и родственниками.

Большинство грузин, которые живут сейчас в Париже, молодежь; она родилась и выросла во Франции за эти более чем 40 лет. Эти молодые люди — граждане Франции. Многие из них получили специальное образование в высших учебных заведениях Франции; они работают врачами, архитекторами, инженерами, геологами, агрономами и т. д. Большая часть из них хорошо владеет грузинским языком. Исключение составляют лишь те, у кого мать — не грузинка.

Мы встретились и беседовали с несколькими такими молодыми людьми. Они проявляют большой интерес к родине, остро переживают незнание родного языка, оторванность от национальной культуры и горячо мечтают восполнить эти пробелы в своей жизни.

Среди грузинской молодежи в Париже много талантливых, образованных, интеллигентных людей, замечательных специалистов как в области гуманитарных, так и технических наук; все они трезво оценивают современное международное положение, соотношение сил на мировой арене, тенденции и перспективы развития человечества на данном этапе.

Безусловно, большинство из них рано или поздно найдет на родине поприще для применения своих знаний и способностей и внесет значительный вклад в развитие народного хозяйства и культурной жизни нашей страны.

Однако нельзя обойти молчанием и тот факт, что в единичных случаях представители этой молодежи используются врагами Советского Союза для реакционных выпадов против него.

Наши встречи с соотечественниками в Париже подчас носили частный, личный характер, иногда же были более «массовыми», «коллективными». Мы побывали также и в семьях некоторых из них, где нас принимали с истинно грузинским радушием и гостеприимством.

О нашем приезде во Францию грузины узнали на следующий же день, во время богослужения в грузинской церкви. Эта маленькая церковь — единственное место встреч грузин, живущих в Париже. Больше им собираться негде. Поэтому их приводит сюда по воскресеньям не столько желание послушать богослужение, сколько стремление повидать друг друга, поговорить, а иногда даже и устроить в церковном дворике собрания по различным вопросам политического и общественного порядка.

Весть о том, что в Париж приехала большая группа грузинских писателей, естественно, возбудила живой интерес у наших парижских соотечественников. Ведь это был первый случай такого коллективного посещения Франции грузинскими писателями. Этот интерес усугублялся и тем обстоятельством, что мы не избегали встреч и бесед с ними, а, напротив, готовы были дать им широкую информацию об экономической и культурной жизни современной Грузии, рассказать об их родственниках, знакомых и друзьях, оставшихся на родине, ответить на любой интересующий их вопрос.

И вот в воскресенье вечером вестись нашей маленькой гостиницы заполнили пришедшие на встречу с нами местные грузины. Некоторые из них были личными знакомыми кого-либо из нас, бывшими одноклассниками, однокурсниками, соседями или товарищами, которых мы уже более сорока лет не видели и о которых ничего не знали.

Мы предложили гостям специально привезенные для них экземпляры «Витязя в тигровой шкуре», «Дэда зна», книги грузинских классиков и современных писателей, фотоальбомы, воспроизводящие природу Грузии и ее сегодняшнюю жизнь, пластинки с записью грузинских песен, как народных, так и академических.

На этой импровизированной встрече Карло Каладзе и Иосиф Нонешвили прочитали свои стихи, а Гиви Гачечиладзе — несколько образцов патриотической лирики Лядо Асатиани.

С искренним волнением слушали наши гости эти стихи, оживлявшие в их сознании облик далекой родины, сегодняшний быт Грузии, думы и чувства грузинского народа, его духовную жизнь.

Нам радостно было видеть на глазах соотечественников слезы, вызванные чтением этих стихов, слезы радости или раскаяния, свидетельствующие о нескрываемой и страстной жажде увидеть родину.

В ответ на выступления Шота Дзидзигу-

ри и автора этих строк Виктор Нозадзе отметил, что грузины, живущие на чужбине с неустанным вниманием следят за жизнью Советской Грузии, за развитием грузинской литературы, искусства, науки, и поэтому такая непосредственная встреча с грузинскими писателями, обмен мнением с ними, для них очень интересны и полезны.

Эта теплая встреча продолжалась затем в знаменитом кафе Ротонда, куда нас пригласили наши соотечественники. Беседа велась вокруг современного положения грузинской литературы, театра, кинематографии, живописи, музыки, работы культурных учреждений, издательств, редакций газет и журналов; нас спрашивали также о родственниках, друзьях и знакомых, оставшихся на родине.

Поздно ночью нас повели осматривать ночной Париж со всем, что свойственно этому удивительному городу с его поразительными контрастами.

Во время этого путешествия по ночному Парижу Георгий Нозадзе показал мне около величайшей достопримечательности Парижа — Парижского пантеона — стену, на которой во время своего пребывания здесь до первой мировой войны Паоло Яшвили сделал надпись по-грузински: «Да здравствует свободная Грузия!» Эта надпись продержалась под дождями и ветрами почти более полувека. Сейчас она уже с трудом различима.

И в последующие дни почти все свободное от туристической программы время мы проводили в кругу наших соотечественников. Они продолжали водить нас по окраинам Парижа, приглашали в семьи, знакомили со своим бытом и работой.

Наконец, в последний вечер, в одном из ресторанов Союз грузинских писателей и журналистов в Париже устроил в честь нашего приезда встречу, на которой присутствовало около 60 грузин.

Как нам сообщили, в этом союзе объединено 300 человек — почти столько же, сколько числится в Союзе писателей Грузии.

Как я уже говорил, в Париже всего тысяча грузин, причем, определенную часть их составляют домохозяйки, дети и люди, не владеющие грузинским языком; следовательно, большая часть грузин, живущих в Париже, считает своей профессией литературу и журналистику.

Правда, среди них писателей и журналистов по призванию можно пересчитать по пальцам. Председатель этого союза — Реваз Габашвили — сын известной грузинской писательницы Екатерины Габашвили, считался видным политическим деятелем в меньшевистской Грузии; он принадлежал к самому правому крылу буржуазно-националистической национал-демократической партии. Сейчас Реваз Габашвили стар, он отошел от политической деятельности и занят преимущественно разработкой вопросов мирового значения грузинской культуры.

На нашей встрече он не присутствовал. Вместо него нас принимали его заместители — поэт Георгий Кипиани и Леван Зурабишвили, о котором мы уже говорили выше.

Эта встреча вылилась в задушевную, весьма содержательную полезную беседу о современном положении и будущем грузинского народа, состояния грузинской литературы, искусства и науки. Высокими патриотическими чувствами были пронизаны тосты, произнесенные на ней, и стихи, прочитанные как нашими поэтами, так и поэтами наших соотечественников, живущих в Париже. В их стихах звучала жгучая тоска и сердечная боль по родине.

Далеко за полночь эта встреча закончилась сердечным прощанием, пожеланием вновь встретиться, передачей друг другу памятных подарков. Некоторые из участников вечера провозжали нас на аэродром. Среди них был Шота Абашидзе (из села Чала Сачхерского района), который обучает наших танцам грузинскую молодежь Парижа. Братья Кобахидзе рассказали нам, что после обучения у Шота Абашидзе они гастролировали во многих городах Европы и везде имели большой успех.

Наши встречи с соотечественниками, живущими в Париже, проходили в атмосфере сердечности, доброжелательности и взаимного уважения. В них не было ничего не только враждебного и антагонистического, но даже полемического. Чувствовалось, что за последние годы в мыслях и настроениях большинства из них произошли серьезные сдвиги и изменения.

С уверенностью можно сказать, что сегодня в Париже по существу уже нет грузинской политической эмиграции. Из главарей грузинского меньшевизма и других антисоветских политических партий почти никого уже нет в живых.

Обманутые в своих надеждах и отчаявшиеся, они преданы земле на чужбине.

В живых остались всего два-три члена грузинского меньшевистского правительства, но у них нет больше ни энергии и сил, ни влияния и авторитета для активной политической деятельности.

Номинально в Париже существуют организации меньшевиков, федералистов и национал-демократов. Каждая из них раз или два в год издает свой маленький журнал или брошюру, число читателей которых ограничивается несколькими десятками человек. Мы беседовали с некоторыми из тех, кто по инерции еще цепляется за политику непримирения с Советским Союзом. Но встречи с этими людьми показали, что они не верят в обоснованность и реальность своих позиций и поэтому никого не могут ни убедить, ни повести за собой.

Абсолютное большинство проживающих в Париже грузин, за редким исключением, вконец протрезвело и излечилось от реставраторских иллюзий, ложных реакционных политических идеалов; они не только равнодушны к деятельности антисоветских по-

литических партий, но и далеки от этой деятельности.

Деятельность многих грузин в Париже устремлена сейчас к различным областям науки, литературы и искусства, к области культурно-творческой.

По интересным статьям искусствоведа Гульиары Джапаридзе наша общественность уже имеет представление о творческой работе группы парижских художников-грузин.

Успешно трудятся в столице Франции также молодые грузинские мастера музыкального искусства и хореографии. Там пишутся и публикуются исследования по грузинскому языкознанию, истории, истории права и по другим областям науки.

Особого внимания достойно издание в Париже грузиноведческого журнала «Беди Картлиса». Его редактор Каллистрат Салия и его супруга Нино Салия, являющаяся одним из инициаторов основания журнала, энтузиастом и организатором его издания, ведут полезную работу по пропаганде за рубежом грузинской литературы и истории.

За последние годы этот журнал целиком приобрел научно-исследовательский характер; он разрабатывает и освещает проблемы истории, археологии, языкознания, искусствоведения, истории литературы Грузии.

Журнал печатается на английском, французском и немецком языках и пользуется определенным авторитетом и популярностью в кругах европейской ориенталистов.

Он издается сейчас с помощью национального научно-исследовательского центра Франции, и уже это свидетельствует о серьезной научной ценности и значении данного издания.

«Беди Картлиса» собирает вокруг себя видных зарубежных ученых грузиноведов: Асфальга, Гарита, Лафона, Стивенсиона, Фогта, Ланга и других, которые являются основными сотрудниками журнала, входят в его редакционный совет.

Журнал перепечатывает труды известных грузинских ученых, помещенные в различных органах печати Академии наук Грузинской ССР. Контакт журнала с научными и литературными кругами Советской Грузии постепенно углубляется и расширяется. Именно на этом пути тесного сотрудничества видных европейских ориенталистов и грузинских ученых это полезное издание сможет внести значительный вклад в развитие грузинской науки, пропаганды грузинской культуры на мировой арене.

Чтобы получить представление о характере и интересах журнала, служащего теперь уже исключительно научно-грузиноведческим целям, достаточно ознакомиться, например, с его 45-46 номером за 1964 год. Сейчас задача этого органа печати заключается в еще большем расширении круга своих сотрудников, ученых-исследователей, увеличении его тиража и периодичности, повышении авторитета и популярности у

зарубежной интеллигенции. Основным условием выполнения этих требований является полный и окончательный отказ журнала от той ложной антисоветской политической ориентации, которая когда-то была характерной для него.

Нашей научной и литературной обществу хорошо известна та большая исследовательская работа, которую ведет в области руствелологии Виктор Нозадзе. В прошлом году он опубликовал пятый том своего капитального труда, в котором исследует религиозно-философское содержание бессмертного творения Руставели, его мировоззрение.

Так же, как и в ранее опубликованных четырех томах, в которых рассмотрены вопросы мировоззрения, эстетики и поэтики «Витязя в тигровой шкуре», и в этой пятой книге много спорного, дискуссионного, и надо полагать, в нашей руствелологической литературе этот труд найдет соответствующий отклик. Но каким бы он ни был, тот факт, что В. Нозадзе вносит ценный вклад в дело всестороннего изучения и освещения высочайшего творения грузинского поэтического гения, не подлежит сомнению. Тем более, что В. Нозадзе превратил этот труд в главную цель своей жизни, которой служит исключительно самозабвенно и бескорыстно. Он не только не ждет какого-либо материального вознаграждения за этот огромный научно-исследовательский труд, но и собственноручно набирает, печатает и переплетает толстые тома иностранного исследования, сам заботится о приобретении шрифтов и бумаги, о распространении издания, круг читателей которого, а следовательно, и тираж весьма ограничен и малочислен.

Кроме этого В. Нозадзе издает альманах «Кавкасиони», в котором публикует литературно-художественные произведения, мемуары, статьи, различного характера документы, рецензии грузин, проживающих за рубежом.

Издание этого альманаха, прекращенное на длительное время, возобновлено совсем недавно. В прошлом году вышел его девятый номер. Большинство стихотворений, помещенных в нем, с профессиональной точки зрения скорее литературная самодеятельность любителей поэзии, чем творчество истинных поэтов.

По поэтическому мастерству наиболее благоприятное впечатление производят стихи Георгия Гамкрелидзе, Георгия Кипиани и Евтихия Абуладзе. Георгий Гамкрелидзе до эмиграции публиковал свои стихи под псевдонимом Григола Зодели и в годы становления грузинской советской литературы пользовался у нас репутацией одного из талантливых молодых поэтов.

Нынешние его стихи выполнены на уровне поэтического мастерства, присущего автору еще в начале двадцатых годов.

Основное содержание поэтической продукции «Кавкасиони» составляет грусть, выз-

ванная оторванностью от родной земли, и овеянная тоской мечта вновь увидеть родные края. Отсюда однообразие тематики и настроения, однотонность поэтической палитры.

Из художественной прозы в альманахе привлекает внимание рассказ Степана Касрадзе «Баджадо», чтение которого вызывает искреннее сожаление о бессмысленно погубленных творческих возможностях этого безусловно талантливого писателя. В двадцатые годы Степан Касрадзе сотрудничал в литературной прессе Советской Грузии, и его рассказы находили отклик у нашего читателя. Но затем, поддавшись ложному соблазну, он сделал роковой шаг и покинул родину. За рубежом С. Касрадзе пытался продолжать литературную деятельность, но, оторванный от родной почвы, не смог создать ничего сколько-нибудь отвечающего требованиям современной литературы.

Да, для истинно художественного творчества необходима непосредственная связь с родной землей, с жизнью своего народа; необходим творческий полет, который рождается только на основе высоких идейных устремлений, ясных и реальных идеалов. А как раз всего этого и недостает авторам «Кавкасиони», и потому в их творчестве не ощущается подлинного творческого горения, потому большинство их произведений лишено значительных художественных достоинств.

Среди материалов, опубликованных в упомянутом номере «Кавкасиони», особого внимания и одобрения заслуживает пространный очерк Георгия Нозадзе «Иверский монастырь в Афоне».

Автор его специально ездил в Грецию, чтобы досконально осмотреть Иверский монастырь, а затем с глубоким знанием дела всесторонне описать этот один из замечательных очагов древней грузинской культуры.

Очерк написан с тонким вкусом, прекрасным литературным языком. Эта работа достойна напечатания в любом солидном литературном издании. Ее большое достоинство — в отсутствии даже тени мелкого политиканства, той бессмысленной и бесплодной демагогии, которая часто встречается на страницах «Кавкасиони». Изжившие себя дешёвые и бессмысленные антисоветские выпады в некоторых критических статьях, стихах, некрологах и другого рода материалах, напечатанных в «Кавкасиони», сильно снижают литературную ценность этого издания, не могут скрыть творческой немощи авторов этих произведений.

Культурная деятельность грузин, живущих в Париже, страдает одним серьезным недостатком. Они или не попытались, или не смогли установить связи с научными и литературными кругами Франции с целью добиться содействия в популяризации в Европе достижений грузинской культуры

как прошлого, так и настоящего, а также в переводе их на французский язык. Сосредоточив свои усилия в этом направлении, наши французские соотечественники смогут принести большую пользу грузинской культуре.

90 ПИСЕМ АКАКИЯ ЦЕРЕТЕЛИ

Как только мы приехали в Париж, от Георгия Нозадзе я узнал, что здесь, в одной грузинской семье хранится неизвестная до сих пор коллекция писем Акакия Церетели к жене и сыну. В 1943 году во Франции скончался сын Акакия — Алексей, в личном архиве которого сохранились письма, написанные поэтом на русском языке. Их около 90.

Это сообщение нас, конечно, очень заинтересовало. Каким бы ни было содержание этих писем, столь большое количество документов о нашем великом национальном поэте мы должны признать драгоценным историко-литературным кладом, редкой реликвией. Мы попросили Георгия Нозадзе выяснить, можно ли снять копии с этих писем, чтобы иметь возможность опубликовать их на родине, где они должны занять достойное место в литературном наследии великого поэта, и тем самым сделать их доступными как для специалистов-исследователей, так и для широкого читателя.

Вечером накануне отъезда из Франции на родину меня пригласил в свою маленькую бакалейную лавку Валико Чубинидзе, которого я знал в детстве как своего односельчанина. Он был рабочим-шахтером в чигатурской марганцевой промышленности, членом меньшевистской партии и во время меньшевистского режима служил в так называемой «народной гвардии». После установления Советской власти в Грузии и эмиграции меньшевистского правительства Валико Чубинидзе одно время участвовал в нелегальной работе, направленной против молодой Советской республики. В 1924 году, после поражения августовской антисоветской авантюры, он бежал за границу и присоединился к меньшевистской эмиграции в Париже.

Узнав о моем приезде в Париж, Валико Чубинидзе пожелал встретиться со мной, чтобы поговорить о сегодняшнем дне нашей деревни, о своих родственниках и близких, о наших общих знакомых.

У В. Чубинидзе было еще двое грузин, которые попросили меня и Этери Гугушвили пройти в ближайшее кафе, где, по их словам, нас ждали по поводу весьма важного дела. В кафе, действительно, оказалось несколько грузин. Среди них был и Михаил Стура. Новые знакомые грузины заявили мне, что они были заинтересованы в том, чтобы Грузия не лишилась столь значительного вклада в историю грузинской литературы. Они давно уже помышляли отослать письма на родину, но

ждали подходящего случая, надежного человека. И вот сейчас они вручили мне эти письма, чтобы я отвез их на родину и передал соответствующему литературному или научному учреждению, где эти рукописи должны занять достойное место среди первоисточников по истории грузинской классической литературы. Я искренне поблагодарил хозяев за такое доверие, за то, что они бережно сохранили это наследие великого поэта.

Дав соответствующую расписку, я принял этот драгоценный дар. В ходе нашей беседы, между прочим, выяснилось, что в грузинских семьях, живущих во Франции, хранится много таких письменных документов и уникальных предметов, которые имеют большое значение для истории культуры грузинского народа. В связи с этим было высказано пожелание найти подходящие пути и средства для возвращения родине подобных исторических ценностей.

Всю ночь напролет накануне отъезда из Франции я с нетерпением и напряженным вниманием читал эти письма, написанные рукой нашего любимого национального поэта.

В его эпистолярном наследии эта коллекция писем займет совершенно особое и весьма значительное место, так как дополняет и обогащает наше представление об истории жизни Акакия Церетели, о его душевном состоянии в последний период жизни и в особенности о его семейном положении, о взаимоотношениях с женой и единственным сыном, о которых мы до сегодняшнего дня почти ничего не знали и которые, видимо, сильно влияли на душевное состояние поэта.

Характерно, что в девяти десятках писем, адресованных жене и сыну, преимущественно речь идет о личных, семейных отношениях и лишь изредка мелькают упоминания о тех или иных общественных явлениях.

Видно, это вызвано тем обстоятельством, что жена и сын великого поэта были далеки от его общественной деятельности, творческой жизни, от вдохновлявших его идеалов, высоких патриотических и гуманистических идей, которым без остатка посвятил свою жизнь и титанический талант Акакий Церетели.

Уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы понять всю глубину и остроту трагедии, которую пережил великий поэт в личной жизни. Он был лишен возможности поделиться своими самыми сокровенными мыслями с ближайшими людьми — женой и сыном.

Поэтому в его письмах мало сведений, которые могли бы дополнить наши представления о мировоззрении великого поэта, о характере, смысле и содержании его творчества и многогранной общественной деятельности. И все же даже с этой точки зрения в письмах можно вычитать кое-что, имеющее большое значение и привле-

жающее внимание. Весьма знаменательны, например, строки, где с гневом и искренним возмущением поэт рассказывает своим адресатам об адской вакханалии, учиненной в нашей стране в годы реакции кровавыми сатрапами царизма.

Подобные строки перекликаются с написанными в годы реакции произведениями А. Церетели, в которых он разоблачает кровавый разгул царизма.

В этих письмах внимание заслуживает также признание поэта о том, что он остался доволен своим юбилеем. В ответ на царскую реакцию, на убийство врагами грузинского народа Ильи Чавчавадзе борющаяся за свою жизнь и свободу Грузия с подчеркнутым великолепием и торжеством отпраздновала в 1908 году пятидесятилетие творческой деятельности своего великого национального поэта Акакия Церетели. Это был акт смотра и демонстрации боевых сил непокоренной и не сдавшейся Грузии. Очевидно, поэту и сообщается жене и сыну подробности о подготовке и проведении юбилея.

Определенный интерес представляют и те письма, которые дают возможность судить о чертах характера поэта, о том, как тяжело ему было даже на короткое время покинуть родину, расстаться со своим народом.

Как уже отмечалось выше, новая коллекция писем Акакия Церетели не дает богатого материала для характеристики мировоззрения и общественных идеалов поэта, для описания эпохи, в которую он жил и творил, но это не умаляет их историко-литературной ценности и значения, так как они приподнимают завесу над той областью жизни и духовной биографии поэта, которая до сих пор была мало освещена и недостаточно известна нам.

Это — личная, семейная жизнь поэта, его взаимоотношения с женой и сыном и возникшие на этой почве настроения, безусловно влиявшие на его духовную жизнь и, следовательно, на характер его творчества и деятельности.

По сравнению с другими классиками грузинской литературы творческая биография и личная жизнь Акакия Церетели изучены наиболее подробно и всесторонне. Достаточно назвать, например, замечательную книгу Левана Асатиани «Жизнь Акакия Церетели», равной которой с этой точки зрения не написано ни об одном грузинском писателе. Но и в этом, во всех отношениях замечательном труде, в котором нашел отображение большой и насыщенный жизненный путь поэта, мало внимания уделено личной жизни Акакия Церетели, его взаимоотношениям с женой и сыном. Лучший биограф поэта вынужден был довольствоваться лишь теми сведениями об этой стороне жизни А. Церетели, которые содержатся в его неувдаемом автобиографическом произведе-

нии «Пережитое». И сейчас, после того, как найдена новая коллекция писем А. Церетели, перед нами впервые с достаточной полнотой предстала эта сторона жизни поэта, пронизанная глубоким драматизмом, волнующими переживаниями, жгучей душевной болью, что и было, как выясняется сейчас, причиной того «личного несчастья», той тоски и неудовлетворенности, которые с глубочайшей эмоциональной силой выражены в целом ряде лирических шедевров Акакия Церетели.

Кто мне будет от муки защитой
И подаст руку помощи братскую?
В розах скрыта змея ядовитая,
Жель в шербите моем, зелье адское
И кощунство в устах, речи бранные.

Перевод Б. Пастернака

Сейчас, после ознакомления с письмами к жене и сыну, для нас становится ясным, что одной из причин душевной боли, которую в течение всей своей жизни, и без того омраченной национальной и социальной порабощенностью родного народа, испытывал поэт, являлась нескладная личная жизнь, повлекшая за собой постоянное одиночество, бесприютность, материальные недостатки, бесконечные волнения и неприятности.

Между тем, как явствует из этих писем, Акакий искренне любил жену и сына. Все его письма заканчиваются словами, выражающими самые нежные чувства поэта к ним: «Целую вас, Акакий», «Всегда любящий вас Акакий», «Ваш до гроба» и т. д.

На протяжении всей жизни поэт был очарован человеческими достоинствами жены, высоко ценил способности своего сына, его образованность, творческие возможности и энергию, и к обоим испытывал чувство искренней любви и доброжелательности. И тем острее переживал он постоянную разлуку с ними.

Как видно, жена и сын не разделяли больших общественных идеалов поэта, его высоких творческих устремлений, не понимали исторического смысла и значения его неукротимой патриотической борьбы.

Воспитанная в Петербурге, в богатой семье, Наталья Базилевская не хотела жить в Грузии. Она не смогла полюбить страну и народ, к которому с такой самоотверженной любовью относился Акакий Церетели — пылкий патриот, неукротимый борец за свободу и счастье родины. Жену постоянно тянуло в Петербург, за границу. И Алексей — единственный сын Акакия, также как и его мать, был равнодушен к Грузии. Талантливый и образованный молодой человек, он был увлечен музыкально-театральной антрепризой, требовавшей постоянных разъездов по разным городам и странам, всегда связанной с большими расхо-

дами, риском, со множеством неожиданностей и опасностей.

Мать и сын жили то в Петербурге, то в Киеве, то в Харькове и других городах Российской империи, то в Париже, Ницце, Берлине, Милане.

Антреприза Алексея в большинстве случаев заканчивалась провалом, обманутыми надеждами и убытком; поэтому то мать с сыном пребывали в постоянной нужде, и то и дело требовали денег у Акакия. Более того, часто Алексей из-за краха своих фантастических планов имел большие долги, и люди, которым он был должен, претендовали на имущество Акакия Церетели.

Поэт был постоянно притеснен, взбодражен, обеспокоен положением жены и сына, которых не только всегда старался обеспечить, но и уплатить долги Алексея. Какие-то иноземные авантюристы грозили Акакию продажей его дома и имения.

Измученный всем этим, он ищет выход из положения то в марганцевом производстве, в продаже и отдаче руды в залог; то в приобретении и сбыте лесоматериала или в открытии и эксплуатации новых минеральных источников; то в оборудовании крупного завода и т. п.

Но он был рожден для иного — для творчества, для борьбы во имя высоких идеалов, и поэтому его коммерческие начинания в большинстве случаев оказывались несостоятельными. Ловкие и опытные дельцы без труда обманывали поэта. Не оправдали себя и надежды на эффективную материальную помощь от дворянского банка и совета промышленников марганца.

Малых доходов от имения и литературных гонораров еле хватало, чтобы поддерживать существование жены и сына; сам же Акакий жил в постоянной нужде.

Невозможно без волнения читать те строки из писем к жене и сыну, из которых выясняется, что поэт, окруженный любовью народа и ореолом славы, часто вынужден довольствоваться хлебом и колбасой, что он начинает работать в редакции газеты, чтобы иметь заработка, которого еле хватает на кусок хлеба.

Акакий не имеет в городе постоянной квартиры, а постоянно жить в деревне, в отцовском доме, в именин Схвители поэт не мог, так как деятельность вождя и знаменосца национально-освободительной борьбы грузинского народа, поборника нашей национальной культуры и литературы, соратника Ильи Чавчавадзе требовали, чтобы он находился в центре общественной жизни, в гуще событий. Поэт жил в гостиницах Тбилиси и Кутанси, или же как гость у знакомых и друзей.

Более полувека наш великий национальный поэт жил беспокойно и напряженно, бесприютно и одиноко. А ведь его насыщенная творческая жизнь и общественная деятельность тоже были полны трудностей, препятствий, гонений, волнующих и острых переживаний.

«Нет страшнее наказания божьего, как быть на старости бедным! До сих пор все еще сижу в гостинице «Ветцель» как арестант и выслушиваю неприятности, а долги растут».

Так начинается одно из писем Акакия Церетели к жене и сыну.

В преклонном возрасте, утомленный и обесиленный поэт напрасно мечтает о близости с женой и сыном, о совместной жизни с ними. Он умоляет их приехать в Грузию, погостить в Схвители, в его любимом «Мон-репо», уговаривает сына изучить грузинский язык, бросить «бутафорные» увлечения, приехать на родину, поддержать престарелого отца, посвятить свои способности и энергию служению родной стране.

«Все мое стремление и цель заключаются в том, чтобы хоть на старости лет осуществить свой идеал: жить в своей семье, восторгаться своею идеальной Наташей (которая сама себе не знает цены и вследствие нервов часто урождает себя), чувствовать себя возле Лели¹ и радоваться его радости и проч.

Не будь этой цели я бы давно покончил с собою», — пишет поэт в одном из писем. В другом он так обращается к жене и сыну: «Уже начинаю скучать без родной семьи. Так и тянет к вам».

Однажды сын попытался написать отцу по-грузински. Вот что пишет Акакий ему в ответ:

«Твое грузинское письмо очень обрадовало меня! В твоей способности и энергии я никогда не сомневался, и потому-то и больно, что их тратишь ты зря, а не около меня, когда в том 100 раз больше пользы было бы и мы не страдали бы так много».

Чтобы охарактеризовать горячую любовь поэта к жене и сыну, достаточно написать несколько строк из его письма к ним:

«Видит бог, что мне лично все надоело! Даже родные интересы не так часто волнуют мне сердце! И я с удовольствием покончил бы с собою, если бы не вы... Вам только одним принадлежит все мое существование и вами только полны у меня и голова и сердце!..»

В другом письме к тому же адресату поэт говорит:

«Если бы ты знала, как мне грустно без вас? Как никогда... Когда вблизи был, легче было... А вдали и не знаю, как себя успокоить. Ох, как тянется моя жизнь в вечной разлуке. До сих пор, по крайней мере, я мечтал, что когда все устрою, бог даст, тогда наконец заживем вместе. Но, увы, теперь и эта мечта улетела. Знаю, что я не создан для личного счастья! И по-стараясь, по крайней мере, сделать вас

¹ Так А. Церетели называл своего сына Алексея.

счастливыми, надеюсь на бога. Но вы... вы-то не терзайте себя, в ожидании хорошего будущего».

Свои чувства после разлуки с женой, недолго гостившей в Грузии, Акакий так выразил в одном из писем:

«День твоего отъезда был для меня одним из мучительнейших дней в моей жизни: прежде всего не дали второпях проститься с тобою, чуть ли не со слезами на глазах я вернулся домой... Когда я вернулся на ночь домой и не было уже другой кровати — пустота! — чуть не помешался!...»

В одном из писем к жене он так характеризует сына:

«Для своих лет он более чем удачен! А главное, что в нем замечаются все данные, чтоб с каждым днем усовершенствоваться, в чем и заключается цель жизни каждого разумного существа! Мне он нравится не как отцу, но как строгому судье, а это много».

Поэт постоянно заботится о благополучии жены и сына, старается не дать почувствовать им недостатка в средствах к существованию, успокаивает, обнадеживает Алексея, дает ему полезные советы и ничего не жалеет для того, чтобы выволить сына из долговых обязательств.

Он беспокоится, когда вести от жены и сына запаздывают, умоляет их писать часто и сам немедленно отвечает на их письма.

В довольно богатом эпистолярном наследии Акакия Церетели письма помечены только месяцем и числом, год не отмечен. К сожалению, так же датированы и письма, привезенные из Парижа. Поэтому часто трудно установить, в каком году написано и отправлено то или иное письмо. Установить это можно только по его содержанию. Так, основываясь на анализе писем, можно предположить, что большинство из них написано приблизительно в течение трех лет. Это дает основание сделать заключение, что поэт вел довольно интенсивную переписку с женой и сыном. Вся эта корреспонденция пронизана нежной любовью Акакия к жене и сыну, неустанной заботой о них.

«Вы не можете себе представить, как я без вас здесь страдаю. Кажется, я начинаю с ума сходить. Наташа мне мерещится днем и ночью. К праздникам непременно я буду у вас, не живой, так мертвый», — пишет Акакий сыну.

К сожалению, в отношении жены и сына к нему нет той же любви и заботы. Они только требовали от него денег, обязывали содержать семью родственников Натальи, выплачивать колоссальные долги сына; если же Акакий вовремя не успевал удовлетворять эти претензии, на больного и обессиленного старика обрушивались упреки и обиды. В одном из писем Акакий так обращается к жене:

«Твои письма до того довели меня, что каждый раз при их получении со мною начинаются конвульсии. Прошлый раз чуть не погиб благодаря тебе и теперь чуть то же самое не повторилось!.. Припоминаешь мои юношеские промахи, невольные, а своих собственных, даже умышленных, ни во что не ставишь, и изводишь меня упреками!.. «Не сердись, пожалуйста, но ты такой-сякой», говоришь мне через каждую строчку и не хочешь понять, что это все несправедливые и горькие пылочки. По натуре ты добра, но в сущности делаешь зло, и все это происходит от того, что твое сердце не лежит ко мне, а без сердца, при одной только голове, женщины вообще всегда эгоистки. Эх! Что много распространяться!.. Я чувствую, что как для всех вообще, так и для вас как человек и друг лишний я! Знаю это и потому нечего мне дальше распространяться. Помогать вам буду настолько, насколько сил моих хватит! Для этого не нужно мне ваших попреков, а там что бог даст».

В другом письме поэт еще более взволнованно выражает свою острую душевную боль:

«Если бы вы знали, в каком я удрученном состоянии нахожусь как физически, так и морально, то не упрекали бы меня и не делали обидных для моего самолюбия предположений. Вам нехорошо живется, но посмотрели бы, как мне-то живется?! Брошенный всеми, даже семьею, и окруженный вечно фарисеями и хищниками. В ожидании горькой смерти... Так мне хочется последние дни провести с вами на старости лет, что готов все бросить здесь и ударить к вам. Каждый лишний день, что я остаюсь здесь, целая вечность мучений для меня... Из газеты узнаю об успехах Лели театральных. Очень рад. Дай бог хоть ему не страдать по наследству. Целую тебя, друг мой, как 30 лет тому назад, горячо, искренне и свято».

Сколько в его словах нежности, искренних чувств, и в то же время сколько горечи и страдания. Вся коллекция писем проникнута этой болью неизлечимых душевных ран. Каждое письмо — это свидетельство тяжелой личной жизни поэта, мучительных и горьких переживаний, которые он испытывал в последние годы жизни. А ведь в это время он был уже признанным поэтом грузинского народа, его любимым Орфеем, выразителем его дум и чаяний.

Надо полагать, что именно глубокое понимание своего высокого призвания, бескорыстное служение народу и давали ему силы, чтобы пережить ту поистине человеческую трагедию, в которую вылились взаимоотношения поэта с женой и сыном. Вопреки своей тяжелой участи, поэт до конца дней сохранил удивительную бодрость духа и стойкость.

Когда читаешь эти письма великого поэта, невольно проникаешься еще боль

шей любовью и уважением к человеку, который, словно Прометей, залечивал раны личной жизни, заглушал в сердце остроту личного горя, преграждая ему путь к своему поэтическому творчеству, к сфере своей общественной деятельности.

«Я прошел дороги жизни далеко за полпути. Не с весельем, а с невзгодой мне пришлось вдвоем идти.

Хоть со мною неразлучны были горе и беда, Но не плакал, не клонился, а смеялся я всегда.

Даже горе мне вполгоря, коли только для меня, Недостойн жизни этой, кто животного ровня.

О своих болячках разве может помнить человек, Если знает, что любимой богом дан недолгий век.

Мы-то хорошо знаем, кого и что подразумевал поэт под умирающей любимой. Это была его порабощенная родина, заключенная под девятью замками, погружен-

ная в летаргический сон, но стойкая и бессмертная, как Амирани.

Борьбе за освобождение, пробуждение и процветание возлюбленной родины посвятил Акакий Церетели все лучшие порывы своей души, свои поистине титанические силы и талант. В этой борьбе он заглушал «личную боль» и «личное горе».

Теперь, благодаря найденным письмам, мы будем иметь полное и ясное представление о личной жизни поэта. Без сомнения, специалисты по грузинской классической литературе прошлого века, и в частности, исследователи жизни и творчества Акакия Церетели, еще глубже изучат эту новую находку из эпистолярного наследия поэта, установят достоверность каждого упомянутого в письмах лица, растолкуют суть каждого упомянутого в них явления.

Нам же остается выразить искреннее удовлетворение выпавшей на нашу долю миссией привезти на родину этот драгоценный историко-литературный клад и сердечно поблагодарить тех, кто предоставил нам эту возможность.

Письма Акакия Церетели

17/XII

Дорогие мои!

Начался мой юбилей. 7-го было в Тифлисе, 14-го в Кутансе, а потом пойдут по другим городам. Я невольник. Дай бог только выдержать. Происходит нечто небывалое, чего я описать не могу. Отчасти можно узнать из газет. Приезд мой задержится до конца января. Было бы недурно, если бы Леля приехал за мною Бога ради, помогите и вы! 300 руб. прислал уже, а 200 переводу на днях. 21-го буду в Баку, просили бакинцы.

Нет у меня времени писать вам больше.

В общем я здоров. Пусть мама не беспокоится за меня. Твой приезд на несколько дней нужен. Ты осмотришься, приготовим вместе все и к концу января поедем в Ниццу, там останемся до лета и тогда приедем все сюда.

Целую вас

Любящий Акакий

12/IV

Христос Воскресе! Дорогие мои! Пишу вам, вероятно, последний раз, так как, в конце мая, надеюсь, вы сами будете здесь, чтобы потом не разлучаться.

Отодвинул я ваш приезд вот по какой причине: май месяц самый горячий и нужный для меня. Тогда бывают банковские и дворянские собрания как в Тифлисе, так и в Кутансе и я жду от этих собраний кое-что. Мне придется разъезжать то туда, то сюда, а по окончании их в конце мая я буду совсем свободен. По приезде вашем, я познакомлю тебя с делами, которые меня и так измучили, и сам отдохну со своей Наташей. По крайней мере, материально не будем страдать... потерпите еще один месяц и все устроится с божьею помощью. Вчера вечером я приехал в Тифлис и сегодня опять еду в Батум, Поти, Хони и т. д., чтобы прочитать лекцию и деньги выслать вам. Но бога ради, непременно приезжайте!.. Дел очень много и твое присутствие необходимо. Пишу это письмо наугад. Не знаю теперь, где ты: в Ницце или в Париже? Неужели не можете обстоятельно писать? Получил твоих два письма, но ничего не понял, кроме того, что вы нуждаетесь, но это я и без вас знаю и потому хлопочу, несмотря на старость и болезнь.

До скорого свидания

Целую вас

Любящий Акакий

Дорогие мои!

Я здоров! Но поездка моя была неудачна. В Грозном обокрали меня и я до самого Тифлиса босиком приехал. Принялся за дела, о результате сообщу потом. Пока еду в Имеретию. Заговорили печатно уже о моем юбилее, который будут праздновать через 5 месяцев. Вообще насчет пенсии поговаривают, но пока в кармане не будет — ничего не могу сказать. В общем хорошо пока, и я чувствую себя здоровым. Во Франции я не могу больше жить и по приезде снова сюда буду жить на частной квартире... Какое-то вам? Я очень боюсь за вас. Одна только надежда на бога!.. Извини за короткое письмо. Целую от сердца и души вас.

Любящий вас Акакий

8/1

Дорогие мои!

Недавно вернулся из Баку, где чествовали мой юбилей, и вернулся домой столь утомленным, что дальнейший разъезд по уездам я уже отложил до лета и только 14-го буду в Батуме и это будет последний, пока вместе с вами не приеду назад, опять на родину. Надо вам сказать, что это не простой юбилей, который в один день кончается, а продолжительный праздник народный.

Приехать теперь до лета уже не имеет смысла. Это будет стоить очень дорого и без пользы, лучше я сам приеду к вам, а как быть вперед вместе обсудим. До конца января я думаю здесь остаться, а затем выехать через Москву и Петербург. Во-первых, там есть дела, а во-вторых, надо будет мне повидать и тех, которые оттуда прислали мне телеграммы. Их было из Москвы и Петербурга более 500 и отвечать им нет средств, а по дороге к вам побываю у многих из них и лично поблагодарю, это будет и дешево и мило!.. А из Петербурга попутчика найду. Как только получу я ваше письмо, выеду. Вообще я здоров и доволен своим положением — надеюсь на бога, устроюсь. Я вам обещал прислать деньги 9-го, но не удастся раньше, как после 14-го.

Целую вас. До скорого свидания.

Любящий вас Акакий

Дорогая моя Наташа!

Ваши письма так же отрадны для меня, как манна небесная и, слава богу, я их получаю. Что касается до нас лично, то очень плохо!.. Вас там беспокоят анархисты только, а здесь нас — плюс еще казаки... Кутаисская губерния опустошена!.. Горят дома, лавки и магазины разграблены и людей убивают, как мух, не разбирая правых и виноватых. Сачхери разграблена, уцелел только наш дом. Удивляюсь почему? Бог помиловал нас, вероятно, за твою доброту и твое хорошево... Лично я в скверном положении, собираюсь выехать и не могу за неимением денег. Из имения пока ни гроша, а фонд уже с сентября месяца не выдает мне ни гроша и я работаю в газете «Кавказ», но получаю столько, что едва хватает мне на хлеб и на воду и на содержание твоих, которые иначе погибли бы с голоду. Но я надеюсь, что скоро все кончится к лучшему и я увижусь с моим капризным ангелом, с Натуйкою, и обниму ее. Лелю тоже целую

Любящий вас

Акакий

25/XII

Дорогие мои! Накануне Рождества я был у Аматы и получил ваше письмо. Как видно, из нескольких вы только получили одно мое письмо!.. И то слава богу! После стольких забастовок и бойкотов не мудрено ничего не получить! Здесь такие ужасы, что не поддаются перу. В городе «военное положение» и на днях сделали уже «осадным». Нет сообщений, выхода ниоткуда, а анархисты и казаки с другой стороны производят ужасы!.. Недавно разнесли Армянский базар. Стреляли из пушек в центре города и перебили всех без разбора. Погибли невинные!.. Вчера разнесли ночью целый квартал Нахаловку и сегодня мертвые в несколько сот человек валяются на улице и хоронить их некому. Вообще стоит какому-нибудь хулигану или сумасшедшему дать где-нибудь хоть пустой выстрел, как казаки принимаются убивать мирных прохожих без разбора. Конечно, в такое время не выходишь из дому, но и дома никто не гарантирован и каждый час приходится ждать смерти. Дома обливаются керосином и так поджигаются казаками. Нет нигде ни власти, ни полиции!.. Забастовки, все закрыто, а иногда по 3—4 дня сидим без хлеба и голодаем. Ничего подобного не было в Порт-Артуре!..

Редакции закрыты. Одним словом, ужасы и вот когда с чистой совестью можно читать «Отче наш» и говорить: «Да будет воля твоя» и «Хлеб насущный даждь». Как только откроется сообщение и я деньги добуду, как-нибудь выведу, а пока целую вас.

Акакий

Дорогие мои друзья!

Кутаис всегда представлял из себя тюрьму, но теперь это нечто ужасное!. Хуже ада. Военное положение, кругом забастовки. Нет сообщений, ни телеграфа, ни писем, ни газет и нечего есть. На улице грабежи среди белого дня, убийства и ужасы. Врываються в дома хулиганы и проч. Удивляюсь, как я уцелел? Но о себе я не думаю. Беспokoит меня, что от вас не имел и не мог иметь никаких вестей. Теперь получил вашу телеграмму и опять немного успокоился!. Кое-как попал в Тифлис, но и здесь не особенно хорошо!. Хотел ехать, но говорят, что опять будет скоро забастовка и я боюсь остаться на дороге где-нибудь... Уж подожду пока возможно и все не успокоится!. Бога ради, надейтесь на бога и ждите и вы!. Надеюсь на Лелю, что он сумеет понясть время и так устроит себя. Сейчас же по приезде был у Аматы. Слава богу, живется недурно. Право ей лучше живется, чем нам всем, но тем не менее я ей оставил пять руб. по привычке. Я полагаю, что она не особенно нуждается, но привыкла вечно хныкать!. А бить на аристократизм никому не приходится, теперь такое время, что и богатым не особенно хорошо живется. О наших семейных делах расскажу вам по приезде, ибо я здесь недолго останусь. Не живется мне без моей ворчуньи. К праздникам непременно приеду.

Целую вас от души

Любящий вас

Акакий

23/VI

Милый друг, прости, что больше ста рублей не смог я тебе прислать! Со мною случилось очень крупное несчастье: в день отъезда в Кутаис вывихнул себе ногу и лежу в постели. Страшно мучительно и досадно! Ничего не могу делать, а денег масса уходит на лечение.

Вот уже 2-я неделя, как лежу, и бог знает, сколько еще придется лежать. Спасибо редакции «Квали», я там лежу и присмотр очень хороший. Хотел Леле послать 50 руб., но не знаю, где он — в Харькове или в Севастополе? Сообщи, где он? Страшный год для меня этот год! Я уже совсем начинаю терять энергию!. И если это не временное, то конец всему! Лучше умереть, чем жить без надежды и энергии... Устал..

Желаю тебе счастья

Любящий тебя Акакий

21/II

Получил, милый мой друг, твое письмо от 9-го января и мне стало немножко досадно и обидно. Видит бог, что мне лично все надоело! Даже родные интересы не так часто волнуют мне сердце! И я с удовольствием покончил бы с собою, если бы не вы... Вам только одним принадлежит все мое существование и вами только полны у меня и голова и сердце!. Что значит это вечное напоминание о деньгах? Одно из двух — или сердцу моему не доверяешь или голове? Конечно, нелюбимое существо что бы ни говорило, все равно, но друг, с которым никогда не расстаешься мысленно и образ которого вечно перед глазами, может скоро, даже одним намеком огорчить друга!..

Я так свыкся с тобою, что мне кажется, что тебе все известно: не только дела мои, но и помышления и самые сокровенные мои желания. Другие могут их не знать, но помнит! Даже лучше, что и не знали, но ты... Ты другое дело! — и вот почему твои в сущности хорошие и умные наставления и приятны мне и огорчают в одно и то же время. Скажите Леле, чтобы он обращал внимание на почерк, а то он как Ванюха пишет. Я ему сам напишу письмо. Завтра шлю письмо и Графине. О деньгах пока ничего не могу писать, потому, мой друг, что я еще не выходил и ни у кого не был. С четверга, т. е. через три дня выйду и буду у всех тех, которые мне нужны.

Бога ради, береги себя и не скучай. Будь человеком достойным самой себя. Знай, что только труд, стремление к хорошей цели могут поддержать человека и радовать его! Как мне жаль, что ты не дала мне того подарка, который я просил у тебя. Не уложила в чемодан! Милая, милая моя, скажи мне, неужели когда-нибудь

любила ты меня так, как я теперь тебя люблю?! Объясни мне, что это такое стало со мной? С ума ли я схожу, или это результат здорового ума и чувства поэта? Мне кажется, что это последнее верно.

Целую вас, мои друзья
Ваш до гроба Акакий..

26/III

Слава богу! Наконец-то я успокоился!.. День твоего отъезда был для меня одним из мучительных дней в моей жизни: прежде всего не дали второпях проститься с тобою, чуть ли не со слезами на глазах я вернулся домой и вижу на столе газету о ужасах дороги!.. Кроме того узнал, что Министр отменил на непредвиденное время банковское собрание и мне незачем было ехать в Кутанс. Семинарскую историю взвалили на меня, когда я, как сама знаешь, ни душою, ни телом не виноват. Но это все пустяки в сравнении с твоим отъездом!.. Когда я вернулся на ночь домой и не было уже другой кровати — пустота! — чуть не помешался!.. Мне представилось, что ты под снегом и пр. и пр. Проходили дни и никаких известий. Начал рассылать наобум телеграммы — нет ответа и я дошел почти до помешательства. Наконец открылась дорога, жду известия из Владикавказа и опять нет. На дню 10 раз бегал в почтамт, но кондуктор не возвращался. Спрашиваю приезжающих, и один из них сказал только, что видел толстую барыню с кавалером!.. В другое время это меня бы огорчило, но на этот раз немного успокоился!.. Вообще говоря, все это так отозвалось на мне, что я был при смерти. Теперь почти здоров и задаю себе такой вопрос: зачем я люблю существо, которое кроме несчастья ничего мне не принесло? Вероятно, за то же самое, за что себя, лично, я ненавижу, т. е. за мои юношеские промахи и ошибки! Но ведь эти ошибки мои были результатом не моего эгоизма и худых дел, но наилучших человеческих стремлений. Не виноват я, что нас окружали родные эгоисты, друзья обманщики и фарисеи! Разве легко юноше без опыта и руководства в жизни? Удивляюсь, что мы и физические и нравственно не погубили!.. Упрекать в этих ошибках несправедливо!.. Разве в первые века некоторые из христиан, отыскивая свои молельни, не попадали невольно в лабиринты и не гибли? Человека судят по побуждениям, а не по его невольным промахам. Ты была связана со мною и шла рядом! Этого никогда тебе я не забуду... ценю... Но странно, когда мы уже сами, без посторонней помощи, спаслись и вышли на свет, ты тогда только встрепенулась и начала за все отомщать мне. Это был для меня такой удар, которого не всякий вынесет, но я подумал и решил: она молода, неопытна, пусть поживет, узнает свет и тогда опять вернется ко мне и я без упрека встречу ее с двойною любовью!.. Эта надежда и спасла меня от отчаяния... Последние годы доказали мне, что я ошибся! Ты оказалась бесильной против своих разнузданных нервов и я на тебя смотрю теперь как на больную, любя тебя еще больше и лично не надеюсь ни на что! Была одна еще надежда: это радоваться счастьем Лели, но, увы, и этому не суждено осуществиться... Я ему, как видно, чужой, да и я ему никакой пользы не делаю! Какая горькая насмешка судьбы: для целого города я свой, а для сына чужой; для других успеваю делать что-нибудь, а для своего — ничего! При таких условиях не стоить жить, но я не люблю преклоняться перед обстоятельствами и падать духом! Донесу свой крест до могилы... В капризе страдания есть своего рода Прометеевская цель гордости и я подчиняюсь. Довольно. Прости, что я так многословен, но это уж в последний раз, а теперь перейдем к делу!..

Любящий вас

Акакий

Нодар НАТАДЗЕ

Характер в современной литературе

Основой основ любого произведения, как эпического, так и драматического жанра, является литературный характер, а центральной фигурой современного романа, рассказа, трагедии, драмы или комедии — герой. Без него, а точнее — без максимального внимания автора к нему — сегодня могут существовать только второсортные творения развлекательного характера (плохие детективы, так называемые ситуационные комедии и им подобные писания)

Правда, некоторые довольно маститые авторы придерживаются иного мнения: они считают, что герой современной серьезной литературы не должен стоять в центре их внимания. Сегодня, мол, важнее показать то, что представляет собой человек вообще, его жизнь, судьба и т. д., чем то, какие различные люди существуют на свете, каково их мировоззрение, их отношение к личным и общественным проблемам и т. п. (Этот взгляд, например, защищает и современный французский романист Андрэ Мальро). Однако все эти теоретические рассуждения по существу сводятся лишь к тому, каким должно быть, по мнению авторов, современное произведение эпического характера. Практика художественного творчества пока не дает подтверждения этой теории. По сей день в эпической литературе самым надежным средством познания человека остается художественное отображение различных людей: их индивидуальных и в той или иной мере общих типических черт, порожденных разницей в происхождении, темпераменте, морали и мировоззрении.

Умение создать характер — это самое высокое и самое сложное искусство писателя-эпика. Создание же реалистических, т. е. жизненных характеров — первое требование, предъявляемое к реалистической литературе. Отрицать или игнорировать это требование — значит толкать писателя к беспочвенным философским обобщениям, голой символической и аллегорической, иначе говоря обречь его на абсолютное бесплодие.

В узко эстетическом смысле задача создания литературного характера довольно ясна: это должен быть настолько цельный, самодовлеющий образ, что читателю будет известно не только все, что происходит с персонажем, но и все, что относится к его психологической сущности. Иначе говоря, духовную жизнь персонажа мы должны видеть «изнутри», всем ее элементам надлежит быть в органической взаимосвязи, и нам нужно чувствовать психологическую оправданность этой взаимосвязи, дабы иметь возможность представить себе и не упоминаемые автором стороны внутренней жизни героя. При воссоздании образа героя наша фантазия не должна останавливаться там, где остановилось перо писателя; короче говоря, мы должны узнавать в герое произведения представителя определенного типа людей, встречавшихся нам в жизни. Это основное требование реалистической эстетики, без которого реалистическое эпическое искусство не может существовать.

Но это одна сторона задачи.

Другая сторона ее — это типизация персонажа, т. е. выделение того или иного типа человека из моря внешних впечатлений, классификация людей по тем или иным признакам; одним словом, здесь речь идет уже не об обрисовке характера, а о способности его увидеть, иначе говоря, о методе создания характера, истоки которого — в мировоззрении и общей целенаправленности творчества автора.

Чем же в основном отличается один метод от другого в этой важнейшей сфере творчества, связанной с сокровеннейшими истоками мировоззренческой и художественной индивидуальности автора?

Основное — это точка зрения, из которой исходит автор, отличая людей друг от друга, и та мера, с помощью которой он определяет их ценность. На заре художественной литературы, в античную эпоху и в средневековье (как в

христианском мире, так и в других странах) эта точка зрения была весьма проста: персонаж бывал либо хорошим, либо плохим, он был либо от бога, либо от дьявола, являлся либо храбрецом, либо трусом. Участвуя в событиях, интересующих автора, герой находился или в стане друзей, или в стане врагов. Такие великие творения, как эпос Гомера, «Песнь о Нибелунгах», «Шах-Намэ» и «Витязь в тигровой шкуре» представляются исключениями на фоне литературы, созданной по указанному выше методу. Литература критического реализма во всех странах в качестве основного критерия для того, чтобы различить персонажи, использовала социальный, поскольку основной задачей литературы того времени было разрешение социальных проблем и познание политико-экономических движущих сил общества. Персонаж литературы данного типа был, в первую очередь, типическим представителем своего социального слоя: аристократом или выходцем из третьего сословия, буржуа или пролетарием, крестьянином или мещанином во дворянстве. Социальное происхождение и происхождение отсюда социально типичные черты заслоняли все остальные стороны его характера.

В произведениях современной западной литературы, созданных на психоаналитической основе, таким критерием служат природные свойства людей, точнее одна узкая сфера этих свойств (физической природы, таланта, темперамента и т. д.). Социальная роль героя автора интересует меньше; соответственно социальные различия персонажей сводятся к элементарным различиям между богатством и бедностью, преуспеванием и неудачничеством и т. д.

Многообразие возможных критериев, которые можно использовать для различения персонажей, поистине неисчерпаемо. Некоторые из них верны, другие, с нашей точки зрения, являются реакционными и порочными (так, например, мы всегда будем восхищаться большими социальными полотнами наших классиков, созданными на основе прогрессивных для своего времени взглядов, и отвергать психопатологические выкрутасы современной фрейдистской литературы). Наличие верной, т. е. новой, соответствующей уровню мышления современного человека точки зрения, конечно, еще не может гарантировать создания истинных и новых литературных характеров. Верное видение различных типов людей — это одно, а синтезирование индивидуальных и типических черт, которым создается живой образ, дело другое. Однако, хотя это условие и недостаточно для решения столь большой творческой задачи, оно все же необходимо. Без новой и верной точки зрения

35

невозможно создать обобщенные характеры большого масштаба, а следовательно не может существовать и большая эпическая литература.

В грузинской литературе XIX века основным критерием индивидуализации и типизации персонажей стал по вполне понятным причинам социальный критерий. Этот подход к теме и к человеку был унаследован и грузинской литературой XX века. Он явился твердой, казалась бы, раз навсегда установленной основой грузинской эпической литературы. Отклонение от этой всеобщей традиции было весьма незначительным.

Без преувеличения можно сказать, что эти отклонения проявились лишь в использовании отдельных, чисто психологических, штрихов при обрисовке персонажей, данных опять-таки в социальном плане (Меджганушвили, Отарова вдова, некоторые герои Казбеги и Д. Клдашвили, «лирический» герой Ч. Ломтадидзе).

Изображение различий в социальной природе людей, социальный аспект в понимании человеческой личности или в ее литературной репродукции резко усиливается в грузинской литературе в послереволюционное время. В бурную эпоху ожесточенных социальных битв человек, естественно, находится в центре внимания литературы в первую очередь как социальная единица, как представитель того или иного класса, участвующего в этой борьбе. Помещик или крестьянин, кулак, середняк или бедняк — вот что и в реальной жизни и в литературе имело более важное значение, чем природные свойства человека, его склонности, отношение к жизни и смерти, к любимой, семье или прочим «вечным проблемам» личной жизни.

Из этого, конечно, не следует делать вывода, что литература той эпохи была — в силу своей острой социальной направленности — бедна эмоциями и чисто человеческими мотивами. Это большая и главная тема, господствующая в послереволюционной литературе, позволяла автору по-новому увидеть также и «вечные» мотивы личной жизни и вдохнуть в них новую силу. Это относится как ко всему художественному строю произведения в целом, так и к созданию характера в частности. Социальная и психологическая темы здесь тесно переплетаются, и социальное обретает глубину и силу именно на фоне психологического.

В качестве иллюстрации такого подхода к художественной задаче можно назвать сцену смерти Двалишвили из романа К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды». Наряду с ярко выраженной политической целенаправленностью она содержит и чисто психологический мотив: смутнение и ужас человека перед лицом смерти. Необычные и неизъяснимые пе-

реживания, вызванные видом убийства (в данном случае необходимого), которые, начиная с древнейших образцов словесного искусства и до наших дней, послужили темой множества драматических эпизодов, в романе К. Лордкипанидзе выражены со всей остротой. Несмотря на это, чисто психологический момент не определяет ни концепцию автора, ни оценку персонажа. Социальная концепция автора едина и жестка: Двалишвили по своей классовой сущности — враг; следовательно, его надо уничтожить. Психологический накал сцены убийства лишь подчеркивает ее социальную направленность. Оба мотива — психологический и социальный — находятся в диалектическом единстве, и каждый из них ярче звучит на фоне другого.

Авторский подход к теме и характеристике персонажа в этом эпизоде является классическим для определенного периода развития нашей литературы, — классическим в том смысле, что здесь в чистом виде воплощен литературный принцип, порожденный спецификой общественной жизни того периода.

Современные условия поставили перед методологией литературы вообще и перед искусством создания литературного характера в частности новые проблемы. Их новизна не только в том, что современные характеры тоже фактически являются новыми и что сегодня, в 60-е годы XX столетия, по улицам городов и сел ходят не те люди, что в 20-х годах, что изменились покроя их одежды, стиль разговорной речи и внешние условия жизни. Оно, это новое, в самом методе создания характера. Новая эпоха и новые социальные условия, в принципе отличные от условий прежнего времени, предъявили эпической литературе новые требования и в отношении ее основной проблемы — проблемы создания характера.

Итак, в чем же заключается это новое? В том, что при типизации и «классификации» людей, знакомых нам из реальной жизни (а это является основным в «видении» литературного характера), по-новому ставится вопрос о соотношении социальной и соответственно психологической точек зрения, естественно вытекающих из природы современного общества. Если прежде, в эпоху ожесточенных социальных битв, социальная сущность человека полностью зависела от классовой принадлежности, а его роль в общественной жизни действительно определяла его позицию в сложной ситуации классовой борьбы, его побуждения, цели и стремления исходили из воспитания, авторская же оценка персонажа опиралась на перечисленные факторы, то сегодня такой подход уже недостаточен и даже более того — фиктивен. В нашем обществе нет не-

равенства людей по происхождению, во всяком случае, оно не имеет решающего значения и не способно предопределять всю судьбу человека. В нашем обществе нет такого класса или социального слоя, представитель которого в силу социальной необходимости противостоял бы всему остальному обществу или другому общественному классу или слою.

Сегодня общественное мировоззрение человека, его роль в жизни (положительная, либо отрицательная), его идеалы и взгляды не зависят от его происхождения, воспитания (в принципе воспитание у всех нас одинаковое) и социального положения. Все члены общества и юридически, и фактически имеют равные возможности получить образование и занять положение в обществе в соответствии с природными способностями и склонностями. Следовательно, тот метод, который в литературе зиждется на социальном подходе к людям, тускнеет и зачастую становится рудиментарным. Иными словами, для создания литературного характера, для более или менее типизированного изображения людей их социальное происхождение и положение сегодня является уже недостаточным критерием.

Значит ли это, однако, что современная эпика в отличие от классической литературы утратила такое сильнейшее средство проникновения в человеческую психику и ее движущие механизмы, как социальное раскрытие образа? Неужели новая, неантагонистическая структура нашего общества вызвала (или может вызвать) обеднение художественного арсенала литературы? Напротив, современная литература располагает не только не меньшими, а гораздо большими, чем литература любой другой эпохи, средствами проникновения в человеческую природу. Но полное их использование возможно лишь в результате максимального совершенствования и развития арсенала художественных средств, завещанного ей литературой предшествующего периода.

Для того, чтобы создать характеры, достойные уровня мышления современного человека, наша литература должна видеть и более глубокие, более существенные, на сей день более реальные и действенные различия между людьми, чем простые расхождения в социальном происхождении и положении. Такими могут быть только индивидуальные различия людей в их естественных чувствах и склонностях, в темпераменте и характере в повседневном смысле этого слова, в их способностях и интересах, т. е. то, что отличает друг от друга социальное равноправных людей, живущих бок о бок. Судьба литературного персонажа (т. е. в какой-то мере типического

человека), его роль в жизни, таким образом, определяется, в первую очередь, его личными свойствами, а не его социальным положением (социальные условия для всех, в принципе, равны). Заострение внимания на этих сторонах человеческой природы открывает перед литературой поистине беспредельные перспективы познания человека. Положение марксизма, согласно которому вся предыдущая история человечества — лишь подготовительные ступени на пути развития к коммунизму, находит яркую иллюстрацию и в этой неизбежной закономерности развития эпической литературы.

Но как при таком подходе к созданию литературного характера проявляется социальная проблематика, составляющая неотъемлемую черту нашей современной литературы? Она ставится с особой остротой и с особой четкостью, ибо в обрисовке духовного мира персонажа должна занимать (и занимает) такое же большое место, какое она сегодня занимает в психике реального человека. Художественная литература не может отобразить человека вне его окружения и общества. Человек, представленный вне социального окружения, вне общественной жизни — это голая абстракция. Соответственно, вне социального портрета персонажа в современной литературе не существует его психологического портрета.

Показать социальную жизнь человека — вот сильнейшее средство обрисовать его психику.

Современная литература не ослабляет да и не может ослабить внимания к социальным проблемам. Наоборот, социальные коллизии остаются важнейшей темой эпической литературы и будут таковыми до тех пор, пока возможность такого конфликта остается реальностью, пока в жизни общества продолжается борьба между старым и новым, между человеком, ищущим истину, и равнодушным к ней, между альтруистом и эгоистом и т. д. Принципиальная новизна современной литературы состоит, однако, в том, что людей, участвующих в конфликте, она рисует как обладающих свободой выбора, который не предопределяется их социальным происхождением или положением. Грубо говоря, в классической литературе купец всегда оставался носителем специфически купеческой психологии, дворянин — дворянской и т. п., в противном случае произведение становилось не реалистическим. Современный же писатель, изображая характер, может не прибегать к таким средствам. В наши дни представитель любого социального слоя может обладать психикой любого типа и играть любую роль в общественной жизни. Благодаря этому,

писатель может глубоко проникнуть в человеческую природу персонажа, сложный механизм человеческих взаимоотношений.

Конечно, столь богатая перспектива раскрывается только перед литературой социалистического общества, единственного общества, в котором человек фактически освобожден от оков социального неравенства. Однако такой подход как тенденция проявляется в некоторой степени и в эпической литературе других стран. То, что перед человеком открываются разные взаимоисключающие жизненные пути, что его роль и путь в обществе зависят от его личных качеств и что эти качества все более и более оказываются в центре внимания писателей, — все это логический результат усложнившейся структуры современного общества: большие города, развитый транспорт, связь, объединение мировой экономики порождают сложные человеческие взаимоотношения, в которых мельчайшие различия в характерах отражаются на судьбах и социальной роли отдельных людей и обретают, таким образом, социальную значимость. Глубокий психологизм, повышенный интерес к изображению человеческой натуры, выдвижение на первое место психологического плана в характеристике персонажа — свойственны современной литературе и являются непосредственным результатом новых социальных условий.

* * *

Хотя новизна в обрисовке персонажей, о которой шла речь, скорее относится к перспективам, чем к сегодняшней действительности, и хотя современная литература еще не создала характеров, достигающих уровня литературы классической, все же можно с уверенностью сказать, что уже давно этот новый метод не является лишь абстракцией для советской литературы вообще и для грузинской в частности. Это — живогворное направление в эволюции нашего художественного мышления, направление, которое следует всесторонне развивать и поддерживать. Не будет ошибкой утверждать, что данный способ обрисовки характера впервые с полной силой проявился в произведениях, написанных на тему о войне. Мы не имеем в виду как несколько отвлеченного противопоставления верных сынов Родины и ее предателей, довольно часто встречающегося в рассказах и романах, так и богатой галереи образов патриотов, действующих в несколько искусственных ситуациях, главным образом — в драматургии того времени. Речь идет о произведениях, описывающих повседневную жизнь военного времени, в которых видны грузинская действитель-

ность в условиях войны и постоянный герой нашей литературы — человек, с оружием в руках сражающийся с врагами Родины вдали от Грузии. Отечественная война была первым поистине великим событием в жизни народа, наступившим после таких социальных событий, как победа Советской власти и коллективизация. Это новое большое испытание и эта новая тема в нашей литературе нивелировали все дотоле известные и описанные социальные различия между людьми нашего общества и выдвинули на первый план самые глубокие и значительные стороны человеческой природы: твердость, верность, мужество, гуманность и т. д. Персонажи произведений на военную тему почти без исключения охарактеризованы с точки зрения естественных и важнейших человеческих качеств. Такой подход, конечно, скорее психологический, чем социальный: профессия героя, его происхождение и положение в обществе мирного времени в данном случае не играют существенной роли. Грузинская литература создала галерею образов грузин — участников Великой Отечественной войны, как фронтовиков, так и тех, кто был в тылу. Самый большой вклад в это дело внесли, конечно, авторы, непосредственно участвовавшие в боях. Но и другие писатели разных поколений дали не менее волнующие и напряженные произведения о жизни тыла (С. Квдиашвили, О. Иоселиани, Н. Думбадзе и др.).

Для грузинской литературы тема войны явилась своеобразной школой психологической обрисовки образа, обогатившей арсенал наших писателей. В послевоенное время превалирование психологического описания литературного персонажа становится обычным.

Как же проблема создания литературного характера ставится в творчестве молодых прозаиков последнего времени? Нам кажется, что это — самая слабая сторона большинства их рассказов. Появление большого числа молодых авторов внесло много новизны в грузинскую прозу, обогатило ее новыми темами, настроениями и особенно — новыми художественными средствами. «Хемингуэвская» манера, характерная для многих молодых прозаиков, превратилась даже в определенную моду. Конечно, эта манера сама по себе вовсе не плоха, однако ей не следует придавать чрезмерного значения. Такая новизна — не что иное, как попытка заполнить большой пробел, образовавшийся в определенные годы в результате оторванности наших писателей от общего потока мировой литературы. В развитии нашей национальной литературы это явление, конечно, решающей роли играть не может.

«Хемингуэвский» стиль, которому более или менее успешно подражает большинство этих авторов, не очень способствует созданию характера, т. е. тому, что делает эпическую литературу поистине литературой мировоззренческой и дает ей возможность широких социальных или философских обобщений. Правда, лаконизм, наглядность повествования, непосредственный показ изменений в поведении и психике героя, почти неизменные в литературе до Хемингуэя, во многом помогают писателю в обрисовке персонажа. Однако литературный образ вообще и литературный характер в частности — вещи разные. Литературный характер сложнее образа, поскольку он имеет в виду личность в целом, а не личность в отдельной ситуации, являющаяся субъектом отдельного переживания. Характер создают отдельные индивидуальные черты персонажа: сложное сплетение черт его внешности, склонностей, темперамента, мировоззрения, морали, всего разнообразия чувств и жизненного опыта. Если литературный характер — это характер истинный, тогда на основании того, что мы узнали из произведения, можно представить поведение персонажа в любой другой ситуации.

Величайший представитель «хемингуэвского» стиля — Эрнест Хемингуэй — скорее создатель литературных образов, чем характеров (это касается не только его рассказов, но и романов «Прощай, оружие!», «Фиеста», «По ком звонит колокол»). Достаточно сравнить персонажи Э. Хемингуэя с персонажами Л. Толстого, О. Бальзака или Т. Манна, чтобы ясно увидеть эту разницу. Увлечение стилем Хемингуэя таит в себе опасность ослабления внимания к созданию литературных характеров, и молодым грузинским прозаикам избежать ее, видимо, не удалось.

Не только различные герои одного автора, но даже герои разных авторов из числа молодых часто как две капли воды похожи друг на друга. Заур и Джумбер, Тенгиз и Тамаз, Гиви и Гогі — все эти новоявленные литературные фигуры представляют собой одно человека, и в этом удручающем однообразии, к сожалению, видна столь же однообразная претензия подражать манере Хемингуэя. Стремление к лаконичной, ясной, четкой прозе, связываемое в современной литературе с именем Хемингуэя, отвлекло авторов от решения сложнейшей задачи изучения человеческого характера. Точнее говоря, это привело их к ложному мнению, по которому, если в произведении с определенной ясностью обрисован какой-то жизненный эпизод, излишне рисовать еще индивидуальные свойства и внутренний мир участвующих в нем личностей, и этот эпизод без дальней-

шего углубления может служить основанием для создания произведения.

В журналах и газетах последних лет можно найти много примеров пораженных, испытанных литературой на этом псевдохемингуэвском пути. Несмотря на это, мы не можем утверждать, что в поверхностном отношении к созданию характеров повинно только подражание большому писателю. К сожалению, это подражание лишь признак, симптом, а не основная причина. Истинная причина — в незнании жизни и неглубоком понимании явлений, в незрелом понимании людей и их взаимоотношений.

К счастью, вредное мнение, о котором говорилось выше, не является общим для всех поклонников «хемингуэвского» стиля. Традиции грузинской литературы, самобытность грузинской действительности, индивидуальный темперамент и оригинальность мышления ряда авторов оказались достаточно сильны, чтобы избежать рабского следования этой манере и даже в этом направлении нащупать самостоятельный путь.

Можно привести достаточно много примеров в подтверждение сказанного, но мы удовлетворимся одним.

Гурам Рчеулишвили был первым из авторов, попытавшихся внести в грузинскую литературу лаконизм Хемингуэя. Но этот «ученик» Хемингуэя не стал ограничиваться обрисовкой одних лишь настроений и выхваченных из жизни драматических эпизодов. Он в то же время стремился и к созданию характеров, что с максимальной силой подтвердилось в его рассказах, изданных посмертно. Мзия и Батарека (рассказ «Батарека Чинчараули») — не только литературные образы (персонажи, которых мы ясно видим в ходе развития действия так же, как видим чувства, лежащие в основе их деяний). Это настоящие литературные характеры; несмотря на внешнюю простоту, перед нами сложные по своей духовной жизни типы людей, внутреннюю биографию которых мы можем безошибочно дополнить своей фантазией. Хевсур Батарека зол, сварлив и неуживчив. Его как будто гложет какой-то злой дух — неутомимый дух борьбы, хищничества и непримирности, что в целом соответствует усвоенным им извне правилам и представлениям (речь идет о старом хевсурском быте и распространенных в Хевсуретии старых обычаях). Он ни над чем не задумывается или, говоря современными психологическими терминами, ничего не «объективирует» — он живет непосредственно, так, как подсказывают ему непостижимые стремления души. Зимой, когда снег завалил деревню и Батарека вынужден оставаться дома, он с таким же увлечением занимается до-

машинными делами, с каким в иное время занимался войной и уходом скота. Читатель верит, что с такой же силой и увлеченностью он способен заниматься и любым другим, новым для него делом. Батарека — абсолютно гармоничная и в то же время абсолютно негармоничная личность. Он зол и упрям, потому что его терзает постоянное внутреннее беспокойство. Эта трагическая внутренняя дисгармония, данная на фоне полной внешней гармонии, представляет собой индивидуальную черту персонажа, некий новый (с точки зрения литературы) штрих в человеческой природе, который и был избран автором как тема повествования. Смысл и назначение данного персонажа, таким образом, выходят за рамки задачи: мотивировать данный небольшой эпизод, в котором участвует Батарека. Таким образом, Батарека — характер или тип человека, интересный сам по себе.

Образ Батарека этнографически точен. Во всяком случае, читатель верит, что детали быта и речи, данные автором, соответствуют реальной жизни хевсур в описываемую им эпоху. Но все это по отношению к характеру Батарека лишь фон: социальная характеристика героя (он — порождение общинного строя) точна, но она не является решающей и даже не участвует в создании собственного характера. Та черта, которая лежит в основе характера, не специфична для данной эпохи. Она представляет собой нечто более общее, и характер в целом, каким бы он ни был по своему масштабу, относится к числу обобщенных человеческих характеров.

Характер Мзии — иной, однако и он создан тем же методом и на том же уровне обобщения. Драма, разворачивающаяся в душе этой тринадцатилетней девочки, и трагедия, завершающая рассказ, — не что иное, как вечная драма и вечная трагедия жизни и смерти. Молодая жизнь, еще не умеющая считаться с внешним миром, не терпящая никаких компромиссов и поэтому щедро растрачивающая себя — вот истинная тема рассказа и основа характера Мзии. Эта сторона человеческой природы Мзии и есть индивидуальный штрих, отличающий ее от остальных людей и используемый автором при создании данного характера. Таким образом, и Мзия является характером, а не только литературным образом.

И все же (если не считать «Батарека Чинчараули» и одного-двух других рассказов) герой Гурама Рчеулишвили — лирический герой. Но это не означает, что и в этих рассказах автор отказался от задачи создания характеров. Несмотря на сильный субъективизм, характеризующий эти рассказы, их герой —

все-таки характер, то есть персонаж, обладающий и индивидуальными и общими чертами одновременно. Индивидуальность его состоит в том, что судьба и переживания героя — не судьба и не переживания человека вообще. Это — судьба только определенного типа людей, людей ищущих, беспокойных, людей больших целей и размаха («Алавердоба» и др.). Обобщенность же проявляется в том, что эти переживания и судьба выходят за рамки автобиографии; автор показывает вполне возможную и убедительную судьбу ищущего юноши вообще, показывает его субъективный внутренний мир и окружающую среду.

В связи со сложной задачей создания характера нельзя не упомянуть одно, если можно так выразиться, «направление» или, точнее, тенденцию в творчестве ряда современных авторов, в результате которой уже появилось большое количество произведений, достаточное для того, чтобы бесспорно утверждать о ее существовании в литературе. Мы имеем в виду произведения с так называемыми «характерными» персонажами, обладающими налетом некоторой экстравагантности. В театре персонажи этого типа известны под именем «характерных ролей».

Эта плодотворная тенденция проявилась не только в произведениях юмористических или полумористических («Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце»), она определила стиль и композицию многих таких произведений, которые рисуют колоритные, а иногда

и грустные картины жизни нашей провинции или определенного социального слоя. В качестве примера можно привести сборник Р. Четишвили «Бзианети». Та же тенденция лежит в основе наиболее колоритных рассказов многих молодых писателей (например, М. Элиозишвили и других).

Созданные этими авторами живые, пластические образы давно завоевали любовь и симпатию читателей, и поэтому нет смысла теперь обсуждать вопрос о целесообразности такого подхода к созданию характеров. Если авторы сумели таким путем создать реальные, интересные и запоминающиеся образы, следовательно, литературный вкус и такт им не изменили. Однако обсуждая вопрос о создании характеров в нашей литературе в целом, мы должны помнить, что этот метод — далеко не последнее слово. Создание героя теми же методами, какими строятся «характерные роли» в драматургии, допустимо и возможно только тогда, когда между уровнем мышления автора и героя достаточно большая разница. Если разница эта невелика (а она, очевидно, значительно сокращается, когда автор рисует мыслящего, ищущего героя), тогда подобная манера не приведет к успешному решению художественной задачи. В этом случае убедительно обрисовать героя и возбудить интерес читателя значительно сложнее. А создание именно такого ищущего и мыслящего героя и есть важнейшая задача большой литературы.

Летопись. дружбы

Письма друзьям

Неисчислимы сокровища духа может открыть нам изучение не только творческих, но и личных, человеческих взаимосвязей и контактов русских и грузинских писателей и общественных деятелей. Среди этих сокровищ особым светом сияет нам эпистолярное наследие Бориса Леонидовича Пастернака, поэта и человека, который своим поистине уникальным по крепости и благородству побратимством и — как следствие этого кровно-поэтического родства — своими великими переводами — одним из первых открыл для себя и для мира грузинскую поэзию, поэтическую душу Грузии.

Переписка Б. Л. Пастернака со своими грузинскими друзьями, длившаяся без малого три десятилетия, обширна и разнообразна. Главные корреспонденты Б. Пастернака — Тициан Табидзе и его супруга Нина Александровна, Паоло Яшвили и его жена Тамара Георгиевна, Георгий Николаевич и Евфимия Александровна Леонидзе, Симон Иванович и Марика Николаевна Чиковани. В автобиографических заметках Б. Пастернака, публикуемых нами ниже в качестве своеобразного вступления к его письмам, подробно описаны события и атмосфера, которые способствовали зарождению его дружбы с грузинскими писателями и их семьями в самом начале 30-х годов. Мы выделим лишь некоторые основные вехи и конкретные факты, которые помогут читателю правильно ориентироваться в нашей публикации.

Первая поездка в Грузию Бориса Леонидовича Пастернака состоялась летом 1931 года. Пастернаки были гостями Паоло Яшвили, с которым познакомился незадолго до этого — зимой 1930 года в Москве. В доме Яшвили началось знакомство и зародилась дружба с Тицианом и Ниной Табидзе. В этот и

следующий приезд (в 1933 г.) вошли в жизнь Бориса Пастернака семья Леонидзе и Чиковани, Гаприндашвили и Мицишвили, Гуднашвили и Шаншинашвили. Состоялось знакомство со многими представителями грузинской интеллигенции, имена которых читатель встретит в публикуемых письмах. Едва ли на первые стихотворные строчки Пастернака о первом своем приезде в Грузию начинались так:

Четырнадцатого июля
Чуть свет мы прибыли в Тифлис.
Три месяца, как сон, мелькнули,
Как вал над головой сошлись

Эти три месяца охватили жизнь в Тбилиси и его пригородных селах — Коджори (около месяца), Окрокана, поездки в Цинандали, в Боржоми и Цавери, пребывание в Бакурнани (в гостях у отдыхавших там Леонидзе), Абастумани, Кобулету.

Покидая осенью 1931 года Грузию, Борис Леонидович увез с собой не только неизгладимые впечатления и образы друзей, но и первые подстрочники грузинских стихов, о которых им потом будет сказано:

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

В ноябре 1933 года Борис Пастернак второй раз приезжает в Грузию вместе с бригадой Оргкомитета Союза писателей, созданной по инициативе Горького. (В бригаду входили также Н. Тихонов, П. Павленко, Ю. Тынянов, О. Форш и В. Гольцев). Именно в этот приезд возникают, а в скором времени осуществляются Б. Пастернаком и Н. Тихоновым широкие планы поэтических переводов с грузинского языка. В конце

1933 года Б. Пастернак заключает в Москве договор на книгу грузинских переводов. В 1935 были изданы в Москве в «Советском писателе» «Грузинские лирики» и в том же году в Тбилиси книга переводов Б. Пастернака и Н. Тихонова — «Поэты Грузии». Раньше отдельным изданием вышел в Грузии пастернаковский перевод поэмы Важа Пшавела «Змеяд». В 1940 году Б. Пастернак переводит два стихотворения А. Церетели (продолжив затем работу над переводами Церетели в 1952 году), а в 1945 году принимает активное участие в юбилее Н. Бараташвили, переведя почти все его произведения и приехав в Тбилиси на юбилейные торжества. В разное время, начиная с тридцатых годов, Борисом Пастернаком (кроме названных выше классиков грузинской поэзии) были переведены на русский язык стихотворения грузинских советских поэтов — А. Абашели, И. Абашидзе, В. Гаприндашвили, И. Гришашвили, К. Каладзе, Г. Леонидзе, А. Мирцхулава, К. Надирадзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, П. Яшвили. Говоря об этой своей работе на одном из пленумов, сам Борис Пастернак подчеркнул: «Я должен заявить со всей открытостью, что для меня работа над грузинскими переводами была счастьем. Эта работа меня и творчески осытливала».

Как известно, грузинские впечатления непосредственно отразились в таких значительных поэтических циклах Б. Пастернака, как «Второе рождение», «Путевые записки» (лето 1936 года), «Художник» (зима 1936 года). Об этом в свое время хорошо сказал Николай Тихонов: «...для Бориса Пастернака Грузия... явилась поворотным пунктом в творчестве... Грузия и грузинская поэзия оказали большую дружескую услугу Пастернаку, они подготовили его для новых возможностей в его поэтическом пути, они окружили его такой теплотой дружбы и дружеского участия, что на всю жизнь у него осталось это первое, неизгладимое впечатление. Это была перекличка сердец, и она дала свои положительные результаты, она взаимно обогатила поэтов».

25 февраля 1936 года к пятнадцатой годовщине со дня установления Советской власти в Грузии Б. Пастернак посылает в Тбилиси телеграмму (опубликованную тогда же в №5 журнала «На рубеже Востока»): «Горячо поздравляю товарищей с торжеством 15-летия Советской Грузии. Сожалею, что по нездоровью не могу присутствовать на торжестве среди людей, которых люблю как братьев, в краю, ставшем мне второй родиной».

Отношение Б. Пастернака к друзьям,

выраженное в его письмах, говорит само за себя. Мы приведем здесь лишь отрывок из письма к Тициану и Нине Табидзе от 6/XI 1933 года, в котором, при всем юморе, окрашивающем эти слова, раскрывается одна из черт характера Б. Пастернака, во многом определяющая его привязанность к Грузии и ее людям, дающая своеобразный ключ и к его переписке. Вот эти слова: «Черта привязчивости, которую я за собою знаю, как единственную определенность, так велика во мне, что заменяет мне дело и кажется профессией. Привязываться к местам и некоторым часам дня, к деревьям, людям, к истории душ, в пересказе которых я не нуждаюсь, — так фигурно-геральдичны самые о них умолчания, так готов я бы-ваю пересказать их за них самих».

А вот еще один отрывок из письма Нине Табидзе от 2/V 1951 года, в котором передано отношение Б. Пастернака к самому большому — после трагической гибели Тициана Табидзе и Паоло Яшвили — своему другу: «Вы, громадный Вы человек, сливаетесь для меня с целым миром горьких тайн, впоенных кровью сердца и омытых слезами, начиная с Гивиного дедушки (Т. Табидзе — Г. М.)... Нина, иногда мне кажется, что Вы это моя душа, в образе женщины отображенная в пространство, чтобы мне легче было разговаривать с самим собой».

В этом «разговоре с самим собой», в предельно искреннем и до конца продуманном самовыражении и заключается главный смысл и особая ценность публикуемых ныне писем Б. Пастернака. В них раскрываются не только личные чувства и переживания большого писателя, не только его мироощущение и нравственное или эстетическое кредо, но и социально-философский символ веры, его подлинное отношение к тому великому современному историческому процессу, началом, душой и смыслом которого была Октябрьская революция.

В апреле 1936 года, когда надвигающиеся тучи начали застилать уже и горизонт литературы, когда участились статьи и обсуждения, все более принимающие форму политических проработок, нагнетающих атмосферу и подготавливающих грядущее наваждение, Борис Пастернак, почувствовав в телефонном разговоре с Тицианом Табидзе охватившее друга смятение, написал ему письмо — умное, мужественное, проникнутое поистине историческим ясновидением. Он напомнил другу об аналогичных событиях в московских условиях и сделал вывод, который должен был подержать его в этот трудный час: «Ес-

ли есть доля правды во всем печатавшемся и говорившемся, то она лишь в том, что совпадает с крупнейшим планом времени... Эта правда давалась в безотрадно слабом растворе... Не верьте растворам, Тициан! Верьте именно в этой линии, именно из революционного патриотизма верьте лучше уж себе, Тициану Табидзе, потому что, как бы то ни было, химия вашего склада растворяет все на свете, как бы это не называлось, на более высоких градусах, чем это принято в «Литературках» и «Вечорках»... Забирайте глубже земляным буравом без страха и пощадки, но в себя, в себя. И если Вы там не найдете народа, земли и неба, то бросьте поиски, тогда негде и искать... Можете быть спокойны. Не я один в Вас верю и знаю Вам цену. Не верьте растворам. Верьте революции в целом, судьбе, новым склонностям сердца, зрелищу жизни... Веку, а не неделе...» А в письме от 1/X того же года Б. Пастернак развивает и еще более обобщает эту тему революционного патриотизма: «Я не изменился, я знаю: революция не в «Литературке», не в литорганизациях, не в соревновании в робости, а в крайних своих очертаниях и центральных лицах. Она пока только в самом большом. Оттого-то и трудно: она станет жизнью, когда будет и в самом малом. И, конечно, будет».

Вера в революцию, в век, в будущее революции пронизывает «разговор с самим собой» в письмах Пастернака, перекликаясь с аналогичными мотивами в его поэзии этих и последующих лет («Второе рождение», «На ранних поездах», «Когда разгуляется»). В 1941 году он пишет дочери Тициана Табидзе письмо, призванное поддержать в ней дух революционного оптимизма: «Вы часть героической истории и порождение героизма. Вам ли унывать?.. Во всяком случае знайте: только надежда застать часть Вашего ослепительного будущего — живого, разнообразного, богатого событиями, нравственно оправданного и беспредельного по одухотворению, заставляет нас, усталых и состарившихся, цепляться за жизнь и ценить и желать ее». В конце 1946 года, когда Борис Пастернак, особо ощутивший в годы Отечественной войны кровную связь с народом и с завоеваниями революции, которые народ в войне отстоял, подвергся критическим нападкам некоторых журналистов, обвинивших его в оторванности от народа, он в письме к Нине Табидзе высказался об этом со всей свойственной ему прямотой: «Осенняя трепотня меня ни капельки не огорчила. Разве кто-нибудь из нас так туп и нескромен, чтобы сидеть и ду-

мать, с народом он или не с народом? Только такие фразеры и бесстыдники могут употреблять везде это страшное и большое слово, не заботясь о том, осталось ли у него какое-нибудь значение...» Весною 1950 года, когда после длительного перерыва Анна Ахматова опубликовала цикл стихов в «Огоньке», Б. Пастернак, искренне радуясь этому, писал вместе с тем Нине Табидзе: «...только неприятно, что по аналогии все стали выжидающе оглядываться в мою сторону. Но все, что произнесла сейчас она, я сказал уже двадцать лет тому назад и один из первых, когда такие голоса звучали реже и в более единственном числе. Таких вещей не повторяют по несколько раз, они что-нибудь значат или ничего не значат и в последнем случае никакое повторение не может поправить дела. Я очень доволен своей судьбой, ясностью моего душевного состояния. Никогда я не считал себя в каком-нибудь смысле обиженным или обойденным. Если кто-нибудь думает, что я могу со стороны показаться «мучеником», то... я не отвечаю за чужой бред и химеры... Мне кажется, все усилия человека должны быть сосредоточены в его деятельности — успешной, смелой и производительной, а остальное доделывает жизнь». Как эти слова перекликаются с известным нам уже призывом к Тициану Табидзе: «Забирайте глубже... но в себя... И если Вы там не найдете народа, бросьте поиски, тогда негде и искать!».

Когда в результате больших исторических перемен перед всей нашей страной открылись новые перспективы движения вперед, новые горизонты жизнетворчества, Б. Пастернак, верный своему революционному патриотизму, прекрасно понял, как он писал в одном из писем Нине Табидзе в июне 1958 года, что «огромный, неслыханных сил стивший период закончился и миновал. Освободилось безмерно большое... место для нового и еще небывалого, для того, что будет угадано чьей-либо гениальной независимостью и свежестью, для того, что внушит и подскажет жизнь новых чисел и дней». И он добавлял уже о себе: «Передо мною, еще живым, освобождается пространство, неиспользованность и чистоту которого надо сначала понять, а потом этим понятием наполнить. И откуда мне взять на это сил, а заменять это единственно нужное старыми мелочами — близоручо и бесцельно».

Смерть застала Бориса Пастернака тогда, когда он, хоть и на склоне лет, был буруеваем многими новыми замыслами. Он увлеченно работал над пьесой, надеялся создать цикл стихов («Более резко разграниченный, но-

вый, объединенный сильно отличным, новым признаком», как писал он Нине Табидзе), им была задумана историческая повесть о Грузии первых веков нашей эры. У автора этих строк, с которым Борис Леонидович поделился своим последним замыслом, сохранилась его памятная записка (апрель 1959 г.), в которой перечислены некоторые из книг, необходимых ему для этой цели: «1) Иван Сабинин. Жизнеописание святых грузинской церкви. СПб. 1882. 2) Об археологических раскопках (в Грузии и Армении?). 3) Хороший самоучитель или учебник груз. языка, русский». К теме первых веков грузинской истории обращается Б. Пастернак и в одном из последних писем к Нине Табидзе (от 19/III 1959 года). А в письме от 15/III того же года, вспоминая свою недавнюю (и послед-

нюю) поездку в Грузию, он пишет мне: «Я был рад без традиционной восторженной приподнятости, но тем искреннее, дельнее и провереннее ощутить то коренное и неуловимое в грузинской жизни и культуре, чего я до сих пор так и не сумел схватить и выразить... Я бывал много в ваших музеях, и в том, что являлся живым музеем или продолжением прошлого в нынешнем — среди вашей художественной молодежи. Я, наверное, не испытаю больше ничего такого светлого в жизни».

Пусть публикуемые ниже письма Бориса Пастернака, бережно хранимые на протяжении трех с половиной десятилетий его грузинскими друзьями, явятся данью любви и уважения к большому русскому писателю.

Г. Маргвелашвили

Борис ПАСТЕРНАК

Из автобиографии

На протяжении десятилетий, прошедших с напечатания «Охранной грамоты», я много раз думал, что если бы пришлось переиздать ее, я приписал бы к ней главу о Кавказе и двух грузинских поэтах. Время шло, и надобности в других дополнениях не представлялось. Единственным пробелом оставалась эта недостающая глава. Сейчас я напишу ее.

Около 1930 года, зимой в Москве посетил меня вместе со своей женой поэт Паоло Яшвили, блестящий светский человек, образованный, занимательный собеседник, европеец, красавец.

Вскоре в двух семьях, моей и другой, дружественной, произошли перевороты, осложнения и перемены, душевно тяжелые для участников. Некоторое время

мне и моей спутнице, впоследствии ставшей моей второй женой, негде было преклонить голову. Яшвили предложил нам пристанище у себя в Тифлисе.

Тогда Кавказ, Грузия, отдельные ее люди, ее народная жизнь явились для меня совершенно открытием. Все было ново, все удивляло. В глубине всех уличных пролетов Тифлиса нависшие темные каменные громады. Вынесенная из дворов на улицы жизнь беднейшего населения, более смелая, менее прячущаяся, чем на севере, яркая, открытая. Полная мистики и мессианизма символика народных преданий, располагающая к жизни воображением и, как в католической Польше, делающая каждого поэтом. Высокая культура передовой части общества, умственная жизнь, в такой степени в те годы еще редкая. Благоустроенные уголки Тифлиса, напоминавшие Петербург, гнутые в виде корзин и лир решетки бельэтажей, красивые закоулки. Преследующая по пятам и везде настигающая дробь бубна, отбивающего ритм лезгинки. Наступление южного городского вечера, полного звезд и запахов из садов, кондитерских и кофеен.

Паоло Яшвили замечательный поэт послесимволистического времени. Его поэзия строится на точных данных и свидетельствах ощущения. Она сродни новейшей европейской прозе Белого, Гумсуна и Пруста и, как эта проза, свежа неожиданными и меткими наблюдениями. Это предельно творческая поэзия. Она не заморожена плотно напиханными в нее эффектами. В ней много простора и воздуха. Она движется и дышит.

Первая мировая война застала Яшвили в Париже студентом Сорбонны. Он кружным путем возвращался к себе на родину. На глухой норвежской станции Яшвили зазевался и не заметил, как ушел его поезд. Молодая норвежская чета, сельские хозяева, из глубины края на санях приехавшие на станцию за почтой, видели ротозейство жгучего южанина и его последствия. Они пожалели Яшвили, и неизвестно как объяснившись с ним, увезли к себе на ферму до следующего поезда, ожидавшегося только на другие сутки.

Яшвили чудно рассказывал. Он был прирожденный рассказчик приключений. С ним вечно происходили неожиданности в духе художественных новелл, случайности так и льнули к нему, он имел на них дар, легкую руку.

Одаренность сквозила из него. Огнем души светились его глаза, огнем страстей были опалены его губы. Жаром испытанного было обожжено и вычерчено его лицо, так что он казался старше своих лет, человеком потрепанным, пожившим.

В день нашего приезда он собрал своих друзей, членов группы, вожакom которой он состоял. Я не помню, кто пришел тогда. Наверное, присутствовал его сосед по дому, первозрядный и неподдельный лирик Николай Надирадзе. И были Тициан Табидзе с женой.

Как сейчас вижу его комнату. Да и как бы я ее забыл? Я тогда же, в тот же вечер, не ведая, какие ужасы ее ждут, осторожно, чтобы она не разбилась, пустил ее на дно души вместе со всем тем страшным, что потом в ней и близ нее случилось.

Зачем посланы были мне эти два человека? Как назвать наши отношения? Оба стали составной частью моего личного мира. Я ни одного не предпочитал другому, так они были нераздельны, так дополняли друг друга. Судьба обоих вместе с судьбой Цветаевой должна была стать самым большим моим горем.

Если Яшвили был во внешнем центробежном проявлении, то Тициан Табидзе был устремлен внутрь и каждой своей строкой и каждым шагом звал в глубину своей богатой, полной догадок и предчувствий души.

Главное в его поэзии — чувство неисчерпанности лирической потенции, стоящее за каждым его стихотворением, перевес не сказанного и того, что он еще скажет, над сказанным. Это присутствие незатронутых душевных запасов создаст фон и второй план его стихов и придает им то особое настроение, которым они пронизаны и которое составляет их главную и горькую прелесть. Души в его стихах столько же, сколько ее было в нем самом, души сложной, затаенной, целиком направленной к добру, способной к ясновидению и самопожертвованию.

Когда я думаю о Яшвили, городские положения приходят в голову, коммюны, споры, общественные выступления, искрометное красноречие Яшвили на новых многотрудных пирушках.

Мысль о Табидзе наводит на стихи природы, в воображении встают сельские местности, приволье цветущей равнины, волны моря.

Плывут облака, и в один ряд с ними в отдалении строятся горы. И с ними сливается плотная и приземистая фигура улыбающегося поэта. У него немного подрагивающая походка. Он трясется всем телом, когда смеется. Вот он под-

sic. См. "Книжки" и т.д.

нялся, стал боком к столу и постучал ножом о бокал, чтобы произнести речь. От привычки поднимать одно плечо выше другого он кажется немного кособоком.

Стоит дом в Коджорах на углу дорожного поворота. Дорога подымается вдоль его фасада, а потом, обогнув дом, идет мимо его задней стены. Всех идущих и едущих по дороге видно из дома дважды.

Это разгар времени, когда, по остроумному замечанию Белого, торжество материализма упряднило на свете материю. Нечего есть, не во что одеваться. Кругом ничего осязаемого, одни идеи. Если мы не погибаем, это заслуги тифлиских друзей-чудотворцев, которые все время что-то достают и привозят, и неизвестно подо что снабжают нас денежными ссудами из издательства.

Мы в сборе, делимся новостями, ужинаем, что-нибудь друг другу читаем. Вечные прохлады точно пальчиками быстро перебирает серебристой листвою тополя, белобархатного с изнанки. Воздух, как слухами, переполнен одуряющими ароматами юга. И, как передок любой повозки на шкворне, ночь в высоте медленно поворачивает весь кузов своей звездной колмаги. А по дороге идут и едут арбы и машины, и каждого видно из дома дважды.

Или мы на Военно-Грузинской дороге, и в Боржоми, или в Абастумане. Или после поездок, красок, приключений и возлияний, мы, кто с чем, я с подбитым от падения глазом — в Бакурианах, в гостях у Леониды, самобытнейшего поэта, больше всех связанного с тайнами языка, на котором он пишет, и потому меньше всех поддающегося переводу.

Ночное пиршество на траве в лесу, красавица хозяйка, две маленькие очаровательные дочки. На другой день неожиданный приход мествире, бродячего народного импровизатора с вольницей, и величание экспромтом всего стола подряд, гостя за гостем, с подобающим каждому текстом и умением ухватиться за любой подвернувшийся повод для тоста, за мой подбитый глаз, например.

Или мы на море в Кобулетах, дожди и штормы, и в одной гостинице с нами Симон Чиковани, будущий мастер яркого живописного образа, тогда еще комсомолец. И над линией всех гор и горизонтов голова идущего рядом со мной улыбающегося поэта, и светлые признаки его непомерного дара, и тень грусти и судьбы на его улыбке. И если я еще раз прошусь с ним теперь на этих страницах, пусть будет это в его лице прощанием со всеми остальными воспоминаниями.

13/XII 1931

Т. и Н. А. ТАБИДЗЕ

Дорогие Тициан Табидзе и Нина Александровна, привет, привет Вам обоим; привет и поздравления с вероятной победой на жилищном фронте! Дорогой Тициан, как ни следовало бы радоваться за Вас (Вы ведь основательно сучали по своим и по Тифлису) — грустно без Вас. Георгий Ив. Чулков направляется в гости к Е. Е. Лансере и просил Ваш адрес: не заручась В./разрешением, дал его. Вероятно, будет с визитом к Вам и передаст поклонны. Тагер, Ел. Мих., передает что оба Вы, и Вы в особенности (я даже принялся доказывать ей достоинства Паоло) оставили петербуржцев совершенно очарованными и они долго потом и часто возвращались памятью к вечеру и к Вам; после нашего отъезда в Ленинграде открылось нечто вроде недели грузинской поэзии. Вас поняли и оценили: проверил моей любовью к Вам, — характеризовали правильно. На пренях по Асеевскому докладу Паоло говорил ярче и смелее всех, — общее мнение. Я опоздал, проспал доклад, пришел к концу и сделал ошибку, воспользовавшись мне первому данным словом. Доклада не слышал, не от чего было отгалькиваться и, говорят, был похож не на Вас, а как Вас Ниточка¹ изображает. Ничего не поняли, похлопали, простили. Сейчас едем вновь, на продолженье прений. М. б. поправлюсь и реабилитируюсь. Обнимаю Вас. Всем привет.

Зина целует Н. А. и Ниту и кланяется Вам.

¹ Ниточка — Танит Табидзе — дочь Тициана и Нины Табидзе.

14/II 1934

П. М. ФОЛЯНУ

Дорогой тов. Фолян!

Был очень рад Вашему письму, и если меня немного и пугают Ваши ожидания и кажутся несколько преждевременными, то Вы нисколько в этом не виноваты, потому что Вам, наверное, ничего не известно.

В наше время одни известия о смерти воспринимаются как относительные перемены в жизни умершего, да и то при некотором снисхождении к покойнику, все же остальное плывет мимо ушей, даже и дружеских.

Дело в том, что я в свое время писал Николаю Мицишвили и, кажется, Г. В. Бебутову² о сюрпризах, ожидавших меня дома по возвращении из Тифлиса, но по-видимому это осталось тайною адресатов. Дети переболели корью, скарлатиной и ветряной оспой, мальчиков разделяли, определяли в больницу, в квартире делали дезинфекцию и пр. пр. Когда в начале января наступил временный перерыв, я взялся за несколько подстрочников сразу, впрочем собственно тогда только и доставленных Гольцевым.

Когда умер Андрей Белый, мне нельзя было отказаться от непосредственного участия в организации похорон, улажении первых дел и пр., да это и соответствовало моим ощущениям. В конце января оргкомитету дали телеграмму о выезде бригады грузинских писателей, опять эти ожидания, к сожалению, ложные (они не приехали), меня близко коснулись; в те же дни продолжным сечением, способом открытой сапы стали подрывать для Московского метро двухэтажный дом, в котором я живу. Сначала я лишился сна от восхищения работою молодежи, дни и ночи производившей чудеса последовательного превращения знакомого двора во что-то среднее между немецким Эссеном и греческим Тартаром, вскоре же чудеса эти обернулись для меня другой стороной, когда черный ход забили, обвалили лестницу на чердак, и мой конец квартиры стал хозяйственным трактом для остальных соседей, находящихся, конечно, в худшем положении, нежели я, потому что в чайные обвала я могу требовать для себя квартиры с некоторой надеждой ее когда-нибудь получить, с их же стороны такие попытки обогатили бы только народный фольклор, являясь бескорыстнейшими образцами устного творчества, ни к чему практически не ведущими. За этими хлопотами о квартире, отнюдь небезвыходными, но и на строчку не подвигающими Важа Пшавела, приехали, к большой моей радости, семьи Табидзе и Мицишвили (Т. Т. болен гриппом и только завтра встанет с постели). Наконец, на днях заболела жена, как нам кажется (врач еще не определил), воспалением легких.

Все это я выписал нарочно для того, чтобы после всего этого Вам сказать, что если в отличие от только сидящих и болеющих кто и работает в республиках рассудку вопреки, наперекор стихии, так это: 1) рабочие метро, 2) я и 3) Гаприндашвили.

Все его подстрочники замечательные и кроме того он и сам еще замечательный поэт. К моему прискорбию у меня нет времени написать ему лично. Также хотел бы я написать Б. И. Корнееву³. Но эти письма меня далеко уведут, я вынужден писать комбинированные письма, где вместе и о деле и о жизни, и иногда пишу их в надежде, что второю своей частью они не останутся достойным одних получателей, а пойдут и дальше волною поклонов и передач, по сделанным в них указаниям. Но правда, все так заняты, что нельзя быть в претензии на Мицишвили, у него и самого голова кругом от тысячи разноречивых миссий, на него легших. То, что отделялось, посылалось ему, но при его недосуге рукописи попадают в положение порнографических открыток, которых никому не показывать. Так я перевел две вещи Чиковани и Абашидзе⁴ и если бы «На Рубеже» хотели ими воспользоваться, то можно бы, но я не знаю, известно ли это Б. И. и Г. В.

Мне очень бы хотелось в ответ на Ваше нетерпенье сказать Вам, что я за Важу еще не садился, но к крайнему сожалению я себе это удовольствие испортил тем фактом, что сверх нескольких вещей Надирадзе, Гришашвили, Гаприндашвили и Мицишвили (не считая вышеназванных Чиковани и Абашидзе) я еще перевел 200 — 300 строк Змееда.

Однако не делайте из этого опрометчивых выводов. Это несколько не значит, что этих строк завтра будет 350, а послезавтра 400. Так м. б. пошло бы дело, если бы Вы прислали мне на дом наряд Тифлисской милиции, которая перерезала бы телефонные провода, несла караул у дверей моей комнаты, ходила бы детям за молоком и пр. и пр. Вам хотелось бы Важу пригнать к съезду, издатели же современных антологий, обуреваемые теми же похвальными желаниями, рекомендуют мне временно отложить Важа Пшавелу во имя того же съезда и ради современников. Но ни Вы, ни они не хотите учесть того, что с немалым рвением готовятся к съезду самые всевозможные стороны жизни, и всех больше — микробы и бактерии, положившие именно до съезда, а никак не после, извести меня и угробить моих близких.

Я работаю над всем сразу, не гуляю, не читаю книг, два месяца не видел своего сына, живущего в 20 мин. езды от меня — что большего могу я сделать для Вас и Гуднашвили, которому я от души кланяюсь и согласию которого иллюстрировать книгу радуюсь как первой радости на протяжении этих 9 страниц.

Больше ничего не скажу. Крепко жму Вашу руку. Гаприндашвили же — молодец, и мне так нравится, что я прямо опасаюсь, не провел ли он эти 2 1/2 месяца так же пестро и бурно, как я.

Не откажите передать мой сердечный привет всем общим друзьям. Будьте здоровы.

Искренне уважающий Вас Б. Пастернак

Сделайте милость, доведите хоть часть рассказанного до сведения тех нескольких, которых я люблю, дружбою которых дорожу живейше и от невозможности написать которым очень страдаю.

¹ Фолья Паруйр Меликсетович был главным редактором «Закгиза», издававшего к первому Всесоюзному съезду писателей сборник «Поэты Грузии» в переводах Б. Пастернака и Н. Тихонова и «Змееда» Важа Пшавела в переводе Б. Пастернака. Письмо это на 10 страницах сохранилось в копии.

² Г. В. Бебутов — советский литературовед, впоследствии редактировавший последнее прижизненное издание Б. Пастернака — «Стихи о Грузии. Грузинские поэты» (Тбилиси, 1958 г.).

³ Б. И. Корнеев — критик, журналист, издательский работник.

⁴ Б. Пастернак перевел стихотворение И. Абашидзе «Баллада спасения».

Т. ТАБИДЗЕ

10/III 1935, вечер.

Дорогой Тициан!

Утром я проснулся в 8 часов. Зина говорит — все-таки я на твоём месте проводила бы Тициана. Я так и думал сделать. В начале десятого, ещё неумытый и неодетый, я позвонил Жанго, чтобы узнать точно, когда и с какого вокзала отходит Сочинский. Он сказал, что в 10. 30. А мне ещё надо было умыться и содрать все утренние условности. Я легко примирился с мыслью, что прозевал проводы: 1) Вы этого не хотели; 2) Вы ещё в сознании моём были здесь, отъезд ещё не совершился, мириться с фактами было ещё легко.

Дальше все пошло чрезвычайно глупо. За весь год я не помню более грустного и бездельного дня. Я присел за работу. Она не клеилась, все валилось из рук. От какой-то беспричинной грусти мной овладела сонливость, мне казалось, я за столом уснул. Я прилеж, провалялся с час, не засыпая. Потом пошел в город по делам. На Никольской встретил Паоло. Он сказал, что поезд отходит в 11 30. Я мог еще свидеться с Вами, на чудесном утреннем воздухе! От этого известия настроение мое не улучшилось. Из Гихла я пошел к Евг. Вл.¹ Она на меня в обиду, между нами произошел печальный разговор. Я вышел на Тверской бульвар, — посмотрел на часы: все еще 2 часа дня, серое северное предобеденное время, а грустных происшествий уже столько, что по ощущению пора бы уж и вечеру, а все — день.

Дома отдохнул, снова попробовал писать. Я вдруг совсем забыл, как это делают. Такой опустошенности я давно не испытывал. Тут я только понял, что Вы уехали, что мне не созвониться с Вами сегодня и Вас не увидеть.

Вы думали, Тициан, что Ваше пребывание понижает мою производительность. А как я, пока Вы были в Москве, работал!!! И вдруг точно все лишилось цели, серая обессливающая пустота.

Что же будет с работой, если это повторится завтра? Тициан, у меня к Вам просьба: может быть, в апреле я позволю себе короткий перерыв. Приготовьте и пришлите к этому времени несколько наиболее лирических своих подстрочников², типа переведенных, с природой и мегафорами, тряхните старинной в Известиях и Кр. Нови! Сделайте это, повернем время вспять, я опять как вначале, хочу немножко посидеть над Вами и Паоло. Пусть не обижает Вас, что эта просьба высказывается при наличии у меня неиспользованных Ваших подстрочников. Я прошу об этом без всякой логики и связи: может быть, несмотря на просьбу, я переведу что-либо именно из них. Но при беглом обзоре я под натиском нареканий, вызываемых моей собственной позицией, немного пугался откровенной глубины и сложности большинства из них. Сделайте это, Тициан. А может быть, и не делайте. Как хотите.

Мне трудно будет без Вас, я не скоро опять свыкнусь с Вашим отсутствием.

Прощайте, мой дорогой.

Поцелуйте Нину и Ниту. Я знаю, что Вы иногда будете думать обо мне: не

заставляйте себя писать мне, я знаю, как это нашему брату, писателю, трудно. Обнимаю Вас

Ваш Б.

1 Евгения Владимировна Муратова — первая жена Б. Пастернака.

2 С фонетикой (прим. Б. Пастернака).

Т. и Н. А. ТАБИДЗЕ

1/X 1936

Дорогие мои Тициан и Нина, опять Вы нас балуете. Пишу Вам из Переделкина (мы, наверное, будем тут зимовать), — пишу, не повидав еще Софьи Андреевны.¹

Что за роскошь в самом деле опять на нас свалилась! Целый фруктовый сад с вином в двух возрастах: детском и зрелом. Как же благодарить Вас за все это!

И не успели Вы, — догадываюсь я, — уложить корзинку и отвезти на вокзал милой и несравненной С. А., как к Вам, наверное, явился Витя Гольцев со словами: полюбуйтесь, до какого бездарного лепета докатился ваш Боря.

Нет, серьезно. Видели ли Вы что-нибудь подобное? Зина, а также и Евг. Влад., только головой покачали и отказались верить, что я отдам это в печать.

Нина, Нина! Тициан, мое золото, что со мной делается, милые мои? Откуда эта вода и скука и это бездушие и глупость, один ли я повинен в них? Скажу себе в оправданье, что ведь я отказывался, я знал, что до одоления освобождающей, развязывающей меня прозы, никакие стихи не будут в моем плане, долго-долго не будут, не в стихах я сейчас, а где-то далеко-далеко от них в стороне. Но что поделаешь! Объяснял я это Виктору, и ведь не дурак человек и приятель, а как горохом об стену!

Не успокаивайте меня, лучше дайте сам я Вас успокою. Тициан и Нина, не думайте, что я действительно кончился, что теперь все у меня пойдет в таком роде. Вы увидите, прозу я напишу, я дня два как вновь за нее взялся. Одно знаю, она будет живая. Здесь именно отыщутся те следы жизни, которой как будто не стало у меня со «Второго рожденья».

Да, но как можно было дать такой трехстопничек, такое птичье, пустоватое ти-ти-ти о Грузии? Какую мерзостью было так мало сказать о Паоло!² Дружите ли Вы с ним вновь по-старому? Ах, как бы я этого хотел! По отсылке этого рифмованного позора я целыми вечерами думал о нем. Я вспомнил его широту, благородство его проявлений по отношению ко мне в ответственные для души моей минуты. Какая безукоризненная пронизательность большого человека с большим сердцем и кругозором! Простит ли он мне легкость этих строк о себе (в них нет ничего дурного, но так ли надо было о нем говорить?), простит ли мои пересуды этого года? Ах, с каких мелких позиций судил я его! Я не в «позициях» расканиваю: более общепринятые ничуть не крупнее. Но как я смел его мерить такими ничего не говорящими мелочами. Я не изменился, я знаю: революция не в «Литературке», не в литорганизациях, не в соревновании в робости, а в крайних своих очертаниях и в центральных лицах. Она пока только в самом большом. Оттого-то и трудно: она станет жизнью, когда будет и в самом малом. И, конечно, — будет.

Я не изменился, говорю, но вдруг вспомнил по-настоящему Паоло, и не могу понять, что со мною было зимой, и кто мне дал право искать в нем перемены и их ему без основания приписывать. Меня тогда ослепила эта чертова дискуссия. В этом культурнопросветительном дурмане я вдруг забыл, что люблю его.

А Вы, Тициан? Воображаю, что Вы испытали, прочитав про водопад и так далее!³ И это в момент, когда появление Вашей книги освежает весь воздух в литературе, напоминает о поэзии, о том, что водились такие люди когда-то, поэты, и вот, как это ни невероятно, один еще уцелел, один на весь Союз. Честное слово, этой радостью делаются именно в таком духе.

¹ Софья Андреевна Толстая — внучка Л. Н. Толстого, жена С. Есенина.

² Имеется в виду цикл «Путевые записки» (лето 1936 года). Паоло Яшвили было посвящено стихотворение «За прошлого порог».

³ Имеется в виду стихотворение того же цикла «Немолчный плеск полей».

Письмо лежит себе и лежит, и я не знаю, почему его не отсылаю. Был в городе, звонил С. А., но не застал ее дома, и только просил передать ей нашу благодарность. Дребедени, содержащейся в этом письме, не придавайте особенного значения. С тех пор было много других волнений, и одно другое уравновешивает. Крепко целую Вас обоих и Ниту.

Ваш Б.

Н. А. ТАБИДЗЕ

[1938]

Знаете ли Вы, Нина, как я скучаю по Вас? Разлука с Вами, с Нитой, с вашей атмосферой, с разговорами, которые бы мы завели, только бы увиделись, сравнима только с тоской по сестрам и родителям, которых я не видел 15 лет.

Я всегда думал, что люблю Тициана, но я не знал, какое место, безотчетно и помимо моей воли, принадлежит ему в моей жизни. Я считал это чувством, и не знал, что это сказочный факт.

Сколько раз пировали мы, давали клятвы верности (тут присутствует, конечно, и бедный П.,¹ думаете ли Вы, что я его когда-нибудь забуду!), становились на ходули, преувеличивали! Сколько оснований бывало всегда бояться, что из сказанного ничего не окажется правдой. И вдруг насколько все оказалось горячей, кровнее!

Как слабо все было названо! Как необычайна действительная сила этой неотступной, сосущей, сумасшедшей связи!

Я вас часто вижу во сне, то Вас, то нас всех, то виденные вместе места в осложненном переплетенье с моими родными. Прошлой зимой, когда это было связано только с ужасом и страданием, я иногда просыпался в слезах и думал, что мне больно не моей собственной болью, а что я стал куском Вашего потрясения и частью Вас самой, и оттого это так сильно. Мне трудно объяснить это безумие.

Но теперь, слава Богу, это прошло. Я Вас ни о чем не спрашиваю. Хотя и несоизмеримо меньше Вас, я все же знаю достаточно, чтобы жить надеждой. Я знаю, что в каком-то высшем плане наше новое, выстраданное, временно отсроченное воссоединенье предreshено во всех подробностях, и наше дело только не погубить свиданье, то есть дожить до него. Я мог бы Вам писать об этом без конца, но это ни к чему.

Мне стало немножко труднее. В этом виноват только я сам. Восторженность вообще плохо давалась мне. За последние два года это стало выше моих сил — это понятно.

В самый канун нового 38-го года у меня родился мальчик. Зина родила его ровно в 12 ч. ночи, под звон столового стекла.

Я хотел назвать его Павлом² (эта жизнь не идет у меня из головы и сердца, надо ли мне Вас в этом уверять), но Зина даже заплакала, так ее испугало это сближение с образом горя и горечи и загадочного исхода, и отступив к ближайшему по близости, я назвал его в честь моего отца Леонидом.

Об остальном Вам расскажет Витя³. Честь и слава его сердцу, что он выжился повидать Вас, можете сказать ему.

Меня преследует мечта: я подписываю большой договор, получаю аванс, вылетаю на один день к Вам, провожу его с Вами, весь день слушаю Ваши рассказы, в свою очередь Вам что-то рассказываю и тем же способом возвращаюсь обратно. Но со мной не подписывают больших договоров. А все же? Допустимо ли это с Вашей стороны? Я не знаю, что по Вашим условиям вредно Вам или полезно, что можно и чего нельзя.

А если бы судьба закинула Вас с Нитой сюда к нам, в Лаврушинский пер., за № 17/19, кв. 72!! И какое счастье было бы, если бы Вы мне написали.

Целую Ваши руки.

Если увидите Тамару Георгиевну, изобразите ей это все.

Ваш Боря

¹ Паоло Яшвили.

² В честь Паоло Яшвили.

³ В. В. Гольцев.

[1939—1940]

Дорогая Нина!

Простите, что пишу Вам. Вас, наверное, не надо тревожить. Недавно, совсем недавно до меня дошел слух, будто Тициана нет в живых. Можете понять, что со мной сделалось. Но несколько часов тому назад мне сказали, что это предположение ложно и имеются доказательства противного. Я вернулся домой шатаюсь от радости, и пока пишу Вам, эта вера переходит в уверенность. Но удостоверьтесь ее. Скажите мне, что он живет, протелеграфируйте или напишите.

Нина, Нина, вот что мне надо от Вас! Чтобы во всех обстоятельствах, какие бы ни послало нам небо, Вы знали и помнили, что весь я и вся моя жизнь и разумные принадлежат Вам и Ните, и ими располагали. В те три несчастных дня, что я старался поверить страшному слуху, я узнал, что это было бы для меня не только беспредельным горем, но и такой переменной во всей моей жизни, после которой ни одна из ее радостей не стала бы мне мила, потому что их не с кем было бы разделить. Я любил мысль, что живу для него, а он для меня, и если бы что случилось, все будущее бы обесмыслилось. Нина, я не знаю, что пишу Вам. Но надежда не оставляет меня.

Ваш Боря

24/XI 1940

Н. А. ТАБИДЗЕ

Простите, дорогая Нина, что я так давно не писал Вам. У меня лежит начало Вам письмо от 14-го, но начну новое. Но помимо этого я виноват перед Вами в том, что не поблагодарил Вас сразу за последнее письмо. Я в открытке назвал Вам причину: я долго не знал о приезде Андрониковых¹ и о том, что они приехали письмом от Вас.

Теперь о письме. Меня огорчает, Нина, что Вы мучаете и взвинчиваете себя по ложным поводам. Зачем Вы рвете письма ко мне, и пишете по несколько раз, и ставите себе какую-то цель, и не довольствуетесь выраженьем. Нет кругом меня почти людей, с кем у меня все было бы так близко и просто, как с Вами. Грубые вещи связали меня с Вами: горе и гордость.

Здесь давно уже находятся Симон с Марийкой. Мы несколько раз встречались. У каждого из них свои достоинства, я люблю обоих, и если они захотят, они при своем уме и наблюдательности смогут Вам много рассказать про меня и Зину и литературную жизнь, и жизнь вообще и т. д. и т. д. У него здесь был вечер, прошедший с большим успехом. Скажите им, что я Вам об этом писал, — им будет приятно, а они заслужили это перед Вами.

Я нарочно не поручу ничего передать Вам, кроме поклона, чтобы не направлять их рассказов. Они хорошо знают оба, что Тициан и Вы дороже всех мне на свете.

Меня так и подмывает поехать вместе с ними и с Витей, чтобы повидать Вас. Но я боюсь уезжать. Я сдал Гамлета в театр (он пойдет в Художественном), и я могу каждую минуту им потребоваться. Тем более, что ведь Вы-то приедете к нам, не правда ли?

Простите, что так пачкаю письмо: рука еле слушается меня, так часто стали мы ходить в гости в последние ночи (это опять Вам материал для Чиковани). Скажите, что я писал Вам после встречи с ним у Гольцева, и что он, Симон: «в моде сейчас и — гвоздь нашего сезона». Милая Нина, мне хотелось бы пошептать Вас чем-нибудь или рассказать Вам что-нибудь веселое, но у меня болит голова и это не выйдет. Приезжайте, приезжайте: мне столько надо Вам сказать и рассказать.

Прощайте, дорогой мой друг, целую Вас. С Тицианом и Вами я точно и не расставался, и мне надо сдерживаться, чтобы мои письма к Вам не казались любовными и не вызывали смеха. Прощайте, дорогой друг.

Р. С. Когда Ч. и Витя² начнут рассказывать Вам обо мне, сделайте гордое лицо и скажите: «Я все знаю. Он мне пишет ежедневно». Поцелуйте Ниту. Я часть жизни отдал бы, чтобы Вам было лучше. Я Вас боготворю.

Ваш Б. П.

¹ И. Л. Андроников и его жена В. А. Андроникова.

² Чиковани и В. Гольцев.

Нина, с Новым годом! Я люблю Вас крепко-крепко, и когда Вы не находите следов этого в моих письмах, значит их писала усталость, отчаянье или торопливость. Я очень жалею, что написал Вам на днях второпях и между делом.

Сейчас я вернулся из города и от усталости засыпаю за письмом, хотя в то же время Вы все время перед моими глазами. Нина, вы человек такой **важности** в моей жизни, что у меня иногда такое чувство, что я люблю Зину потому, что Вы мне это позволили.

Постепенно все в городе улаживается. На меня еще будут валиться всякие шишки, но в основе ко мне чудное отношение и, вообще, я, конечно, страшно счастливый человек.

Я это пишу Вам, т. к. знаю, что это счастье когда-либо разделю с Вами и с Т¹., что мы как-нибудь вчетвером, с гостями еще когда-нибудь пообедаем всем пережитым, вкусно, красиво, в течение целой летней ночи, или нескольких, и будем друг у друга гостить, счастливо, уютно, отдохновенно!

Тицан жив и где-то совсем недалеко и ждать остается все меньше и меньше. Т. лицо коренное моего существования, он бог моей жизни, в греческом и мифологическом смысле. Мне кажется, я не мог бы быть таким счастливым, так любить Вас, занимать такое место во времени и ждать еще так много для себя впереди, если бы Т. еще **не предстоял мне**.

Простите, Ниночка, что я так свободно фантазирую и орудную таким трудным и святым и кровным, как наша невымышленная жизнь. Честное слово, это не легкомыслие и я пишу сквозь слезы.

Итак присоедините и мой горячий вздох к тому теплу, что Вы с друзьями надышали в новогоднюю ночь. Пусть это будет воистину встречей.

Ваш, самый преданный Вам и Ните и всему Вашему Б. П.

Р. С. В 1941 г. дела пойдут лучше, вот увидите.

¹ Т. Табидзе.

Т. Т. ТАБИДЗЕ

6/П 1941

Дорогая Нита!

Как бы мне хотелось посмотреть на Вас. Я бы Вас, наверно, совсем не узнал. Из одного мамина письма я заключил, но, может быть, ошибочно, и тогда Вы меня простите, что неясность будущего и однообразие настоящего иногда надламывают Ваши силы своей видимой пустотой. Я по старшему сыну знаю об этих вещах, и не сердитесь, что решил написать Вам.

Нита, Вас насильно разлучили с отцом, и **таким** отцом, и вот Вы выросли и не погибли. С нравственной стороны вы уже почти готовый герой, Вы часть героической истории и порождение героизма. Вам ли унывать?

Все Ваши лишения окупятся сторицею. И главное: все мы верим, что первая из радостей, предстоящих Вам, это встреча с папою, его возвращенье. Стоит ли и надо ли говорить об остальных?

Во всяком случае знайте. Только надежда застать часть Вашего ослепительного будущего — живого, разнообразного, богатого событиями, нравственно оправданного и беспредельного по одухотворению, заставляет нас, усталых и состарившихся, цепляться за жизнь и ценить и желать ее в любых ее формах. Как это ни далеко, все далекое станет когда-нибудь близко.

Ваш Б. П.

Н. А. ТАБИДЗЕ

21/П 1941

...Вас должно было удивить, что я ни словом не отозвался на смерть Гаприндашвили. Между тем это не случайно. Мои мысли о нем слишком близки к моим мыслям о самом себе, хотя его, бедного, уже нет, а я жив и продолжаю отделять скандальность своего положения. Хотя как будто бы мы не похожи, но в обоих случаях та же душевная собранность, та же глубина глаза, та же способ-

ность и желание переписать все окружающее в образах, и та же в конце концов
никчемность и неурочность даром пропавшей жизни.

Нина, у меня к Вам просьба. Летом у меня были от вашего русского театра
в Тифлисе, и взяли текст Гамлета для предполагаемой постановки. Не могли ли
бы Вы узнать как-нибудь стороной, отчего это у них расстроилось (иначе я бы
знал об их работах).

Напишите мне об этом, как узнаете, не щадя меня.

Странное письмо, Нина, не правда ли? Подумайте перед тем, как будете от-
вечать. Не пишите мне успокоительных пустяков, но если у Вас есть мысли на
этот счет, поделитесь со мною. Целую Вас. Ваш Боря.

Н. А. ТАБИДЗЕ

9/V 1941

Дорогая Нина!

Горячо благодарю Вас за новое письмо, а вдову Гаприндашвили за сонет,
доставивший мне большую радость. Осталась ли у ней копия? А то я перепишу
его, и, если ей нужно, верну автограф, который я очень хотел бы все же оставить
у себя. Если говорить совершенно прямо, то начало сонета чудесно, а на остальных
частях лежит печать ритмической условности, свойственной этой форме, кото-
рой не побеждал даже Бальмонт. Итак еще раз, передайте ей мое искреннее
соболезнование и глубокую благодарность.

Ниночка, мы видели обоих Леонидзе, вот как это случилось. Я вообще не
знал, что Евфимия Александровна в Москве, а насчет Гоглы думал, что он пробудет
еще долго. У меня была спешная работа, а последние дни работал даже но-
чами, и когда ее кончил, поехал вечером в Москву. Оказалось, они на другой
день уезжают и дают прощальный банкет в 12 ч. ночи в «Арагве». Там мы и
увиделись. Я давно-давно не встречался с ними так принужденно, радостно и
задушевно. Ужин стоил им, наверное, несколько тысяч, но им, наверное, было
страшно скучно. Я чувствовал себя как дома и вел себя страшным нахалом,
говорил все, что приходило в голову... Мне было очень хорошо с Гоглой и он
был очень прост и естественен, а я чувствовал себя совершенно счастливым вот
почему. У меня опять настроенье, как прошлой осенью, я буду осязательно пи-
сать свое, и уже этим занят. Какие-то тонкие стороны (в отношении к искусству
и жизни) ожили во мне, которых Вы уже не застали, я таким был еще до первой
женитьбы. Вы кланяйтесь обоим Леонидзе, я очень, очень хочу их видеть, и знаю,
что мы скоро встретимся.

О каких стихах Вы говорите, Нина, когда просите их прислать? У меня
вышла только книга избранных переводов, я Вам ее и вышлю. Там стоит внима-
нья только отдел «Мелкие переложенья», остальное очень старые работы
(Пр. Гамбургский 1918 г. Ганс Сакс 1919, а напечатанный отдельной книжеч-
кой «Разбитый кувшин» даже 1914 г.).

Нина, обязательно и в этом году приезжайте отдохнуть к нам. Когда назо-
вешь Вас, Леничка тотчас переспрашивает: «Какая Нина, моя?» — в отличие от
Фединской. Так он и привык, и называет Вас моя Нина и генацвале. Посылаю
Вам его карточку, покажите Ните и кланяйтесь ей. Выздоровели ли Вы? Крепко
Вас целую. Адику операции не делают. Он очень худеет.

Ваш Боря

Г. Н. ЛЕОНИДЗЕ

20/V 1941

Дорогой Гогла!

Как глаза Евфимии Александровны, и как вообще она себя чувствует?

Я много думаю о Вас в последнее время. Недавно на дачу переехала Зина
и привезла Вашу ростовскую телеграмму. Милая мысль послать ее, может быть,
пришла Вам в голову в ту самую минуту, как я писал Нине и, наверное, что-ни-
будь рассказал ей о нашей встрече, потому что, помню, собирался.

От души желаю здоровья Вам и всем в семье у Вас. Мне кажется, лично Вам
полезна та же самая погода, что и мне. Желаю Вам лета, подобного книге, чтобы
мир можно было еще раз пережить обязательно с самого основания. У Вас и у
меня очень много друзей, людей милых и достойных, но среди них почти нет
художников.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак

20/III 1942

Дорогая Нина! Возобновление переписки с Вами равносильно возвращению в Москву или во всю свою жизнь целым из одной незначительной и приближенной ее части. И вот оно совершится!

Где Вы и что Вы, где Нита, жива ли Ваша матушка, что слышно о Тициане? Известно ли Вам, что в его положении с декабря попал в Москве Генрих Густавович? Адик с конца сентября лежит со своей санаторией в Нижнем Уфалее на Урале, Чистополь не на железной дороге, и мы все время отрезаны от него. Он очень плох. У него открылся туберкулез позвоночника. Нога в таком состоянии, что не исключена возможность полной ее ампутации. Однако сохранит ли эта жертва, — если ее придется принести, ему жизнь? Зина в это не верит. Для меня, для нее, и кого ни возьмете, Адик это предмет бесконечных слез. Знаете что, напишите ему, Ваше письмо будет для него большой радостью: множество знакомых пишет ему отсюда, из Москвы и из Ташкента. Он очень изменился, стал глубоким и задумчивым и пишет чудесные письма. Разумеется, не касайтесь истины в ее неприкрытом мраке, как я Вам ее сообщаю. Но в более смягченном виде она известна ему.

Мы с Зиной весной к нему поедом. Мне надо будет съездить и в Москву. Какал из этих поездок будет позже, какая раньше, я пока не знаю. Его адрес: Нижний Уфалей, Челябинской области, санаторий Красная Роза, Адриану Нейгаузу.

Зина служит в Литфонде сестрой-хозяйкой детдома, в котором воспитывается Леничка. Стасик тоже тут, в интернате старших возрастов. Тут в Чистополе вместе со мною Федин и Леонов, еще раньше, в летние месяцы сюда переехали Асеев и Трнев. Осенью в соседнем городе Елабуге на Каме повесилась Марина Цветаева. Если бы она продержалась только месяц, подыхали бы я и Константин Александрович, и обеспечили бы ей то же существование, которым пользовались сами. Она бы с грехом пополам работала, как мы, участвовала бы в учрежденных нами литературных собраниях и жила в Чистополе, где ее не прописывали и куда она рвалась из глухой Елабуги (кстати: ведь я тут когда-то жил в 1915 году, все мои Камы и Уралы были тут поблизости!). Для меня останется навсегда неразрешимой загадкой, как могло ее положение быть без выхода и облегченья рядом и с ведома Трнева и Асеева, лауреатов с премиями и общественным влияньем, одинаково ее ценивших. Она была поэтом гениальных возможностей. Я так близко знал и любил самое существо ее самой и ее судьбы, что хотя я был в Москве, а это было тут на Каме, и я ничего не знал и между этим нет никакой связи, все равно, единственный виновник этого горького попустительства я сам.

Знаете ли Вы о смерти Афиногенова? Он и она работали в информбюро и до последней минуты оставались в Москве, а потом вместе со службой эвакуировались в Куйбышев. Обоих с семьей командировали на радиоработу в Америку. Из Куйбышева Александр Николаевич вылетел в Москву за требующимися для поездки документами. Это было в ноябре. В тот момент, когда он вошел в помещенье, где находились его бумаги, в здание попала фугасная бомба, снесла его до основанья и А. Н. был убит. Помните его, молодой, талантливый, красивый? Все у них было впереди.

Через месяц, если я не обманусь в расчетах, я смогу Вам послать немного денег. Однако если у Вас большие трудности, сообщите мне о них немедленно, и я сделаю это без особого неудобства и сейчас. Крепко целую Вас и Ниту. Как долго думал я о Вас, прежде чем написал!

Ваш Боря

Мой адрес: Татарская АССР, г. Чистополь, ул. Володарского, 75, кв. Вавиловых.

Н. А. ТАБИДЗЕ

10/XII 1942

Дорогая Нина!

Если это письмо придет до встречи Нового года, то желаю Вам встретить его здоровой и благополучной, и чтобы все было в порядке у Вас и в Нитиной семье.

Не могу себе простить, что до сих пор не поблагодарил Вас за этот огром-

ный яблочный совхоз. Что ж это будет, Ниночка?! Я перевожу Вам совершенно ерунду на папиросы, если Вы еще не бросили курить, а в ответ Вы мне посылаете на две тысячи шафранного рванета!!

От Вас я имел письмо в одну страницу в начале осени. Потом я уезжал на фронт. Тем временем, по слухам, была от Вас ко мне телеграмма. Мне ее не передали. Такие вещи мыслимы, потому что все эти месяцы я, Зина, Леничка и Стасик находимся на четырех разных и к тому же еще меняющихся бивуаках. — напр. Зина вначале жила у Погодиных, а потом у Трневых, а я у брата Ал. Леон., а последние 2—3 месяца у Асмусов. Это оттого, что квартира в Лаврушином была разорена и наполовину занята зенитчиками... Каких трудов стоило их выселить! Теперь Зина больше месяца уже там (в нижней половине квартиры), и на днях, когда поставят телефон, переселюсь и я.

Когда я вернулся с фронта, то не застал Зины в Москве. Она ездила в Свердловск за Адиком, чтобы перевезти его в Моск. туб. институт. Ваши яблочки пришли накануне их приезда и все достались ему, бедному. Он без одной ноги и страшно худ. У него также туберкулез позвоночника с постоянными нагноениями. Ему делают частые разрезы, переливание крови. Зину это несчастие страшно иссушило и состарило.

Приехали Евг. Вл. и Женя. Он лейтенант, в воен. академии, изучает танкостроение и на хорошем счету.

...Ниночка, скажите Гогле, что меня два раза просили из «Правды» перевести его стихи. Первое не показалось мне интересным. Второе **очень хорошо**, но перевести мне, значит утверждать себя на вторичных, подчиненных позициях, что при нынешней обострившейся борьбе за существование и двойственности моего бытового положения для меня вредно, чтобы не сказать гибельно. Пусть Георгий Николаевич простит меня и верит, что я когда-нибудь, если Бог даст мы будем живы, представлю его с тем же вниманием и любовью, как когда-то.

А теперь о Вас. Напишите мне, Ниночка. Мне, конечно, корыстно и эгоистически хочется, чтобы Вы были здоровы и крепки и жили долго. Во-первых, те же усилия прилагаю и я, и мне хочется встретиться с Вами в этих стараниях. Но кроме того все неопишное и неслыханное, что легло на наши плечи, все незапамятные золотые радости и все загадки, трагедии и недоразумения, все это делалось ради людей, ради многолюдного молодого множества, от которых мы когда-нибудь узнаем, чего не знали, и которым многое должны будем рассказать. И до этого надо дожить, Нина.

Если Вас может удовлетворить это равенство, Вы мне близкий и родной человек, как самые мои близкие. Вы член моей семьи и тем преступнее, что я о вас не забочусь. Еще раз с Новым годом. Целую Вас и Ниту. Ваш Борис.

Н. А. ТАБИДЗЕ

30/III 1944

Дорогой мой друг Нина, целую, целую, целую Вас. В своем письме я Вас искренне просил простить меня уже и за то, что я так далеко от Вас в это трудное время в пространстве, в своих заботах, в возможной помощи. А о том, чтобы Вам еще и тратиться на нас, да еще так крупно, как Вы это умеете, безумная душа, — как можно это позволять и об этом думать. И только я это Вам написал, как Вы послали целый караван товаров. И только я отошел от этого обморока, как пришел посыльный с чаем, пудом винных ягод и шампанским от Вас! Я не мог с должной любезностью поблагодарить лицо, столь благородно таившее в Москву эти тяжести при неудобстве нынешнего сообщения, потому что имя профессора у Вас написано не вполне разборчиво, а посыльный из гостиницы не знал его фамилии. У профессора сложится об мне мнение, как о неблагодарном грубияне. Так же не выгодно расскажет Вам, наверно, обо мне Верико Анджапаридзе, с которой я как-то оказался рядом в темноте театральных кресел. Я очень много работаю последнее время, отчего и лишен счастья и возможности писать Вам. Я часто переутомляюсь. Это внешне старит меня и делает рассеянным. Таким меня увидела Верико. Я не сразу узнал ее. Узнав, не сразу вспомнил, кто она и ее имя. Все это должно было произвести на нее жалкое и дурацкое впечатление. А в передаче она имела право еще это и преувеличить.

Дальше позвольте мне писать с полным эгоизмом, на который я имею право. Тициан для меня лучший образ моей собственной жизни, это мое отношение к земле и поэзии, приснившееся мне в самом счастливом сне, он для меня почти то же, что для Вас. Когда я прочел из Ваших строк, что он жив, мой долг

сознаться Вам, что я не в состоянии верить этому счастью. Как раз в последние годы, и особенно военными зимами, мне показалось, и я примирился с мыслью, что я живу в большом, большом помещении, называемом миром, где его больше нет. Это совершенно видоизменило для меня действительность. С этого сознания началось именно то, что могла заметить во мне Верико. Я стал суше, мужественнее, отчетливее. Но у этого не одни дурные стороны. Эта горечь дисциплинировала меня. Если бы это было на Кавказе, я бы сказал, что складочна мстительности легла на мое лицо и чуть-чуть подсушила его. Но так как я другой и по роду своей деятельности сам нахожусь под действием смягчающей силы, учащей всепрощенью, то наоборот. Допущение этой утраты прибавило мне еще какой-то вершок нравственного роста и сделало молчаливым и деятельным, точно я сделался чем-то вроде «брата милосердия», поглощенным работой и угрюмым.

Если то, что Вы пишете, имеет под собою хоть какое-нибудь вероятие, счастье или милость божия еще безмернее, чем и без того они на каждом шагу меня поражают. Так же просто я не в силах это принять, я к этому неподрочен.

Нина, милая, простите, что я пишу все это Вам. Это, вероятно, чудовищно раздирать на куски живое мясо, Вас, себя и в каком-то смысле его. Страшно и то, что я позволил себе заговорить об этом так налету, второпях. Но это потому, что **все равно** его и Ваша жизнь, по месту в истории и природе, по сделанному, по проявленному — поэма. В любом варианте, при любых условиях! И моя. И все равно она в слезах, от счастья ли или от горя. Простите. Крепко обнимаю Вас. Ваш

Боря

С. И. ЧИКОВАНИ

24/IX 1945

Дорогой Симон! Кучу всего отправил Вам сегодня: заказным письмом Ба- раташвили, телеграмму об этом и вот эту открытку. Сейчас я подумал «Судьба Грузии» в московском издании очень хороша. Ее сделал покойный Валериян под «Кавказского пленника» или «Бахч. фонтан» так, как не делает никто у нас, неплохое вступление Антокольского. Надо ли мне это делать? Ведь я на это потрачу время, труд. Мож. быть, удовольствоваться сделанным? Немедленно телеграфируйте мне, что Вы думаете.

Ваш Б. П.

Н. А. ТАБИДЗЕ

1/XI 1945

Дорогая Ниночка! Видите, какой я скупой, — я Вам пишу не на Тициановой бумаге. Я перед Вами виноват со многих сторон. Во-первых, я Вас должным образом не поблагодарил за Ваши подарки и в предотвездной суете недостаточно оценил их многочисленность и размеры. Когда теперь дома я все распаковал, я пришел в ужас и готов был сорваться со стыда. Ведь те конейки, которые я Вам оставил, ушли все на эту роскошь, которая до слез растрогала Зину и заставила Леничку прыгать от радости и признательности. Как я это допустил и второпях ничего не сказал Вам об этом! Правда, правда, не только мне тяжело и совестно перед Вами, но я убежден, что в глубине души и Вы должны быть недовольны и огорчены рассеянностью и невнимательностью моих последних дней. Второе: когда 29-го, в понедельник среди дня я узнал, что мы не летим, (помните, это было после ночи у Леонидзе), для меня было установлено, что последний вечер я проведу у себя спокойно, и обязательно еще раз повидаяюсь с Вами. Но так случилось, что меня насильно увезли в Сагурамо и в Тбилиси я попал только в 3 ч. ночи, за 2 часа до выезда на аэродром. В Сагурамо я приехал совершенным трупом, но рад поездке. На обратном пути Евфимия Александровна много пела и научила меня одной чудной, путаной, лабиринтоподобной мингрельской песне (ой радо), которую я все время напевая про себя, когда думаю о ней, о Вас, и об этих сказочных двух неделях. Еще раз страшно жалею, что не застал в городе Ниточки. Кланяйтесь ей.

Теперь что мне сказать Вам, Нина? Вот я побывал опять у Вас и все то, что я ощутил и понял давно когда-то, осталось, упростилось и усилилось: победившее оказалось победившим, редкое стало единственным.

...Я с кровью отрывал себя от Вас и от двух близких и родных мне семей, Симона и Гоглы; и от места на асфальте против гостиницы, где долго стоял виллис Симона, и Евфимия пела, и мы прощались. Я и бедный Степанов не получили кресел в самолете и сидели на чемоданах, а эти ба-

В редакции литературной газеты «На рубеже Востока» (Тбилиси 1933).
Справа налево (сидят): Б. Пастернак, Б. Корнеев; стоят: А. Гатов, Н. Тихонов,
В. Каверин, П. Павленко, Г. Бебутов.

Фото В. Тархова.

бы все время занимали у меня деньги и жадно скупали все, что можно было по дороге, и потом их всем этим рвало. Я приехал, не предупредив Зины телеграммой. Она оказалась в Переделкине, Стасик — в консерватории, у меня не было ключа от квартиры, я отдал вещи соседям и пошел к Жене на Тверской бульвар. Оказалось, и там сборы. Жена на рассвете должен был отправляться в лагерь. Я шел по Москве с мингрельской песней в душе и тою тяжестью, какая бывает в молодости от насильственной и преждевременной разлуки с дорогими людьми или местами. Я шел и думал: «Зачем я уехал оттуда?» Или еще лучше, — я шел и сознавал, что я вернулся в Москву только по видимости, только одними ногами, душою же и сердцем остался на кусочке ночного асфальта, там, недалеко от Вас, против гостиницы, вплотером с обоими Чиковани и Леонидзе.

Я пишу Вам из Переделкина, куда только что приехал. Все здоровы, благодарят Вас и кланяются Вам. Зина уехала в город заниматься ремонтом (он все еще не кончен), на даче совершенно нет дров, и тем временем, как я начал Вам писать, погасло электричество. Но все, бог даст, уладится. Завтра же я возьмусь за основную, рядовую мою работу, начну переводить Макбета или Лира. Мне было очень хорошо у Вас в Тбилиси. Когда я сердился, что пиры ночь за ночью и мне не оставляют времени передохнуть, дело было не в здоровье, — я оказался ночной птицей и отлично это переношу, дело было в том, что надо мне было дать побыть побольше одному, и я бы тогда действительно дал что-то на своих вечерах и в разговорах с друзьями при встречах. А так я получил целый мир впечатлений и, так сказать, все время купался в целом море теплоты, ничем не ответив взамен. Теперь по этому поводу у меня запоздалые невольные угрызенья.

Я верю, что с божьей помощью попаду весной к Вам опять. Я это сделаю в том случае, если плодотворно проработаю зиму, приготовлю расширенную, пополненную Шекспиром и новыми вещами программу и дам несколько больших вечеров в Ленинграде, Москве и у Вас. Пожелайте мне, значит, усидчивости и успешной работы зимой. Еще раз спасибо, дорогой мой друг, за все, что мне дали встречи с Вами, за то, что есть угол переулка на земле, где можно из-под тенистого дерева вечером крикнуть «Нина!» вверх в окно, и так безмерно много ощутить в ту одну минуту, когда оно откроется. Вероятно, я сегодня это напишу Симону и Гогле, а пока кланяйтесь всем и всех поцелуйте.

Ваш Боря

Окончание следует

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Серги ЧИЛАЯ,

секретарь Союза писателей Грузии.

Накануне съезда писателей Грузии

Писатели Грузии готовятся к своему очередному шестому съезду. На нем мы не только будем говорить о новых задачах, намечать программу дальнейшего развития современной грузинской литературы, но и подводить итоги пройденного. За семь лет полнокровной творческой жизни, которые отделяют нас от последнего съезда писателей, в грузинской литературе появилось немало ярких произведений, изменилась расстановка творческих сил, заметно омолодился писательский отряд нашей республики.

За эти годы сформировался талант и отточилось мастерство многих из тех авторов, которые на предыдущем съезде были лишь упомянуты в числе подающих надежды и многообещающих. Сейчас их произведения — в основном интересные и примечательные — послужат поводом для серьезного разбора.

Маститые художники слова тоже придут на съезд с солидным багажом новых произведений — прозаических, поэтических, драматургических, — завоевавших признание и популярность у читателей.

Значительным явлением культурной жизни нашей республики было первое признание премий имени Шота Руставели за лучшие произведения литературы и искусства Грузии. Этой высокой награды, как известно, удостоены такие замечательные деятели нашей литературы, как К. Гамсахурдиа за роман «Десница великого мастера» и И. Абашидзе за цикл стихов «По следам Руставели», а также художник Ладо Гудиашвили и скульптор Э. Амашукели.

Вся подготовительная работа к предстоящему съезду писателей Грузии проходит под знаком достойной встречи двух больших дат — 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина и 50-летия Великого Октября.

Сейчас многие видные поэты и прозаики Грузии работают над новыми романами, поэмами и большими циклами стихов на историко-революционную тему и на темы нашей современности.

Все эти произведения до издания будут заслушаны и обсуждены на заседаниях творческих секций.

Около тридцати драматургов и кинодраматургов вовлечены в работу над новыми пьесами и киносценариями. Критики и литературоведы пишут интересные работы, посвященные узловым проблемам развития советской литературы. Институт истории грузинской литературы имени Шота Руставели готовит к юбилейным датам шестой том истории грузинской литературы, посвященный процессу формирования грузинской советской литературы, а также очерки истории грузинской литературы, которые будут изданы в двух томах в 1967 году Институтом мировой литературы имени Горького в Москве.

В планах республиканских издательств предусмотрен выпуск серии лучших произведений грузинской художественной прозы и поэзии, созданных за годы Советской власти и отображающих важнейшие этапы развития нашего советского общества.

Обсудив организационные вопросы подготовки к съезду, Президиум и пленум правления Союза писателей Грузии утвердили следующий порядок дня съезда: отчетный доклад секретаря Союза писателей Грузии И. Абашидзе, в котором будут поставлены основные задачи развития современной грузинской литературы, доклад ревизионной комиссии (докладчик Борис Чхендзе), переборы правления и ревизионной комиссии Союза писателей Грузии, выборы делегатов на Всесоюзный съезд писателей.

Отчетно-выборные собрания будут проведены предварительно в отделениях Союза писателей Грузии — в Абхазии, Аджарии и Юго-Осетии.

В преддверии съезда в городах, селах и районных центрах республики состоятся литературные вечера, на которых писатели встретятся со своими читателями.

47
С 15 января 1966 года намечается проведение заседаний творческих секций — прозы, поэзии, драматургии, критики, детской литературы, художественного перевода, русской и армянской литературы. Помимо отчета их руководителей о проделанной работе, на них будет проведено обсуждение самых значительных произведений последних лет и выборы делегатов на съезд.

На съезд мы предполагаем пригласить писателей из всех союзных республик, а также членов других творческих союзов — художников, композиторов, работников кино, представителей Министерства культуры и Министерства просвещения, поскольку на съезде очень широко будут обсуждаться проблемы преподавания литературы в школах и вузах.

Съезд писателей Грузии — событие крупное и значительное в творческой жизни нашей республики.

Руставелевский год

Новый 1966 год — год большого литературного юбилея: 800-летия со дня рождения великого грузинского поэта Шота Руставели, торжественное празднование которого по решению Всемирного Совета Мира пройдет по всему земному шару.

Заместитель ответственного секретаря Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 800-летия со дня рождения Ш. Руставели — Н. Микава рассказал нам о планах работы комитета, о мероприятиях, которые намечено провести в течение юбилейного года.

5 октября 1966 года состоится торжественное заседание в Государственном академическом Большом театре Союза ССР.

В выставочном зале Манеж организуется выставка «Грузинская культура с XII века до наших дней».

Этому будут предшествовать торжественные вечера в республиканских и областных центрах, на предприятиях, в колхозах и учебных заведениях, которые пройдут в сентябре 1966 года.

В Тбилиси пройдет расширенный юбилейный пленум Правления Союза писателей СССР, на котором будут присутствовать около трехсот представителей Союзов писателей всех братских республик. В Тбилиси же намечено проведение международного симпозиума деятелей культуры, на который приглашаются видные поэты мира (около ста человек). Главная тема симпозиума — современная поэзия.

В центральных газетах, союзных и республиканских журналах будут систематически публиковаться статьи о Шота Руставели, его времени и его поэме, информации о подготовке к юбилею.

В Институте мировой литературы имени Горького состоится научная сессия, посвященная Ш. Руставели. Организуется выставка в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, устраиваются литературные чтения, вечера.

Будут сниматься художественные и документальные фильмы на сюжеты поэмы «Витязь в тигровой шкуре», о материальной и духовной культуре эпохи Руставели, о памятных местах, связанных с жизнью и именем великого поэта.

В Москве, Ленинграде, на Волге, в Братске пройдут вечера грузинских и русских поэтов. В июне 1966 года в Москве в Центральном Доме литераторов состоится вечер, посвященный жизни и творчеству Шота Руставели.

Для увековечения памяти Шота Руставели намечается установить в Москве на улице Руставели памятник-бюст Шота Руставели, а также присвоить имя Шота Руставели одному из пассажирских теплоходов, курсирующих по Черному морю.

К юбилейным торжествам намечается издание поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Н. Заболоцкого в издательствах «Художественная литература» и «Советский писатель» (в малой серии «Библиотеки поэта») и книги стихов Ир. Абашидзе «По следам Руставели».

Издательство «Знание» выпускает очерк о жизни и творчестве Руставели, а издательство «Книга» — труд А. И. Бабаяна «Шота Руставели» — краткий библиографический словарь (1712—1962 гг.).

Союз писателей Грузии готовит к изданию брошюру «Шота Руставели и его эпоха» на французском, английском, испанском и немецком языках.

Этери ДУМБАДЗЕ

Жемчужина грузинского балета

Иногда премьера спектакля, возобновленного после длительного перерыва, вызывает более сложный комплекс чувств и мыслей, нежели знакомство с совершенно новым произведением. Здесь и радость узнавания, воскрешение забытых образов, и оценка нововведений, и сравнение прежних переживаний с нынешними. Наконец, появляется возможность соотнести данное произведение не только с предшествующими ему, но и с предыдущими, определить его место как в общем потоке развития искусства, так и конкретно в творчестве жизни коллектива, где оно родилось.

Все это непосредственно относится к возобновлению на сцене Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили балета «Синатле».

Балет этот был создан выдающимся советским хореографом В. Чабукиани в сотрудничестве с либреттистом О. Эгадзе, композитором Гр. Киладзе и художником С. Кобуладзе в первые послевоенные годы, в сезон 1946—47 гг.

Либретто В. Чабукиани и О. Эгадзе написано по мотивам пьесы И. Гедеванишвили, которая основывается, в свою очередь, на народной грузинской сказке, повествующей о борьбе добра со злом, света с мраком, о торжестве светлого начала над темными силами. Обращение к подобной теме как нельзя более соответствовало духу времени, когда весь мир ликовав и славил победу над чудовищной гидрой фашизма. Философский смысл и идейная направленность задуманного В. Чабукиани балета полностью выражала и музыка Гр. Киладзе.

Заслуженный успех спектакля подтвердил не только своевременность его появления, но и верный расчет на труппу, которая под руководством В. Чабукиани с 1941 года значительно окрепла к тому времени. Участие же в спектакле Вахтанга Чабукиани в заглавной партии определило его неизменный успех.

Нынешняя постановка балета «Синатле» в новой редакции доказала и сегодня его жизненность. Оставаясь верным своей идейной и художественной сути, балет

этот претерпел ряд изменений, обусловленных требованиями времени и эстетическими принципами, утвердившимися в творчестве В. Чабукиани за время от премьеры 1947 года до новой премьеры. Балеты, к которым В. Чабукиани возвращается повторно, никогда не бывают механическим воспроизведением их былой сценической жизни. Находясь как бы в постоянной доработке в сознании автора, они, при воскрешении на сцене, всегда являют собой новое, углубленное осмысление их сути, что приводит и к обновлению выразительных средств.

После премьеры «Синатле» в 1947 г. в ряде рецензий, опубликованных в местной и центральной прессе, давалась высокая оценка этой новаторской работе В. Чабукиани и несомненным достоинствам музыки Гр. Киладзе. В частности, в газете «Известия» еще тогда говорилось об утверждении в грузинском балете симфонического начала — «симфонизированного танца», подчеркивалось, что хореографическая часть спектакля свидетельствует о большой и серьезной педагогической работе с молодыми балетными кадрами. Однако наряду с этим были и замечания критического характера как в адрес композитора, так и художника. В той же рецензии отмечалась громоздкость декораций и неудобство их для танцевальной сцены. В «Правде» тоже высказывалось пожелание «...большей простоты и легкости декораций», делался упрек и композитору за «...частое использование медной и ударной групп, что заметно отягощает оркестровое звучание и утомляет слух». Работа над возобновлением спектакля велась с явным учетом выраженных в печати мнений.

Приступая к новой постановке «Синатле», В. Чабукиани в первую очередь тщательно выверил драматургическую канву балета. Были убраны некоторые действующие лица (невесты царевичей и др.), имеющие лишь косвенное отношение к драматическому действию. В связи с этим сократился ряд сцен, были изъяты и некоторые эпизоды, дробящие восприятие целого.

Пересмотр музыкальной партитуры также послужил задаче большей концентрации внимания на развитии действия. Купюры были сделаны в соответствии с драматургическими сокращениями и с учетом критических замечаний.

К работе над новым спектаклем были привлечены художники О. Кочакидзе, А. Словинский, Ю. Чикваидзе. Созданные по их эскизам декорации и костюмы оказались в полном соответствии с жанром этого балета и учитывали вместе с тем специфику современного оформления балетного спектакля. Площадка сцены, покрытая, как и в первой постановке, зеркальным полом, полностью освобождена для танца, задники, воссоздающие обобщенный образ места действия, то сказочно прекрасны, то сказочно мрачны, то сказочно героичны. Предельно облегчены и костюмы (в основном трико), где цвет, орнамент и незначительные детали одежды создают впечатление национальной и характерной окрашенности.

Большое значение в этом спектакле постановщик придает и свету. Свет не только подчеркивает или приглушает звучание красок, а как бы сам вписывается в хореографию, в пластические композиции и поэтому становится компонентом, несущим идейно-сюжетную нагрузку (освещение — Ю. Геккер). Стоит вспомнить хотя бы заключительную сцену в царстве Давриша — черные кулисы, сгруппированные в центре фигуры обитателей преисподней, тоже облаченных в черное. Они почти сливаются с черным зеркалом пола, и только воздетые руки колышутся и трепещут в зловеще-красном луче, создавая впечатление алдского костра. А в царстве фей радужный свет, пронизывающий воздушные тунки, делает окруживших Автандила фей схожими с клумбой сказочных цветов.

В апофеозе же свет, буквально заливающий сцену, обретает действительную силу символа (выраженного и в названии балета) — свет, добытый героем, огни должны служить народу.

В этот новый изобразительный строй спектакля как нельзя лучше и точнее вписалась неуываеваемая хореография балета, развитая, усложненная и обогащенная с учетом возросших возможностей балетной группы.

Новаторские принципы хореографии «Синатле» не только выдержали испытание временем, но и выявили новые свои потенциальные возможности. Симфонический танец, легший в основу балета, снимающий контрастный разрыв между пантомимой и танцем, утверждающий новую, предельно танцевальную, обогащенную новыми выразительными возможностями пластическую лексику, дающий еще более органичный сплав классики и элементов национальных, определил создание балет-

ного спектакля нового типа, в котором идейно-сюжетная линия целиком воплощена в хореографии, где танец и действие суть едины, а изгнание иллюстративности отнюдь не означает изгнания драматургии из балета. Нетрудно увидеть, что в «Синатле» были утверждены принципы хореографии, частично воплощенные впоследствии в некоторых новейших советских балетах (например, в «Легенде о любви»). Одной из отличительных черт «Синатле» (так же как и ряда других постановок В. Чабукиани) явилось вместе с тем гармоническое сочетание лирического и эпического начал в хореографии, богатство и щедрость балетмейстерской палитры, одинаково чуждой как натурализму, так и формальной отвлеченности и механистичности модернистского танца.

Обновление пантомимы, отказ от ее чисто «пояснительной», сюжетно-мотивационной роли усилил действенность и выразительность танца. Танцевальная лексика «Синатле» такова, что даже без либреттовых толкований можно «читать» сцену за сценой. Тут не только драматургическое действие в целом выражено танцем, но и каждый танец оправдан логикой и содержанием действия. Последнее относится и к традиционно «номерным» дивертисментным танцам, которые в балетах В. Чабукиани и не могут быть так названы — ведь не назовешь вставным (т. е. заменимым), например, мавританский танец в «Отелло» или же развернутую хореографическую картину «звездного» акта в «Демоне», которая по существу является прямой речью, монологом героя? В данном же случае даже ширазский и сямский танцы оправданы как характеристика Давриша, пользующегося своей свитой для «отвода глаз». В начале же сцены празднования совершеннолетия царевичей мы видим не просто танцы по поводу этого праздника, а образ торжества, выраженный танцем, передающий атмосферу светлой и благой юности — нежно-поэтической и мужественно-смелой одновременно. Выражается он лирически-певучими танцами девушек и упруго-стремительными танцами юношей. Эта сцена завершается развернутым танцевальным антре на музыку марша-шествия. И если в первой редакции балета это шествие носило характер парадной помпезности, то в переработке оно вылилось в большое танцевальное действие (гран па) — образец подлинно симфонического танца, в котором классика национально заострена.

Вся хореография спектакля выдержана в стиле обобщенной поэтичности и причудливой символики, столь соответствующих жанру балета-сказки. Поэтому и танцевально-классические композиции в основном концентрично-замкнутые, при всем различии их внутренней динамики, пластики и характерности, так предельно гармоничны :: завершены.

Новый спектакль еще раз продемонст-

рировал высокий профессионально-технический и актерский уровень балетной труппы театра. И то, что роль Автандила в премьеру была поручена молодому ведущему танцовщику Б. Монавардисашвили — лишнее тому доказательство. Он хорошо справился с технической стороной партии и смог по-своему передать духовный строй героя — мужественность и отвагу, стойкость и благородство.

Зрелое мастерство продемонстрировали в этом спектакле З. Кикалишвили (Давриш) и Евг. Геловани (Мзетунахави), которые в этих же ролях выступили впервые 18 лет назад. В то время казалось, что лучшего воплощения образа Давриша, чем это было сделано Кикалишвили, и требовать нельзя. Однако теперь наглядно видно, насколько заостренной, точнее и ярче обрисовывает танцовщик своего героя. Углубленной и нюансированной стала образная характеристика Мзетунахави и у Евг. Геловани. Слаженностью и гармоничностью отмечены в спектакле танцы царе-

вичей Автандила (Б. Монавардисашвили) и Рамаза (В. Гунашвили) с их настоящим (Т. Санадзе). Предельно оправдывает причудливо-характерную пластику матери Давриша Л. Церетели. С верным ощущением характерности танцуют и утонченная, самобытно-пластичная Э. Чабукиани (сиамский танец), и изящная темпераментная Л. Бабкова (ширазский). Полон сказочной отрешенности и парения танец Доброй Феи в исполнении И. Джандиери.

Говоря о радости новой встречи с балетом «Синатле» и о заслуженном успехе новой постановки этой жемчужины грузинской хореографии, следует отметить работу над музыкальной редакцией балета, осуществленную сыном покойного композитора Гр. Киладзе — Л. Киладзе.

Дирижер Д. Мирцхулава, уже не раз выступающий в содружестве с В. Чабукиани, чутко и вдумчиво, с большой музыкальностью и редким чувством танцевальности раскрыл партитуру балета.

Подписано к печати 15 января 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70 × 108,1 см

Заказ № 4218

Тираж 2100

УЭ 03707

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ფურნალი „ლიტერატურნა გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

ИНДЕКС
76117

83/38

ՀԱՅԿԵՐԱՆ
ԳՐԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

Цена 40 к.